

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

Е1—36

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1 9 6 6

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

ДРЕВНЕРУССКОЕ ОРУЖИЕ

Выпуск первый

МЕЧИ И САБЛИ

IX-XIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1 9 6 6

Ответственный редактор

М. К. КАРГЕР

*Светлой памяти матери,
погибшей в осажденном
Ленинграде.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раннесредневековое русское вооружение, воспетое в былинах и летописях и известное по многим сохранившимся образцам, «является одним из основных показателей культурного уровня наших далеких предков»¹ и давно заслуживает того, чтобы раскрыть его во всем богатстве и многообразии. Подготовка такого труда начата в 1957 г.² Ныне открылись возможности для публикации нашей работы в рамках «Свода археологических источников СССР». Читателю предлагаются два выпуска свода «Древнерусское оружие», которые имеют самостоятельное значение и одновременно объединены программным и методическим единством.

Первый выпуск посвящен рубящему оружию — мечам и саблям. Прямые и искривленные клинки всегда привлекали внимание и вызывали самые горячие споры. Здесь почти каждый предмет уникален по отделке и украшениям и требует индивидуальной характеристики. Особое значение приобретают недавно открытые и свойственные только данному

виду холодного оружия надписи и знаки на лезвиях мечей. Первая глава выпуска, о методике и источниках работы, построена таким образом, чтобы ввести читателя в круг проблем, связанных с изучением древнерусского вооружения в целом, она содержит установки ко всей работе.

Второй выпуск включает массовое оружие воинов: копья, сулицы, боевые топоры, булавы, дубины и кистени. Эти средства борьбы в отличие от своих «знатных соседей» клинков в большинстве являлись рядовыми и имели широкое распространение. При изучении этих предметов мы имели дело с многочисленными одинаковыми сериями их форм и типовыми характеристиками. В первом и втором выпусках содержатся исчерпывающие сведения об оружии ближнего боя. Заключительный раздел второго выпуска подводит итоги эволюции этого оружия, являющегося по своей боевой функции наступательным, что, конечно, не исключает и оборонительного его применения.

Готовится к печати наш третий выпуск, в нем будут разделы о защитных доспехах (шлемы, щиты, панцири и кольчуги), снаряжении всадника и его коня (шпоры, стремяна, седла, узды, удила). Наряду с вещественными источниками большое внимание будет уделено

¹ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, вып. 4, М., 1946, стр. 3.

² В 1963 г. автором была защищена диссертация на тему «Русское оружие ближнего боя (X—XIII вв.)».

и изобразительным: печатям, миниатюрам, иконам.

Предложенное членение по выпускам имеет свою логику и обусловлено спецификой и особенностями материала.

Оружью дальнего боя, а именно луку и стрелам, посвящена монография Л. Ф. Мед-

ведева. Читатель, ознакомившись со всеми выпусками свода о древнерусском оружии, получит полное представление о военной технике домонгольской Руси. Подобная «оружиеведческая» публикация осуществляется в нашей стране впервые по инициативе Б. А. Рыбакова.

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой работе прослеживается возникновение, развитие, распространение и, когда возможно, назначение и боевое использование древнего русского оружия.

Для установления изменений в развитии средневекового оружия и выяснения причин этого необходимо проследить его эволюцию на достаточно продолжительном отрезке времени. Хронологические рамки настоящей работы предоставляют большие возможности для такого рода наблюдений: они охватывают домонгольский период, т. е. время от возникновения Киевской Руси до середины XIII в. Этот период объединен последовательностью развития и общностью культурно-исторических процессов.

В работе исследуется оружие, найденное на всей территории древней Руси, независимо от его этнической принадлежности. С самого начала Древнерусского государства его войско было разноплеменным по составу и включало, кроме русских, чудь, варягов, балтов, западных славян, кочевников. Последнее обстоятельство не могло не отразиться на особенностях восточноевропейской военной техники.

Распространение того или иного оружия, способы его использования во многом определяются социальным составом армий, общественным положением людей, владеющих средствами борьбы. Иными словами, оружие нельзя рассматривать в отрыве от социальной среды, не касаясь тех слоев и групп, из которых состоит войско. Изучая оружие как составную часть ремесла, видя в нем отражение возможностей тогдашнего производства можно прийти к результатам, характеризующим как военное дело, так и хозяйственную, торговую и социальную жизнь древнерусского общества.¹

¹О взаимосвязи техники, тактики и социально-экономических факторов, см.: П. А. Раппопорт.

Поэтому исследование тех или иных видов вооружения не было самоцелью, а послужило основанием для некоторых более общих историко-культурных выводов.

Выбор данной темы не случаен. Боевая техника и прежде всего наступательное оружие имели большое значение в жизни древнерусского общества. Оружие ближнего боя сплошь и рядом можно назвать решающим в системе средств тогдашней борьбы, оно более всего влияло на результат боя и во многом определяло уровень древнерусской военной техники. Большая роль оружия в жизни средневековых государств связана с ролью и значением войн того времени. В судьбах древнего мира войны являлись важнейшей двигательной силой. Они ускоряли или тормозили развитие народов, способствовали сплочению или разъединению племен, формированию и совершенствованию профессиональных войск и прогрессу военного искусства в целом. Для раннесредневековой Руси война, по словам Б. Д. Грекова, являлась «главным средством разрешения стоящих перед ней задач».² Действительно, для Руси X—XIII вв. война была типичным и почти постоянным явлением. Так, по нашим приблизительным подсчетам, с 1060 по 1237 г. (период современного летописанию) письменные источники отмечают 265 крупных и мелких походов, сражений и боев. Из этих военных предприятий только 55 (т. е. около 1/5) связаны с осадой и обороной городов, во всех остальных случаях речь идет о полевой войне. Отсюда ясно, что развитие военной техники было направ-

Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. МИА, № 105, 1961, стр. 241, и сл.

²Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 317.

лено в первую очередь на обслуживание нужд полевого сражения.³ Вопросы организации войска и производства холодного оружия для открытого полевого сражения были, следовательно, важнейшими.

Помимо чисто военного, важно отметить и промысловое значение оружия. Хозяйство древней Руси следует изучать не только по наральникам, серпам и косам, но и по копьям, топорам и стрелам.

Изготовление оружия определяется материальными условиями жизни общества. Влияние способа производства на развитие технической базы осуществляется через отношения людей и в большой мере зависит от того или иного общественного строя и того или иного социально-политического устройства общества. Поэтому не всегда изменения боевой техники прямо и непосредственно могут быть объяснены экономическими факторами. Оружие, будучи изготовлено, само становится мощным источником различных изменений и влияний, при этом значение военных средств не ограничивается их боевыми функциями: «... успехи техники, едва они становились применимыми и фактически применялись в военном деле, тотчас же — почти насильственно, часто к тому же против воли военного командования — вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя».⁴ «Орудия войны» влияли на ход войны, тактику боя, устройство и боеспособность войск. Изменение и применение тех или иных средств борьбы иногда определяло новые эпохи в развитии военного дела. Широкое использование наиболее совершенного оружия способствовало крупным политическим успехам народов и государств. Однако развитие оружия — сложный процесс и его следует понимать в диалек-

тической связи явлений. Не всегда оружие являлось источником «всеобъемлющих» влияний на военное искусство. Более того, чем глубже в древность, тем ошутимее становятся внешние силы, ускорявшие или замедлявшие развитие самих боевых средств. На них оказывали прямое и косвенное воздействие различные явления социально-политической жизни, тактика боя, заимствование чужих достижений, вражеские вторжения и т. п.

Военная техника феодального общества концентрирует лучшие достижения производства и усилия многих поколений мастеров и ремесленников. Рассматриваемая область материальной культуры очень подвижна и изменчива. Русский книжник XI—XII вв. так сформулировал эту особенность: «Бранно бо естество не на едином стоит, но изменяется».⁵ Военные изобретения средневековья распространяются и заимствуются с удивительной быстротой. В отличие, например, от бытового и хозяйственного инвентаря, украшений, формы оружия многих европейских стран характеризуются поразительным сходством. Несомненно, что в развитии военного искусства многих народов было много общего. А война, по словам К. Маркса, является одной из самых ранних и распространенных форм внешних сношений. В то же время одинаковые военные приемы, распространенные на больших территориях, не могут заслонить местные особенности и своеобразие военного дела каждой отдельной страны. Отсюда вытекает одна из существенных сторон исследования: распознать, как в процессе развития оружия достижения соседних народов сочетались с собственным опытом. Только во «всеоружии» знаний, проверенных на широком сравнительном материале, исследователь-оружиевед может избежать недооценки или преувеличений национальной военной истории.

³ А. Н. Кирпичников. Метательная артиллерия древней Руси. МИА, № 77, 1958, стр. 11—12. — Мы не отрицаем роли осадной техники, однако ее значение в X—XII вв. кажется нам меньшим сравнительно с другими средствами борьбы.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, М., 1961, стр. 176.

⁵ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М. — Л., 1958, стр. 322.

ГЛАВА 1

ИСТОЧНИКИ, ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛА

И наполняет поля храбрых мужей, и всю землю облистоваху копия, и сияху шлемове, и щитове зоряхуся, и воздух облистоваше сулицами...

Никоновская летопись под 912 г.

За прошедшие более чем 100 лет археология накопила огромный вещественный материал. Для нашей работы он является основным источником. Розыски древнего оружия и его описаний привели нас в архивы, библиотеки, музеи Ленинграда, Москвы, Киева, Львова и других городов.¹ Многие исследователи представили нам свой неопубликованный материал.² В результате с достаточной полнотой были собраны сведения об оружии IX—XIII вв., найденном в погребениях, на поселениях и случайно, возник большой фонд рисунков и фотографий. Часть их воспроизведена в нашей работе.³ Кроме того, была составлена картотека археологических памятников, содержащих раннесредневековое ору-

жие. Она учитывает 1300 погребений⁴ и около 100 поселений. При этом мы исходили из того, что изучение вещей только в сочетании с сопутствующими находками обеспечивает им качество полноценного исторического источника. При составлении картотеки собирались все сведения о том или ином комплексе и интересующем нас предмете (включая обстоятельства находки, форму и размеры, место хранения, датировку и проч.). Многие из этих сведений для данной темы имеют подсобный характер, в работу они не попали, но все вместе создали прочную источниковедческую базу. Опасения в «нехватке» материала, возникшие в начале работы, оказались безосновательными. Количество изученного нами оружия выражается в следующих цифрах (включая целые экземпляры и их фрагменты): наконечников копий 754 экз., сулиц 47, боевых топоров 573, мечей 183, сабель 150, скрамасаксов⁵ 10, кинжалов 5, булав 102, кистей 127.

¹ Специальная характеристика материалов, найденных и зарегистрированных в каждом из обследованных хранилищ, вряд ли здесь целесообразна. Все эти данные помещены в каталоге.

² Особенно признательны мы М. К. Каргеру, Г. Ф. Корзухиной, Ф. Д. Гуревич, Д. А. Авдусину, М. В. Фехнер, Д. И. Блительду, Р. А. Юре. За оформление рисунков благодарим О. В. Харитонову.

³ В подписях к иллюстрациям (рис. 1-54) цифра, стоящая в скобках, обозначает номер предмета по каталогу. Для вещей, не вошедших в каталог, в скобках указывается место нахождения, хранения и другие сведения.

⁴ Эти 1300 погребений с оружием находились в могильниках X—XIII вв., насчитывающих около 30 000 раскопанных захоронений.

⁵ В это число входят и несохранившиеся, утраченные или деформированные вещи, о которых известно, что они найдены на территории древней Руси и относятся к IX—XIII вв.

Сбор и поиск перечисленных предметов были увлекательным, но весьма длительным и трудоемким занятием. Дело в том, что большинство мечей, копий, топоров, сабель, булав и кистеней найдено 50—100 лет тому назад. Разрыв между временем находки вещи и ее изучением часто насчитывает десятки лет. Естественно, что столь длительные сроки не лучшим образом сказались на сохранности материала. Часть вещей безвозвратно пропала, другая — депаспортизовалась. Дробление и «обезличка» коллекций — явление, нередкое даже для крупнейших музеев.⁶ Часть таких изделий, как мечи, шлемы, издана. Такое же оружие, как копья, топоры, стрелы, даже в больших и сводных трудах публиковалось выборочно и порой схематично. Фонд вещей, которые еще не стали достоянием науки, весьма значителен. Большинство предметов ратного снаряжения найдено в курганах. Времена, когда «страсть копать в могилах распространилась..., как иногда эпидемическая горячка или чума»,⁷ оставили большое, но плохо документированное наследство. Источниковед похож здесь на человека, который приводит в порядок старый запущенный дом. «Второе открытие» давно найденных вещей оказалось далеко бесполезным.

Приведу несколько примеров (возможно, интересных слависту). Известно, что грандиозные раскопки Владимирских курганов А. С. Уваровым и П. С. Савельевым снискали себе печальную славу отсутствием необходимой фиксации памятников. Существенным для нас было то, что дневники этих раскопок существовали и были частично изданы.⁸ Почти 60 лет тому назад А. А. Спицын разыскал дневник П. С. Савельева (за 1853 и частично за 1854 г.). В архиве ГИМа мне удалось обнаружить дневник А. С. Уварова (за 1851—1852 гг.).⁹ Таким образом, теперь можно заявить, что дневники 7757 раскопанных Владимирских курганов

⁶ Например, интересовавший меня материал из городища Княжа Гора оказался рассредоточен в музеях Киева, Чернигова, Львова, Одессы, Москвы и Ленинграда.

⁷ Н. Ушаков. Некоторые замечания о курганах. Отечественные записки, т. XXXIV, СПб., 1844, смесь, стр. 85.

⁸ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. Труды I АС, т. II, М., 1871, стр. 788 и сл. — Вот что писал А. А. Спицын о документальной оснащенности этого труда: «В печатной работе об этих курганах дан перечень находок 1/6 части всех курганов и определено место лишь 313 предметов. Печально прошлое младенческое состояние русской археологии» (А. Спицын. Древности Иваново-Вознесенской губернии. В сб.: Иваново-Вознесенская губерния, Иваново, 1924, стр. 186). Подход А. С. Уварова к раскопанным предметам характеризуют его же собственные слова «вещи хотя и недостойны особого внимания, но необходимы для археологических соображений». (Из рапорта А. С. Уварова Л. Перовскому от 11 октября 1851 г., Архив ГИМ, ф. 17, № 401/43).

⁹ Архив ГИМ, ф. 17, №№ 266/2, 401/43, 41/27.

существуют почти полностью. К сожалению дневниковые записи почти не сопоставляются с вещами и использовать их можно с осторожностью, однако они сохранили описания около 250 комплексов с оружием X—XI вв.

Нередки случаи, когда вещи «отрываются» от своих регистрационных описей и шифров. Так произошло с частью коллекции древностей из приладожских раскопок Н. Е. Бранденбурга. Оружие из этих раскопок удалось частично опознать и паспортизировать по разгланному в архиве ГИМа «клочку» и по рисункам Н. Е. Бранденбурга, хранящимся в архиве ЛОИА.¹⁰ Восстановление спутанных комплексов иногда представляет трудно разрешимую головоломку. Так было с паспортизацией гнездовского оружия из раскопок В. Д. Соколова и В. И. Сизова. Лишь обнаружение в архивах ЛОИА и ГИМа бессистемных и небрежных записей В. И. Сизова в сопоставлении с некоторыми изданными сведениями,¹¹ помогло частично восстановить гнездовский вещевой инвентарь по курганно. Работа по разбору и упорядочиванию древностей не составляла нашу непосредственную задачу, но для комплексного изучения и определения вещей она оказалась совершенно необходимой.

При сборе древнерусского оружия мы сталкиваемся с источниками разнообразными в географическом, этническом, хронологическом и социальном отношении. Археологические памятники, содержащие древнерусское оружие, нуждаются в специальном источниковедческом разборе.

Нахождение оружия в поселениях связано часто со всякого рода случайностями, и в первую очередь — с пожарами, катастрофами, вражескими завоеваниями. Закономерно, что наибольшее количество оружия XII—XIII вв. найдено в южнорусских городах, ставших жертвой монгольского погрома. Жители городов и деревень высоко ценили мечи, копья, топоры, шлемы, щиты и в мирное время редко их теряли. В городских слоях встречается иногда негодное, ломаное или не оконченное обработкой оружие. В целом же оружейное ремесло представлено в подавляющем боль-

¹⁰ Чертежохранилище ЛОИА, № 1590—1959.

¹¹ ГИМ, научно-ведомственный архив, ф. 1, № 1; РИМ, Указатель памятников. М., 1893, стр. 93 и сл. — Критическая оценка работы В. И. Сизова, данная А. А. Спицыным, в полной мере сохраняет свое значение и поныне: «Гнездовский могильник ждет издателя. Работа о нем В. И. Сизова — есть описание найденных в могильнике предметов, каждого в отдельности, без связи с другими. Несравненно более важно было бы издать отчеты о всех произведенных в могильнике раскопках, с указанием типа каждой найденной вещи...» (А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 18). А. А. Спицын не знал, что В. И. Сизов, по-видимому, не вел систематических дневников раскопок Гнездова. А ведь В. И. Сизов раскопал там в 1880—1901 гг. 240 курганов.

шинстве случаев готовой продукцией. О мастерских мало что известно.

Основными «хранилищами» военных древностей являются погребения. Это типично для X—XI вв. Наши языческие предки верили в существование «того света», в котором «сажают, сеют и собирают урожай, сражаются и борются, но делают все это в идеальных условиях».¹² Поэтому похороны людей обставлялись всем необходимым, в том числе и оружием. Так, по сообщению Ибн Фадлана, при сожжении руса «принесли все его оружие и положили рядом с ним».¹³ Еще подробнее более позднее свидетельство о русах: «Когда умирал один из них, хоронили его, а вместе с ним его оружие, платье и орудия, и жену или кого-нибудь другого из женщин, и слугу его, если он любил его, согласно их обычаю».¹⁴ Погребения киевских дружинников X в. соответствуют этим сведениям и содержат много самых различных вещей, в том числе и военных. Разнообразие и подбор могильных приношений определяется социальным положением человека. Совершенно точно языческие похоронные обряды описал и объяснил средневековый хронист Петр Дуйсбург. «Они (речь идет о пруссах, — А. К.) верили, что если кто-нибудь в этой жизни был знатным и не знатным, богатым и бедным, могущественным или слабым, таким же он будет после воскресения в будущей жизни. Отсюда происходит то, что вместе со знатными умершими сжигалось оружие, кони, рабы и служанки, одежда, охотничьи собаки, хищные птицы и все остальное, что имеет отношение к военной службе. С людьми же незнатными сжигали то, что имело отношение к их обязанностям».¹⁵ Приведенная характеристика имеет отношение и к русским похоронным обычаям конца IX — начала XI в. Курганы с оружием этого времени довольно полно отражают вооруженность и военную организацию общества с присущими ему социальными контрастами.

Новое положение складывается во второй четверти XI—XII вв. в связи с христианизацией населения. На окраинах страны, особенно на землях с нерусским населением, влияние новой веры было слабее и пережитки язычества держались столетиями, поэтому именно в этих местах предметы (в том числе и военные) в погребениях будут присутствовать еще долгое время, а в собственно русских областях

¹²Ю. Липс. Происхождение вещей. М., 1954, стр. 399.

¹³А. Н. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1957, стр. 144.

¹⁴А. Якубовский. Ибн Мискавейх о походе русов в Бордаа в 943—944 гг. Византийский вестник, т. XXIV, Л., 1926, стр. 69.

¹⁵Петр Дуйсбург. Хроника Прусской земли (закончена в 1326 г.; цит. по кн.: В. Т. Пашуто. Образование литовского государства. М., 1959, стр. 106).

мечей, копий, топоров, стрел в захоронениях становится все меньше, а их разнообразие сводится к единичным предметам и даже символам (например, votивные топоры).

В XI—XII вв. погребения принадлежат средним и беднейшим слоям населения и зачастую не дают полного представления о вооруженности общества. По оружию русских погребений этого времени можно судить лишь о его формах, типах, составе, распространенности, хронологии и социальной принадлежности. У некоторых же неславянских племен, населявших русскую территорию, погребения с оружием довольно полно воспроизводят техническую оснащенность войска (почти половина всех кочевников Киевского Поросья погребены с оружием). Печенеги, берендеи, торки, жившие в XI—XIII вв. рядом со столицей Киевом, хоронили своих соплеменников с таким обилием военной утвари, которое наминает варварскую роскошь курганных обрядов языческой Руси X в. Обилие оружия в не русских погребениях XI—XII вв. все в большей степени начинает означать отставание социального и политического развития общества в этих районах. Характерно, что упадок русской культуры вследствие военных катастроф середины XIII в. вызвал местами оживление языческих обрядов. Именно к этому времени относится «расцвет» в северо-западной Белоруссии весьма низко организованной культуры «каменных могил» с множеством присущих ей военных изделий.

Попытки буквального отождествления погребенного оружия с боевыми средствами, которые существовали у народа в действительности, приводили к заблуждениям. Немногочисленность оружия в славянских курганах (что не так давно казалось безусловным) поняли как его недостаточность у славян вообще. Это породило теорию о славянах как кротком «голубином» народе. Славянам ставили в упрек «недостаток воинственности», «отсутствие воинственного натиска».¹⁶ Не найдя оружия в дреговичских курганах Припятского Полесья, В. З. Завитневич, например, заявил: «Привыкли смотреть на мирные занятия, как необходимое условие нормальной жизни, наши языческие предки переносили этот взгляд на загробную жизнь, представление о которой делало оружие не нужным, а поэтому оно не клалось в могилу с покойником».¹⁷ Такое понимание вопроса является упрощенным.

В период крупных изменений общественно-экономического уклада (в данном случае —

¹⁶Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 243.

¹⁷В. З. Завитневич. 1) Из археологической экскурсии в Припятском Полесье, IV кн. ЧИОНЛ, отдельный оттиск, Киев, 1890, стр. 26; 2) Военное дело у славян в эпоху их выступления на историческую арену. ВИС, 1909, № 1—2, стр. 16.

XI в.) отсутствие или наличие оружия в погребениях не всегда определяет «воинственность» и степень вооруженности народа и зависит не только от уровня исторического развития и культовых обрядов, но и от племенных особенностей, традиций и влияния этнически инородного населения. В. В. Седов, например, установил, что «оружие и украшения в мужских погребениях славян (XI—XIII вв., — А. К.) встречаются лишь в тех районах Восточной Европы, где славянские племена соприкасались и смешивались с финским и балтийским населением»,¹⁸ у которого наличие большого количества оружия в захоронениях было устойчивой местной традицией.

Этническая пестрота населения Киевской Руси сильнейшим образом отразилась на неравномерности территориального распределения военного материала. Наибольшее количество оружия X в. происходит из районов древнейших русских городов (Смоленская, Ярославль, Киев, Чернигов) и областей, лежащих на центральных речных путях (Приладожье, Суздальское Ополье). Оружие из собственно русских земель распределено более или менее однородно. В составе арсенала русских боевых средств этого времени существует оружие чудских племен, скандинавов (север и центр) и отчасти кочевников (юг).¹⁹ В XI в. исчезает оружие, которое можно связать с норманскими

¹⁸ В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси. СА, 1961, № 2, стр. 107.

¹⁹ Основная территория Киевской Руси с многоплеменным по своему составу населением сложилась в IX—X вв., но не везде ее границы (которые к тому же в дальнейшем заметно передвигались) точно определены. Мы сочли вправе включить в работу материалы некоторых окраинных земель, которые лишь условно можно связать с историей русской культуры и использование которых требует оговорки. Так, привлечены древности Муромщины. Установлено, что процесс включения этого района в состав Руси активно протекал в течение всего X в. В работе рассматриваются также кочевнические памятники Киевского Поросья и Ростовской области (в том числе древности хазарского Саркела). Следует заметить, что кочевники, осевшие на этих территориях в X в., были менее тесно связаны с Киевским государством, чем чудские племена. Однако и они очень тесно соприкасались с русским населением и жили рядом с русскими городами. Например, торки, оставившие Цимлянский могильник, хоронили своих соплеменников по соседству со славянским беловежским кладбищем. Нам кажется, что разделение более или менее одновременных вещей, происходящих из одного небольшого района, по этническому признаку здесь не оправдывает себя. Ошибочно в состав материалов X в. были включены два кургана с оружием из Закарпатской области. Как выяснилось в 1962 г. после обследования, произведенного П. А. Раппопортом, эта зона, хотя и была славянской, но большей частью относилась к Венгрии. Включение в работу некоторых других памятников, отнесение которых к русской государственной территории полностью не определено или спорно, не вносит путаницы в наши построения. При анализе находок, мы везде, насколько это возможно, разделяем русские и нерусские древности.

воинами. Впрочем, о «норманском» оружии мы говорим лишь гипотетически, так как опознать его даже в скандинавских погребениях²⁰ на Руси оказалось почти невозможным.²¹ Количество же оружия, найденного в чудских и кочевнических памятниках XI—XII вв., возрастает. Наблюдается увеличение числа находок от центра к периферии, особенно к северу (Ленинградская область). Оружие не исчезает в этот период и в русских районах (Калининская, Ярославская, Владимирская, Смоленская, Минская, Гомельская и Курская области), но его обнаружено меньше, чем на окраинах. В XII—XIII вв. картина упрощается. Оружие происходит из погребений некоторых финно-славянских и кочевнических областей (Ленинградская, Костромская области и Киевское Поросье), а также из южно-русских городов, погибших при татаро-монгольском нашествии.

Возникает вопрос, можем ли мы, имея дело с «мозаикой» разноплеменных культур на древнерусской территории, сталкиваясь с обилием военных древностей в одних районах и отсутствием их в других, судить о развитии русского оружия в целом. Положительный ответ на этот вопрос связан с активной прогрессивной ролью Киевской Руси в судьбах раннесредневековой Восточной Европы. Силу русского культурного влияния и «стремительность натиска» подметил еще А. А. Спицын,²² ныне фактов этого рода накопилось значительно больше. Общественно-экономическое развитие Древнерусского государства оказало огромное воздействие на соседние народы. Так, славянская колонизация во многом способствовала ликвидации местной обособленности таких племен, как водь, меря, мурома.²³ Знакомство с русской культурой ускорило темп культурного и хозяйственного развития районов с иноплеменным населением (Приладожье, Подонье, Приокские земли). Русское влияние сказалось также и на типах финского и кочевнического оружия. По военным древностям, найденным в нерусских областях, можно иногда судить и о русском оружии и его эволюции. Наряду с этим многие племена приняли участие в формировании древнерусской народности. Отряды иноплеменников влияли в русские дружины, что отразилось и на развитии боевой техники. В результате всех

²⁰ «Археологические данные показывают, что количество самих варяжских воинов, живших постоянно на Руси, было очень невелико и исчислялось десятками и сотнями» (см.: Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. ВИ, 1962, № 4, стр. 37).

²¹ А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.). СА, 1961, № 4, стр. 194.

²² А. А. Спицын. Древности Иваново-Вознесенской губернии, стр. 183—184.

²³ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 96, 116—117, 136—139, 247.

этих сложных и порой трудно улавливаемых процессов на огромной территории Древнерусского государства в X в. существовали более или менее единообразные типы (с учетом зональных особенностей) оружия, которые освоили и во все более совершенном виде выпускали местные центры.

Итак, археологические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют изучить не только вооружение иноплеменных частей русского войска (например, кочевников, осевших на юге Киевщины), но и боевые средства русской рати в целом.

Следует отметить, что в период раннего феодализма оружие все более утрачивает свою этническую определенность. И происходит это не только в пределах одной области или страны, но в масштабе всего европейского континента. Одни и те же по форме мечи и копья носили воины в разных концах Европы. Распространение военно-технических достижений приобрело почти всеобщий характер. Общность в развитии оружия наблюдается на огромных пространствах. Отметим при этом, что в России по сравнению с некоторыми странами Центральной и Западной Европы, найдено столь значительное количество разнообразного вооружения X—XIII вв., что его изучение во многих отношениях будет иметь общеевропейское значение.²⁴

Сходство форм оружия, конечно, не исключает его локальных особенностей, которые достаточно отчетливо улавливаются и на больших территориях. Мы постараемся показать, что эволюция оружия древней Руси сравнительно с другими странами средневековой Европы отличается большим своеобразием. Русь находилась между Востоком и Западом. Географическое положение и разнообразие форм борьбы наложили свой отпечаток на ее военную историю.

²⁴Количество оружия X—XIII вв., найденного в Европе, уменьшается по мере движения с востока на запад и с севера на юг. Кроме России, военными древностями богаты Скандинавия, Юго-Восточная Прибалтика, Польша (о количестве польского вооружения, см.: A. Nadolski, *Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku*. Łódź, 1954, стр. 132), Венгрия, Чехия; во Франции, Германии, Англии, Италии их мало (например, число шлемов и кольчуг едва ли превышает там десяток — см.: C. Blair, *European Armour*. London, 1958, стр. 19, и сл.). Малочисленность в Западной Европе археологических комплексов с оружием X—XIII вв. (источниковедчески случайная) объясняется историческими особенностями развития этих районов. Известно, например, что Карл Великий в 785 г. запретил языческие погребения (содержащие обычно много военных изделий) во Франкской империи. (Л. Нидерле. *Славянские древности*. М., 1956, стр. 372). Кроме того, в Западной и отчасти Центральной Европе по сравнению с Русью нет областей с таким количеством одновременно погибших городов XII—XIII вв. А ведь раскопки этих городов на Руси изобилуют находками мечей, сабель, стрел, копий и другого ратного снаряжения.

Одной из задач настоящей работы является установление хронологии вещественного материала. Определение даты предметов во многом зависит от наличия и степени изученности их археологического окружения. Изделия, найденные в погребениях, как правило, соответствуют времени самого захоронения.²⁵ Следовательно, вещи, встреченные в могиле, одновременны, они не передавались по наследству, и их использование обычно измерялось продолжительностью жизни их владельца. Об этом свидетельствует умышленная порча и поломка оружия, как бы «умиравшего» вместе со своим хозяином. Большой определенностью отличается хронология предметов, найденных в однослойных поселениях. Значительная часть найденных изделий соответствует обычно последнему периоду существования поселения. Во всех приведенных случаях установление даты группы изделий хотя бы по одной вещи, хронология которой хорошо разработана (мечи, наконечники ножен мечей, шпоры), всегда давало более или менее верный результат. Учтем при этом, что теоретически разница во времени изготовления вещей, происходящих из одновременного археологического комплекса, едва ли превышала два-три десятилетия. Сложнее обстоит дело с предметами, происходящими из многослойных памятников и случайных находок. Здесь при определении даты приходится учитывать многие моменты: орнамент, детали отделки, наличие аналогий и т. п. В период раннего средневековья примеры длительного сохранения (в пределах 200—300 лет) оружия единичны. К таким изделиям относились мечи и сабли прославленных витязей, особо почитаемые боевые реликвии (например, мечи и шлемы).

Из поколения в поколение оружие совершенствовалось весьма заметно. Изменение его форм, украшений, деталей довольно точно локализуется во времени. Отсюда возникает необходимость как можно точнее определить эти даты.

Эволюция оружия связана с развитием самого общества. Развитие раннесредневековой Руси от раннефеодального государства в IX — начале XII в. к периоду феодальной раздробленности в XII—XIII вв. в какой-то степени соответствует этапам эволюции оружия, но не во всем с ними совпадает. Хронология «орудия войны» более детальна. Мы исходим при этом из того, что хронологическая обработка источников должна последовательно производиться в пределах нескольких исторических отрезков. Уже в приведенной выше характеристике погребений и поселений с ору-

²⁵Ср.: Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI века. СА, т. XIII, 1950, стр. 64—65.

жием оказалось невозможным обойтись без хронологических членений. Здесь нужно обосновать их точнее. Объем и особенности изучаемого материала позволили в пределах IX—XIII вв. выделить три периода (во избежание ошибок эти периоды несколько «наслаиваются» друг на друга): IX — начало XI в., XI—XII вв. и XII—XIII вв. Размещение материала внутри каждого из этих периодов таково, что наметились более узкие промежутки времени. Хронологические этапы развития домонгольского оружия в основном следующие: X в., XI в. и XII — первая половина XIII в. Принятое нами трехчастное хронологическое разделение материала определяет вехи развития древнерусского оружия с точностью приблизительно до века, иногда и уже. Возможность такой датировки на данном уровне развития археологии вполне реальна. Раздельная характеристика материала по этапам опирается на существующие в науке датировки археологических комплексов. Не следует, однако, считать что наша задача заключалась только в перенесении существующих в археологии дат на военные древности (хотя и это было необходимо). Хронологическое изучение материала привело к тому, что предметы во многих случаях не только получили уточненные даты, но и сами стали более или менее надежным датировочным средством. Поэтапное рассмотрение домонгольского оружия позволяет лучше фиксировать как крупные, так и мелкие изменения военной техники, выявляет новые элементы прогресса, раскрывает вещь в развитии, наконец, обнаруживает закономерности эволюции комплекса боевых средств в каждом периоде.

Хронологические периоды развития древнерусского оружия «историчны» (это не просто среднее арифметическое для удобства обработки материала); они связаны с военной и социальной жизнью страны. Краткая оценка этих периодов покажет в каком отношении к каждому из них находится вещественный материал.

IX — начало XI в. — период создания раннефеодального государства. Вследствие больших изменений военного дела сложились достаточно организованное войско и система его вооружения. О ратном снаряжении этого периода мы судим главным образом по крупнейшим древнерусским некрополям. В языческих курганах по обряду трупосожжения (исключения незначительны) похоронены как рядовые воины, так и представители знати. Разнообразие дружинного оружия в погребениях увеличивается во второй половине X в., когда «суровая простота убора предшествующего периода сменяется варварской роскошью».²⁶ В основном курганы X в. хранят

²⁶ М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1, М. — Л., 1958, стр. 227.

в себе вооружение профессиональных воинов-дружинников,²⁷ составлявших основу правящего класса.

XI—XII века. — период дальнейшего развития раннефеодального государства. Большая часть находок связывается с многочисленными крестьянскими кладбищами центральной и северной России. Погребения младших дружинников «археологически улавливаются по сравнительно богатым и крупным курганам, расположенным среди деревенского кладбища рядом с курганами смердов».²⁸ Постепенно погребения состоятельных воинов исчезают, но остаются захоронения мужчин с оружием (по обряду трупоположения). О воинском уборе социальных верхов, крупной знати этого периода, мы знаем поэтому значительно меньше, чем в предшествующее время. Археологические данные главным образом характеризуют вооружение рядового дружинника и простого свободного человека — смерда и ремесленника.

XII—XIII века — период феодальной раздробленности. Войско состоит из отрядов отдельных княжеств и его состав все более ограничивается кастой военных слуг. Вещественные источники сильно сокращаются. Известно оружие горожан, погибших при защите южнорусских городов во время татаро-монгольского нашествия в 40-х годах XIII в., и тюркоязычных черных клобуков, населявших пограничные со степью районы Руси и хоронивших еще в XII—XIII вв. по языческим обрядам. Целостного представления о вооружении различных социальных слоев населения в этот период археология не дает.

Итак, периоды намечены, они «историчны» и в большей или меньшей степени обеспечены материалом.

Источниковедческая характеристика этапов развития военной техники неизбежно связана с общеисторическими процессами и затрагивает социальное значение оружия. Социальное неравенство, присущее военной организации феодального общества, обусловило различие между простым и аристократическим оружием, между вооружением народных масс и знати. В древнерусском войске были представители не только различных племен, но и различных классов общества. Судя по изобразительным источникам, атрибутом знатного феодала-воина были чаще всего меч, копье, щит и панцирь. На долю же простого ратника приходился топор и лук. В жизни же было сложнее. Арсенал боевых средств определялся рядовыми, массовыми изделиями, которые в равной мере могли использовать и профессиональ-

²⁷ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, вып. 4, М., 1946.

²⁸ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 463.

ные воины, и смерды, только вторые были намного беднее первых. «Созванные на войну смерды и ремесленники довольствовались тем оружием, которое они могли найти в своем хозяйстве среди орудий труда или для изготовления которого не нужно было тратить значительных средств».²⁹ Роль простонародного оружия оценивается в зависимости от степени участия социальных низов в феодальной войне. При этом нельзя забывать, что общей тенденцией раннего феодализма было уменьшение военной роли народных масс и увеличение значения рыцарских отрядов. Тем не менее в течение всего домонгольского периода народ в большей или меньшей степени участвовал в военных делах и не один раз феодальные вожди обращались к помощи простых ополченцев — горожан и крестьян.

Установление времени военных древностей производилось одновременно с их классификацией. Исходя из того, что «большого единообразия в вооружении быть не могло»,³⁰ типологию русского оружия долгое время считали мало перспективным занятием. Конечно, в условиях средневекового ремесленного производства поиски строгого единообразия в изготовлении вещей бесплодны. Однако вполне ясно выраженные серии одинаковых изделий с большими или меньшими видоизменениями существовали. Классификация вещей помогает определить закономерности их развития, поэтому поиск, выделение и изучение типов являются важной задачей. В один тип мы объединяем однозначные предметы, имеющие одинаковые формы. При этом учитывается назначение вещи и ее конструкция, в том числе самая главная, а именно действующая часть (например, лезвие копья или топора).

За каждым из выделенных типов стоят целые серии одинаковых предметов. Количество их всегда учитывается. Выделение и группировка однопорядковой серии изделий по существенным сочетающимся признакам помогли избежать необоснованной множественности типов и путаницы в их соотношении. Следует также учесть, что сопоставление оружия не всегда возможно лишь по главнейшим признакам. Имеют значение мелкие детали, конструктивные особенности, украшения, отделка. Оружие периода раннего феодализма сохраняет нередко поразительное сходство на огромных территориях. В таких случаях анализ мелких, на первый взгляд несущественных признаков, приводит к неожиданным и плодотворным результатам: точнее определяется дата, угадывается производящий центр и даже устанавливается направление торговых путей. Все эти обстоятельства лишили нас возмож-

ности провести типологическое деление различных категорий вещей по одному принципу. Возникла необходимость оперировать вариантами одного типа³¹ (например, для булавы, копий и топоров), сопоставлять предметы по их, казалось бы, незначительным деталям. Разные категории «военных» предметов требуют различного подхода. Дорогие, нарядные, уникальные вещи сопоставлялись больше не по конструкции, а по таким внешним признакам, как украшения, орнамент и т. п. Этим предметам (например, мечам) нередко присущи общеевропейские, даже международные черты. Обычно такие вещи характеризуют военный быт феодальной знати. Иначе обстоит дело с обработкой таких массовых изделий, как копья и топоры. Для того, чтобы создать их типологию, потребовалось произвести десятки и сотни сопоставлений, учесть возможно большее количество находок и аналогий, установить последовательные ряды одинаковых форм.

При выделении типов важно определить их взаимное расположение. «Субъективность и неточность, скрещивание терминов и пропуски неизбежны при выделении типов, если по построению схема типологической классификации».³² При группировке типов учитывались их взаимосвязь, взаимообусловленность и динамика развития. Типологическая схема для каждого вида оружия построена таким образом, чтобы показать эволюцию вещей с X по XIII в. Причем осмысление этого развития производилось на каждом хронологическом этапе. Мы стремились к тому, чтобы типологическая схема отражала разнообразие нередко противоречивых процессов, связанных с исчезновением одной формы, рождением другой, видоизменением третьей. При создании типологического дерева мы не боялись изобразить и сухие сучки, и молодые побеги. Формальная типология не является самоцелью, а лишь средством для исторического изучения древнерусского оружия. Классификация изделий способствовала объяснению и разрешению многих вопросов в истории раннесредневекового оружия. При сопоставлении одинаковых серий предметов, конкретно выясняется, как проходил процесс развития и совершенствования оружия.

Типология во многом помогает объяснить назначение вещи. Ведь оружие использовали и в единоборстве, и в походе, и в сражении, и на охоте. Каким бы многообразным и универсальным ни казалось то или иное средство борьбы, распознать его функции, способы применения, определить цели, против которых

²⁹ В. И. Довженок. Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950, стр. 25.

³⁰ В. С. Завитневич. Военное дело у славян..., стр. 22.

³¹ В некоторых случаях для удобства обработки и сопоставлений варианты одного типа фигурируют в качестве самих типов.

³² А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 7.

оно могло быть направлено, является необходимой задачей. ПОИСКИ в этом отношении часто приводят к правильной оценке технических средств, служивших не только орудиями войны и смерти, но и промысла, транспорта и инженерного дела.

В тексте нашей работы невозможно уместить все сведения о найденном оружии — так велик каталог вещей. Каталог подчинен задачам и целям исследования. В нем в систематическом порядке перечислены вещи, обстоятельства их находки, дата, тип, размеры, место хранения — словом все, что связано с паспортизацией предметов. Вещи сгруппированы в каталог по типам в пределах трех хронологических этапов. Перечисление следует в порядке географического размещения материала с севера на юг (направление принято произвольно), при этом находки одного района или области помещены вместе.³³ Каталог наглядно отражает приемы и методы обработки вещественного материала. Он является документальной основой исследования, источником всех справочных сведений и одновременно сжатой публикацией всего использованного материала.

Вещественный материал дополняется сведениями отечественных и зарубежных письменных и изобразительных источников. В нашей теме сообщения письменных источников приобретают все более важное значение для XII—XIII вв., когда фонд археологических данных начинает истощаться. Сведения о восточноевропейском вооружении X—XIII вв. встречаются в польских, немецких, византийских и арабских хрониках, скандинавских сагах, в русских былинах, песнях («Слово о полку Игореве»), легендах, сказаниях, юридических актах и особенно в русских летописях. Большую ценность для изучения русской поенной жизни приобретают летописные источники второй половины XI—XIII в., т. е. летописи того периода, когда они современны происходящим событиям.³⁴ По богатству воен-

ными сведениями особенно выделяется Повесть временных лет, Лаврентьевская и Ипатьевская летописи. Использованы в работе сведения, взятые из «Истории Российской» В. Н. Татищева.³⁵ Татищевская история кое в чем дополняет дошедшие до нас летописи, но историческая достоверность многих ее событий оспаривается. Нельзя, однако, полностью отрицать возможность критического использования отдельных известий Татищева. Читая, например, у Татищева многочисленные описания битв XI—XII вв., изобилующие подробностями, происхождение которых неясно, улавливаешь буквальный перевод с древнерусского.³⁶ Человек XVIII в., пожалуй, не сумел бы столь правдоподобно, с точки зрения современного медиевиста, фальсифицировать подробности многочисленных военных эпизодов.

Источники феодальной поры уделяют военным событиям постоянное внимание. Для средневековья с его развитой феодальной военной организацией и культом вооруженной силы это очень характерно. Жизнь зачастую рассматривалась летописцем как непрерывная военная борьба; шум битв и кровопролитие заслоняли трудовые будни. Довольно обильные сведения о военной организации, тактике боя и вооружении касаются в основном феодальной знати и их дружин, простые воины и народ интересовали летописца значительно меньше. Летописец, как правило, не описывал оружия, но он точно фиксировал его наличие и применение. Здесь часто ощущается живой и взволнованный рассказ очевидца. Для летописца сверканье мечей, полумка копий, блеск шлемов, шум летящих стрел, ожесточенные битвы обозначали ход времени, утверждали победу, правоту идей, политический успех или поражение и гибель. Упоминание вооружения в летописи связано с динамикой боя, удалью храбрецов, придворными заговорами, коварными убийствами, наконец, отчаянием и героизмом борющегося народа. Летопись дает представление почти о всем комплексе применявшихся боевых средств и его использовании. В круг письменных источников, касающихся русского военного быта, можно включить Хронику Георгия Амартола и Историю Иудейской войны Иосифа Флавия, переведенные на Руси еще в домонгольское

³³Номер вещи по каталогу обозначен и на соответствующей карте находок.

³⁴Список летописей, использованных и цитированных в работе: Летопись по Воскресенскому списку (Воскресенская летопись). ПСРЛ, т. 7, СПб., 1856; Летопись по Ипатьевскому списку (Ипатьевская летопись). СПб., 1871; Летопись по Лаврентьевскому списку (Лаврентьевская летопись). СПб., 1872; Московский летописный свод. ПСРЛ, т. 25, М. — Л., 1949; Львовская летопись. ПСРЛ, т. 20, ч. 1, СПб., 1910; Никоновская летопись. ПСРЛ, т. 9 и 10, СПб., 1862 и 1885; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Новгородская первая летопись). М. — Л., 1950; Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ, изд. 2-е, ч. 1, вып. 1, Пгр., 1915; Софийская первая летопись. ПСРЛ, т. 5, изд. 2-е, вып. 1, Л., 1925; Суздальская летопись по академическому списку. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, стр. 465 и сл.; Тверская летопись. ПСРЛ, т. 15, СПб., 1863; Типографская летопись. ПСРЛ, т. 24, СПб., 1921; Троицкая летопись. М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись. М. — Л., 1950.

³⁵В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. 2 и 3, М., 1773—1774.

³⁶При чтении военных эпизодов автором были замечены следующие ошибки: стяг (т. о. знамя) означает у Татищева часть войска, «и оной почти всегда, или большей частью из пехоты состоял» (В. Н. Татищев. История Российская..., кн. 3, стр. 501—502, прим. 552). Отсюда упоминание несколько раз о пехоте там, где ее в действительности не могло быть (битва русских с половцами в 1170 г. и др.). Слово «исполчи» (построение в боевой порядок) переводится Татищевым как «исплечи».

время.³⁷ Древнерусский переводчик создавал зачастую произведение, отличающееся от своего греческого оригинала, и удивительно созвучное событиям своего времени.³⁸ Так, описание многих боевых сцен и «искусство полководения» в этих книгах явно подсказаны древнекиевской военной практикой.

Окном в исчезнувший мир назвал Б. А. Рыбаков средневековые русские миниатюры. Многие из них передают военные сцены. О миниатюрах Радзивилловской летописи, восходящих к XII в., А. В. Арциховский имел право заявить: «прежде всего бросаются в глаза сведения по военной организации и военной технике».³⁹ На миниатюрах при всей их условности весьма реально изображены оружие, воинский костюм, боевой строй и битвы. Древние рисунки наглядно воспроизводят те военные сцены, о которых так красочно повествует летопись.⁴⁰ При этом миниатюры кое в чем дополняют и поясняют летописный текст. Так, например самострел и кистень изображены (хотя сопровождающий текст источника о них молчит) в событиях около середины XII в., т. е. когда они действительно существовали в боевой практике. По миниатюрам мы узнаем, как и чем дрались конные дружины в XII—XIII вв. и что представляло то или иное техническое устройство (например, метательные машины-пороки).⁴¹ Для типологии оружия увлечение древними рисунками, а вернее их буквальная трактовка, не всегда приносит пользу. Следует учитывать условность и шаблонность изображения таких мелких предметов, как наконечники копий и

стрел. Кроме миниатюр, определенный интерес для реконструкции военного костюма представляют монументальная и мелкая пластика, иконы, образки, медальоны, монеты и печати с изображением святых-воинов и князей.⁴²

В последние годы создались широкие возможности для привлечения сравнительного зарубежного материала. Развитие европейской археологии и оружиеведения непрерывно расширяют возможности справочных сведений и не только справочных. Археологической неожиданностью было, например, открытие в Польше Лютомирского могильника, приписываемого русской или русско-варяжской дружине.⁴³ В зарубежных сочинениях рассматриваются и русские военные древности. Особенно преуспели здесь польские ученые, немало потрудившиеся над обработкой и публикацией русских находок, оказавшихся в музеях Варшавы и Кракова или найденных в раскопках древних русских городов, ныне принадлежащих Польше.⁴⁴ Отметим, что в области систематизации фактов и их типологической и хронологической обработки европейские медиевисты достигли определенных небезразличных для нас успехов. Разработка хронологии средневековых мечей,⁴⁵ например, способствует уточнению даты русских клинков.

Итак, предпосылкой и необходимым условием настоящей работы явилось критическое изучение разнообразных источников в сочетании с определенной методикой их обработки.

³⁷ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. 1. Пгр., 1920; Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М. — Л., 1958.

³⁸ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны..., стр. 471—472.

³⁹ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 19.

⁴⁰ Радзивилловская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902.

⁴¹ А. Н. Кирпичников. К вопросу об устройстве древнерусских метательных машин. Сб. ИМАИМ, вып. III, Л., стр. 405—418. — Упомянем также важные для истории военного дела X—XIII вв. миниатюры Сказания о Борисе и Глебе (восходят к XII в.) и Хроники Георгия Амартола (восходят к XI—XII вв.).

⁴² М. Г. Рабинович. Из истории русского оружия IX—XV вв. Тр. Инст. этногр., нов. сер., т. 1, М. — Л., 1947, стр. 65 и сл.

⁴³ A. Nadolski, A. Abramowicz, T. Poklewski. Cmentarzysko z XI wieku w Lutomierniu pod Łodzią. Łódź, 1959 (см. также нашу рецензию на эту книгу: ВИ, 1962, № 2, стр. 175—176).

⁴⁴ W. Sarnowska. Wczesnohistoryczny kurhan z Korolewina pod Tahańczą. Światowit, t. 20, Warszawa, 1949, стр. 223—293; E. Dąbrowska. Kurhany Rossawskie. Archeologia, t. VIII, zes. 1, Warszawa—Wrocław, 1958, стр. 124 и сл.; L. Raubhut. Wczesnośredniowieczne materiały z terenów Ukrainy w państwowym muzeum archeologicznym w Warszawie. Materiały wczesnośredniowieczne, t. V, Warszawa, 1960, стр. 231 и сл.; Z. Wartowska. Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu polsko-ruskim. Warszawa, 1958; A. Zbierski. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Czerwna nad Huczwa. Archeologia Polski, t. IV, zes. 1, Warszawa—Wrocław, 1959, стр. 124—126.

⁴⁵ R. E. Oakeshott. The archaeology of weapons. London, 1960, стр. 200 и сл.

ГЛАВА 2

МЕЧИ

И во многих местах вспоминаются в писании мечи обоюдные и изошренные, а не тупые, тупого оружия ни в каких писаниях не обретается.

И. Т. Посошков. О ратном поведении, 1701 г.

Мечи IX — первой половины XI в.

1

Средневековый меч — своеобразный символ феодального строя, неотъемлемая принадлежность воина-дружинника, могущественное и драгоценное оружие. Начиная с 70—80-х годов прошлого века, древние мечи все чаще стали попадаться в раскопках и случайных находках. Тогда же они получили название скандинавских или норманских. Так, уже Д. Н. Анучин на основании сходства мечей, найденных в русских курганах, со скандинавскими признал их чужеземными изделиями. Только в плохих и необычных экземплярах он склонен был видеть туземные клинки.¹ Заметное место отводилось описанию и изучению мечей из отдельных могильников в больших работах Н. Е. Бранденбурга, В. И. Сизова, А. А. Спицына.² Упомянутые исследователи обратили внимание на широкую распространённость этого оружия во всей Европе, датировали ряд образцов и показали, что на

¹ Д. Н. Анучин. О некоторых формах древнейших русских мечей. Труды VI АС, т. 1, Одесса, 1886, стр. 235—252. — Термины меч и клинок в тексте даны как равнозначные понятия, что принято также и в оружейведческой литературе. Для обозначения рубящей части меча употребляется термин лезвие.

² Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 61 и сл.; В. И. Сизов. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 90 и сл.

основании клинкового материала можно сделать весьма важные исторические выводы о происхождении самих мечей и взаимовлиянии различных культур.

С течением времени в споре о русско-норманских отношениях вопросу о происхождении мечей стали отводить немаловажное место. Именно в свете этих взаимоотношений Т. Арне была предпринята первая попытка суммировать накопленный материал.³ Он насчитал более 40 мечей, найденных на территории Восточной Европы. Почти все они были отнесены им к скандинавским вещам. Карта распространения мечей по Арне совпадает с картой распространения скандинавской культуры в России. Впрочем, для некоторых своеобразных образцов (меч из Черной могилы и др.) Арне предполагал местное изготовление по иноземным моделям. В конце книги Арне так обобщил свои наблюдения: «В отношении двулезвийных мечей, встреченных в России, я придерживаюсь мнения, что они вообще либо импортированы из Швеции, либо являются подражанием скандинавским типам». ⁴ Мечами в 30-х годах занимался и В. В. Арндт.⁵ Он выделил ряд типов мечей, которые механически датировал по норвежским аналогиям. Для своих штудий

³ Т. J. Arne. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, стр. 31 и сл.

⁴ Там же, стр. 230.

⁵ W. Arndt. Das Schwert der Waringerzeit in Rußland. In: Mannus, Bd. 25, Heft 2, Leipzig, 1933, стр. 155—175.

В. В. Арндт ограничился собранием ГИМа и отчасти Эрмитажа. Составленный им «Каталог варяжских мечей из собрания феодального отдела ГИМ» содержит 19 рисунков мечей и сейчас имеет ценность для определения ряда депортированных музейных экспонатов.⁶ Обзор находок у Арндта получился неполным, но в исторических выводах он весьма категоричен и выступает воинствующим норманистом. Тенденция рассматривать мечи как нечто чужеродное, даже враждебное славянской культуре в его статье достигла апогея. Арндт не сомневался во франкском происхождении древнерусских мечей, считая их носителями только викингов, «ворвавшихся в страну как завоеватели и колонизаторы славянской равнины».⁷ Ссылаясь на отсталость русских культурных центров и примитивный уровень ремесла, автор отверг даже предположение Арне об изготовлении некоторых мечей или их рукоятей на Руси.

Поворот в изучении русского оружия внесли работы А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова и других исследователей. А. В. Арциховский обрисовал развитие форм меча с X по XIII в. и отчетливо показал, что мечи IX—X вв. не скандинавское, а общеевропейское оружие. Так, он писал: «Нет никаких оснований называть мечи норманскими. Этот нелепый термин возник только потому, что наши археологи не были знакомы с вещественными древностями западного средневековья».⁸ По мнению Б. А. Рыбакова, в IX—X вв. на Руси преобладали франкские клинки. Впрочем, он допускает, что рукояти некоторых западных клинков «монтировались где-то в Среднем Поднепровье».⁹

В некоторых современных работах проявилась тенденция рассматривать древнерусские мечи в отрыве от клинков других стран. Между тем европейская оружейно-литературная весьма обширна и включает такую фундаментальную работу, как труд Я. Петерсена.¹⁰ Очевидно также, что многие проблемы клинкового производства могут быть лучше решены совместными усилиями ученых разных стран.

Нигде в Европе не найдено столько мечей IX—X вв., сколько в Скандинавии, особенно в Норвегии, где их насчитывается примерно 2500, что превращает эту страну в своеобразный клинковый арсенал средневековья. Около 2000 норвежских мечей систематизировал

⁶ ГИМ, III отд., 1956, № 40. — Благодарим М. В. Фехнер за указание документа.

⁷ W. Arndt. Das Schwert..., стр. 170, 175.

⁸ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, вып. 4, М., 1946, стр. 5.

⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 228—229.

¹⁰ J. Petersen. De norske vikingesverd. Videnskapselskapets Skrifter, II, Hist.-filos. Klasse, N 1, Kristiania, 1919.

Я. Петерсен. Среди мечей IX—XI вв. он выделил 26 типов с подтипами. Основой типологии послужили рукояти мечей. Я. Петерсен не метил датировку каждого типа, исходя из датировки комплексов, сопровождавших находки. Он показал, что некоторые типы характерны, как правило, только для какого-то определенного времени, например, мечи IX в. за небольшим исключением (типы H-I, L) не существуют в X в. Некоторые типы мечей связаны последовательным развитием и некоторые из них сосуществуют вместе. Особенно много разнообразных форм встречается в X в. Русские находки использованы Я. Петерсеном незначительно (из раскопок в Приладжье и Гнездове).

Поскольку мечи из Норвегии оказались по своим формам международными, классификация Я. Петерсена приложима к большинству клинков, найденных в разных странах Европы, и получила общеевропейское признание.

Не составляют исключения и русские находки конца IX — первой половины XI в., которых за истекшие 100—150 лет накопилось больше 100 экз. Эти русские мечи делятся, по схеме Петерсена, на 13 типов. Часть отечественных клинков во всех деталях соответствует норвежским, точнее общеевропейским мечам и их хронологии, часть же отличается от последних формой, украшением рукоятей, а также своей датировкой. Особенности русских мечей лучше рассмотреть при анализе каждого отдельного типа.

Классификация мечей IX—XI вв. возможна не по лезвиям, а по рукоятям. При большом разнообразии рукоятей лезвия мечей почти одинаковы — широкие, плоские, с долами, слегка сужающиеся к острию. Редко встречаются лезвия с параллельными краями или узкие. Из схемы типов (рис. 1) видно, что некоторые мечи почти не отличаются по форме рукоятей, а отличаются лишь по их орнаменту (типы T-2, E, V), другие же (типы T-1 и E), наоборот, имеют иногда одинаковую ячеистую декоративную перекрестку и намеренно сходстве очертаний их рукоятей. Строго говоря, это не отдельные типы, а виды внутри одного типа. Типология Я. Петерсена иногда кажется слишком детальной, все же в интересах большой точности сравнений мы оставляем без изменения те петерсеновские типы, которые можно было бы объединить в одну группу. Правда, в связи с особенностями русского материала последовательность рассмотрения этих типов несколько изменена.

Насколько удастся установить, средневековые мастерские выпускали большую часть клинков с уже смонтированными рукоятями, поэтому можно считать, что большинство лезвий и рукоятей к ним сделаны одновременно. Однако в Европе встречаются случаи, когда рукояти готовых мечей переделывались и

украшались позже сообразно местным вкусам. Таковы, например, клинки Ulfberht с рукоятями, орнаментированными в северном Ellingstil.

Методы изучения мечей шагнули так далеко, что привели к новым и неожиданным

50 клинков наткнулся на ранее незаметные надписи, знаки и дамаскировку. Интерпретация надписей, предложенная А. Лоранжем, не устарела и ныне, но сами способы их обнаружения остались неизвестными. Открытие бергенского ученого обсуждалось много лет

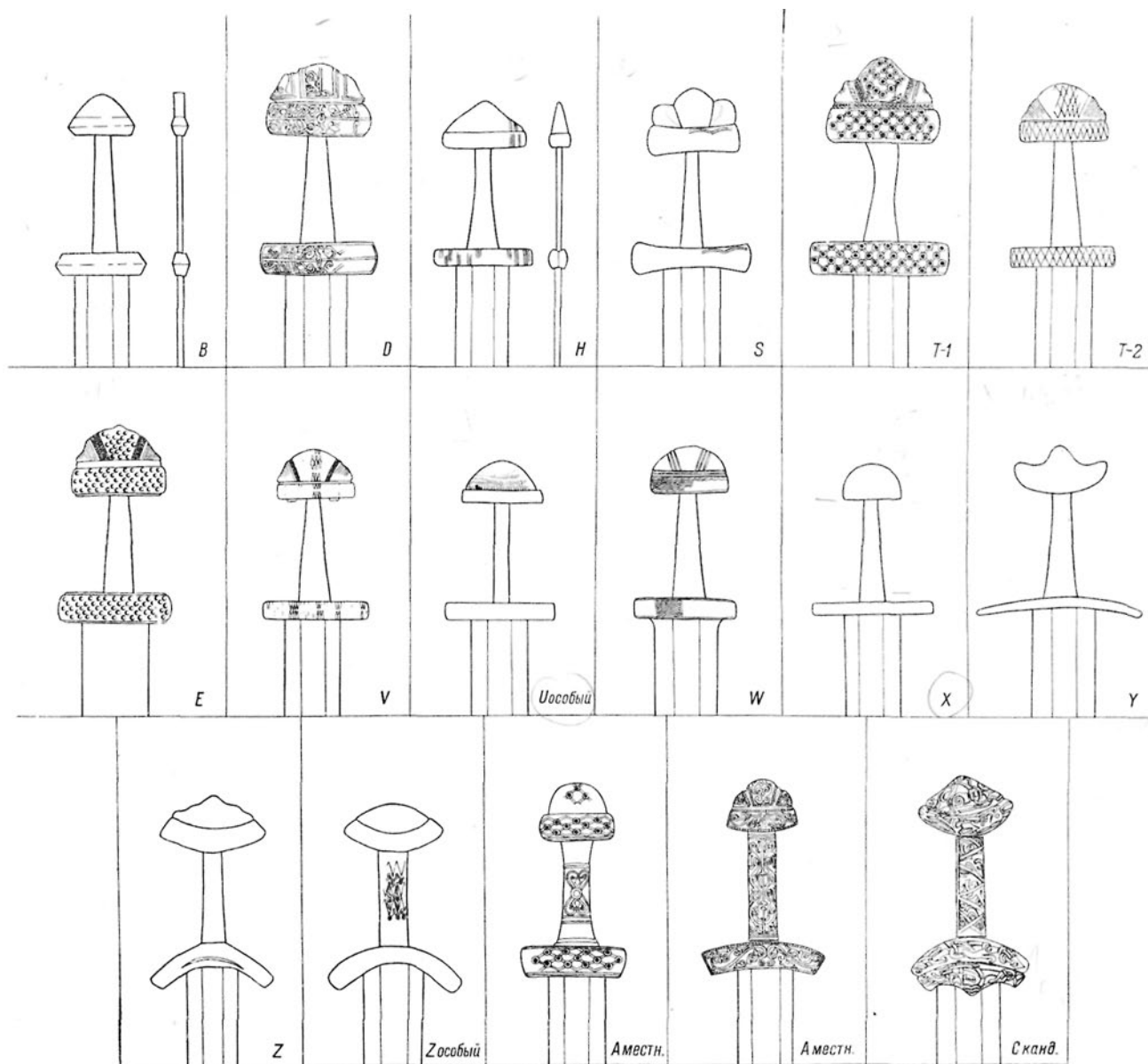

Рис. 1. Мечи IX — первой половины XI в. Типологическая схема.

открытиям. Оказалось, что весьма инертные в типологическом отношении древние лезвия являются превосходным историческим документом большой силы и убедительности.

Еще в 1889 г. была опубликована (посмертно) работа хранителя Бергенского музея А. Л. Лоранжа, много лет занимавшегося древними мечами.¹¹ Исследователь при обработке

¹¹A. Lorange. Den yngre jernalders svaerd. Bergens museum scrifter, N 4, Bergen, 1889 (книга иллюстрирована цветными таблицами).

и толкнуло археологов и музеевцев на новые поиски. В 1904 г. швейцарец Р. Вогели издал корпус надписей, перерисованных с древних европейских, преимущественно романских мечей.¹² «Опыт показал, — писал он в заключении, — что около 75% средневековых мечей

¹²R. Wogeli. Inschriften auf mittelalterlichen Schwertklingen. ZWK, Bd. III, Heft 7—10, Dresden, 1904, стр. 177—183, 218—225, 261—268, 290—300 (имеется и отдельное издание).

ХII—ХIV вв. были снабжены надписями».¹³ Эти слова остались без должного внимания и мы, в частности, лишь недавно смогли оценить их правильность в применении к отечественному материалу. Опыт Лоранжа и Вегели на финских источниках развил сотрудник Национального музея Финляндии И. Леппяхо. Он проделал трудоемкое обследование, и его письмо нам (от 16 мая 1957 г.) выглядит как краткий отчет о проделанной работе: «При изучении финского материала я рассматривал каждый меч детально. У нас имеется 150 мечей 750—1250 гг. с надписями на клинках. Кроме того, имеет сясвше ста мечей с изящной дамаскировкой. Встречаются следующие надписи, указывающие на среднеевропейских мастеров или мастерские: +Ulfberh+t — 25 шт. (850—950 гг.), Ingelrii — 5 шт. (950 г.), Iizo — 1 шт. (около 1100 г.), Anno — 1 шт. (около 1100 г.) и Gizelin — 2 шт. (около 1150 г.). Технические и прочие особенности говорят о том, что и другие надписи-знаки и дамаскировка того же происхождения, как и вышеназванные. Все же центр (или правильнее центры) изготовления найденных у нас среднеевропейских мечей точно определить пока еще невозможно. Несмотря на это, думаю, что предположение о Рейнской области как месте их происхождения — более или менее правильно». Цитированный документ показывает, что большая часть финских клинков закончена обработкой и ждет публикации. Но и в этом случае мы пока не знаем, как исследовались эти изделия.¹⁴

Наука о выявлении клинковых надписей, несмотря на более чем столетний возраст (первый меч X в. с надписью Ulfberht был издан Ворсо в 1854 г.), все еще пребывает в начальной стадии своего развития. Для понимания того, какие перспективы открыты этой отрасли знаний, приведу такой подсчет. Из примерно 4000 мечей VIII—ХII вв., находящихся в различных собраниях Европы, для обнаружения надписей исследована едва ли десятая часть (в печати известны около 150 надписей).

Активное исследование древних клинков развернулось в нашей стране.¹⁵ В 1963—1964 гг.

¹³ Там же, стр. 300.

¹⁴ Альбом И. Леппяхо (J. Lepäaho. Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. Schwertschriften und Waffenverzierungen des 9—12 Jahrhunderts. Helsinki, 1964) вышел в свет уже после написания настоящей книги. В этом альбоме репродуцированы 73 расчищенных И. Леппяхо мечей IX—ХII вв., и клинковая эпиграфика предстает в качестве нового и важного исторического источника.

¹⁵ Замечать начертания на древнерусских мечах стали давно. Так, в 1932 г. надписи и знаки на мечах, поднятых со дна Днепра, обнаружил Н. А. Чернышев. Последний факт получил широкую огласку в печати. (В. И. Равдоникас. Надписи и знаки на мечах из Днепроостроя. Изв. ГАИМК, вып. 100, М. — Л., 1933, стр. 598—616; Н. А. Чернышев. О технике и происхождении «франкских» мечей, найденных на Днепроострое в 1929 году. Скандинавский сборник, т. VI. Таллин, 1963, стр. 211—226).

рижский историк металловедения А. К. Антейн обнаружил свыше 80 надписей и знаков на мечах из Восточной Прибалтики.¹⁶ Он выразил убеждение, что и мечи с русской территории не являются в этом отношении каким-то исключением и любезно сообщил способы расчистки клинков (ранее опробованные им на копьях). Как только мы воспользовались дружеским советом нашего коллеги, на первом же мече проявилась надпись. Всего нами расчищено в музеях Ленинграда, Москвы, Смоленска Киева и Чернигова 99 мечей IX—ХIV вв. и на 73¹⁷ оказались почти во всех случаях ранее неизвестные начертания и дамаскировка. Кроме того, по нашей просьбе были расчищены еще три меча X в. из Юго-Восточного Приладожья, находящиеся в Национальном музее Финляндии, на них также выявлены надписи и дамаскировка (6, 7 и 74).¹⁸

Удивительное обилие надписей и знаков, проступивших вдруг на вещах, в большинстве давно и хорошо известных, объясняется производственными особенностями клеймения. «Волшебная» особенность этих мет заключается в том, что в зависимости от сохранности и ухода они могут и исчезать, и появляться вновь. Даже на полосе, очищенной от каррозии, надписи и знаки почти неразличимы и выявляются, как правило, в процессе специальной обработки.¹⁹ Наши действия при этом, очевидно, напоминают заключительные операции древнего ремесленника, который перед окончанием работы полировал клинок и протравливал до того невидные на зеркале металла

¹⁶ A. Anteiņs. Demascētie un ierakstu zobeni Latvijā. Par telmikas Latvijas, VI, Rīga, 1964, стр. 65—95. — Сердечно благодарим А. К. Антейна за сообщение о расчищенных им эстонских мечах.

¹⁷ Для публикации в настоящей главе отобраны 66 русских мечей (46 — X—ХI вв., 20 — ХII—ХIII вв.). Остальные, найденные за пределами Руси, в Пассельне (Латвия), будут опубликованы в отдельной работе.

¹⁸ В скобках даются номера по каталогу. Благодарим сотрудников Национального музея и в особенности д-ра Торстена Эдгрена за выполнение нашей просьбы.

¹⁹ Поверхность дола меча в верхней его части, у перекрестья, механически очищается до чистого металла (нами был употреблен шлифовальный круг на резиновой основе), протирается спиртом и затем протравливается 30—50 сек. реактивом Гейна (10—12% водный раствор $\text{CuCl}_2\text{NH}_4\text{Cl}$). Протравленная поверхность тщательно промывается водой, просушивается спиртом или ацетоном и покрывается консервирующим составом. Между тем выявляется надпись, инкрустированная дамаскированной (реже железной) проволокой. Начертания, выполненные благородными или цветными металлами, в протравке, конечно, не нуждаются. Проявленные надписи и знаки прорисовываются на кальку и фотографируются. Успех расчистки клинка во многом зависит от его сохранности. Некоторые лезвия в связи с плохим состоянием опасно было подвергать очистке. Нужно отметить, что надписи на мечах X в. залегают довольно глубоко и выявляются (хотя бы и частично) даже при сильной разрушенности полосы.

знаки своей мастерской.²⁰ После травления остается клеймо с характерным муаровым узором. Надписи и знаки выполнены, как правило, инкрустацией из металлической проволоки (дамаскированной или железной в X — первой половине XIII в. и золотой, серебряной или медной в XII—XIV вв.) в верхней трети (или половине) дола лезвия. Для наведения клейма (на изделиях X в.) в разогретой полосе штамп повалились канавки, отвечающие контуру будущих букв, в них укладывалась холодная, предварительно намеренная и нарубленная кусочками проволока (длиной в среднем 25 мм), которая затем проковывалась, уплощалась и сваривалась с железной или стальной основой при температуре приблизительно 1300° С.²¹ Весь процесс был горячим и требовал точности и быстроты, особенно при высекании гнезд и укладке в них букв. Бывали случаи, когда рука подводила кузнеца и надпись получалась неровная, а буквы — наклонными. «Проволочные» буквы X в. напоминают выкладки из спичек, они состоят из двух-четырёх составляющих, соединённых в стык, реже внахлестку.²² Ремесленники, метившие мечи, довольно свободно обращались со своим текстом, иногда перевертывали или меняли местами буквы, по-разному писали одни и те же слова, сокращали имена и целые фразы. Далекое не все обнаруженные нами письма сейчас можно разгадать. Полная расчистка и расшифровка «клинковой эпиграфики» — дело будущего.

Лезвия с надписями напоминают страницы «железной» книги, текст которой был скрыт много сотен лет и вдруг увидел свет. Если мы все же сможем прочесть эти «страницы», то получим достаточно эффективный и верный ответ о времени и главным образом о месте изготовления лезвий мечей, и наши прежние представления о рубящем оружии раннего средневековья значительно обновятся.²³

2

В славянских памятниках, предшествующих образованию Древнерусского государства, мечей не встречено, поэтому с большим

²⁰Ср.: Бируни. Минералогия. М., 1963, стр. 236—237.

²¹Н. Maryon. Pattern-welding and Damascening of sword-blades. Studies in conservation, v. 5, 1960, № 1, стр. 36. — Мы исходим из того, что клеймо, как правило, одновременно своему клинку. Наведение знаков на уже готовом мече безусловно ухудшало его качества и поэтому не практиковалось.

²²Ср.: Н. Maryon. A sword of the viking period. The Antiquaries journal, v. XXX, Oxford, 1950, № 3—4, стр. 177, рис. XXII, с. — В надписях XII—XIII вв. канавки делались резцом и представляли собой узкие щелевидные углубления, куда набивалась «ниточка» цветного металла. Надписи клинков этой эпохи, особенно утратившие свое «цветовое» наполнение, легко принять за обычную гравировку.

²³Ср.: А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.). СА, 1961, № 4, стр. 179 и сл.

основанием можно рассматривать мечи, появившиеся на русской почве в последней четверти I тыс. н. э., как новое явление в материальной культуре страны. К тому же эти последние заметно отличаются от своих восточноевропейских предшественников середины I тыс.

Европейские мечи VIII—IX вв. происходят в основном из Средней и Западной Европы, где отмечены последовательные предшествующие стадии их развития.²⁴ В VIII—IX вв. это оружие уже известно всей Европе. В частности, тяжелый рубящий меч, который в VIII в. был усвоен викингами, также в значительной степени был франкским оружием континентального происхождения.²⁵ По выражению пионера раннесредневекового клинководения А. Лоранжа, культура, породившая это оружие, является не более скандинавской,²⁶ чем древнеславянской.

Находки раннесредневековых мечей на территории Руси сконцентрированы в основном в нескольких больших областях: в Юго-Восточном Приладожье, в районах Смоленска, Ярославля, Новгорода, Киева, Чернигова, древнего Плеснеска. Мечи обнаружены, как правило, в крупнейших курганных могильниках вблизи древнейших городских центров, на главных речных артериях и важнейших путях (рис. 2 и табл. 1). Из 108 мечей IX—XI вв. подавляющее большинство происходит из курганов, причем 55 из них датированы вещевыми комплексами (40 находок происходят из погребений с сожжением, 14 — с труположением).²⁷ Большинство погребений с труположением X—XI вв. приходится на южную Русь (Киев, Шестовица, Подгорцы, Безпечна), тогда как на севере их меньше (Леоново, Селюковщина, Ленинградская область, Харлапова, Подболотье).

Клинки были, видимо, дорогостоящим оружием, и в погребениях, даже дружинных, они сравнительно редки. В Приладожье на 700 раскопанных курганов приходится 18 мечей, в Гнездове на 800 — 19, в Михайловском на 170 курганов — 6, в Чернигове и Шестовицах примерно на 250 курганов — 9 клинков (в Чернигове — 3 и в Шестовицах — 6), в Киеве на 125 погребений — около 11. Один меч, таким образом, приходится на 15—40 курганов. По мере удаления от городских районов количество мечей резко уменьшается — в Подболотье на 260 погребений их — 2. Среди

²⁴E. Behmer. Das zweischneidige Schwert der germanischen Völkerwanderungszeit. Stockholm, 1939.

²⁵R. E. Wheeler. London and the Viking. London museum catalogues, № 1, 1927, стр. 29; G. Gjessing. Studier i norsk Merovingertid. Skriftet det norske Videnskaps-akademi i Oslo, II, Hist.-filos. klasse, N 2, Oslo, 1934, стр. 106 и сл.

²⁶A. Lorange. Den yngre jernalders..., стр. 76.

²⁷В одном погребении обряд не выяснен.

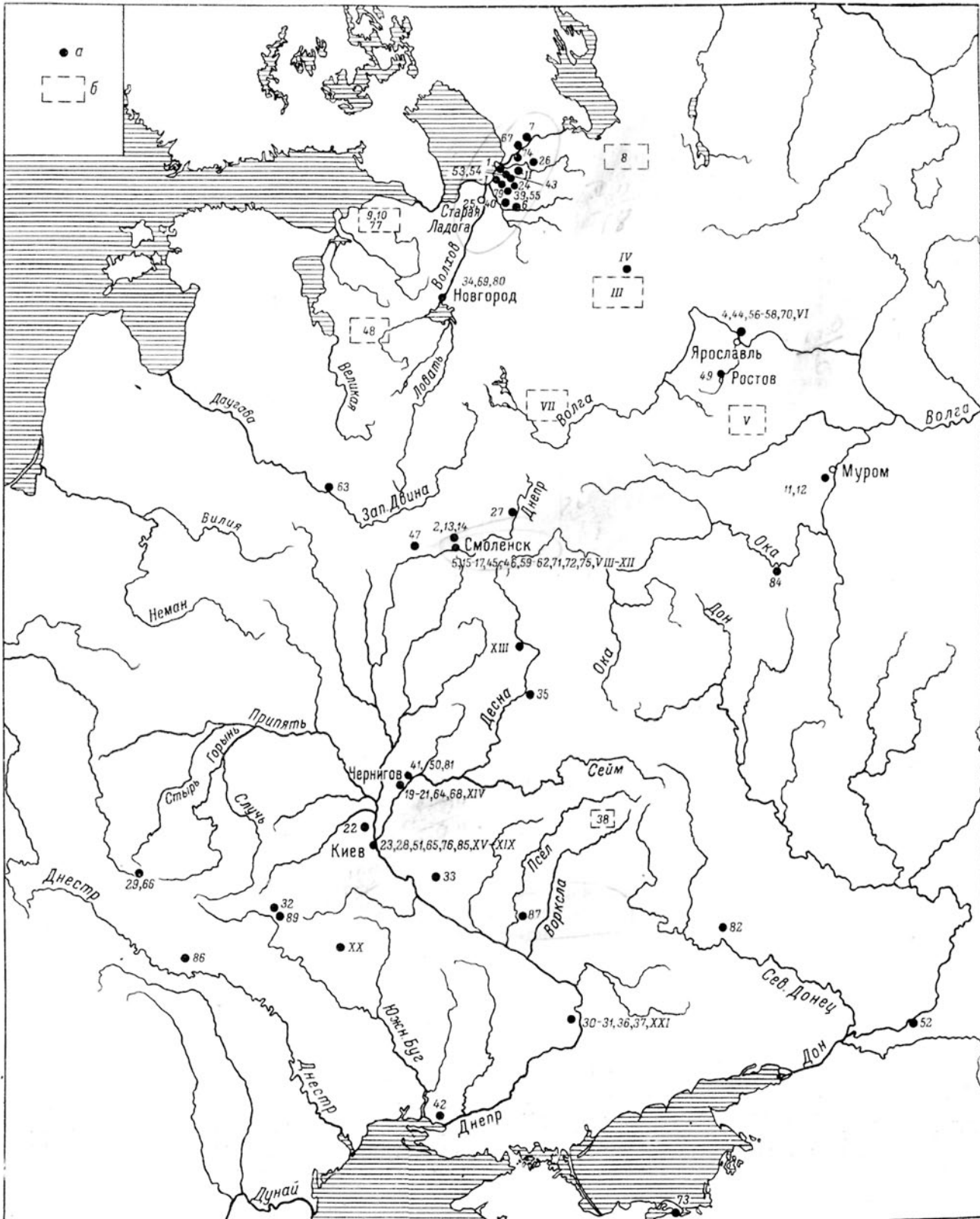

Рис. 2. Мечи IX — первой половины XI в. Карта находок.
 Арабские и римские цифры — номера по каталогу; а — место находки, б — район находки.

Мечи IX — первой половины XI в. (размещение)

Район или место находки	Типы															Тип неизвестен	Всего	
	B	D	H	S	T-1	T-2	E	V	U особый	W	X	Y	Z	Z особый	A местный			Скандинавский
Юго-Восточное Приладожье	1	—	3	3	—	2	1	3	1	—	—	1	—	1	—	—	2	18
Западная часть Ленинград- ской обл.	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	3
Новгород и область	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	4
Калининская обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Ярославская обл.	—	1	—	—	—	—	2	3	—	—	1	—	—	—	—	—	2	9
Суздальское Ополье	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Муромщина	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Старая Рязань	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Смоленская обл.	1	1	5	1	—	—	3	4	—	—	2	1	—	—	1	—	5	23
Полоцк	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Орловская обл. (Монасты- рище)	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Брянская обл. (Вщиж)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Чернигов и область	—	—	3	—	—	1	1	1	—	1	—	—	1	—	—	—	1	9
Киев	—	—	1	1	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	1	—	5	11
Киевская обл.	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2
Полтавщина и Харьковщина	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	3
Житомирская обл.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2
Хмельницкая обл. (Караб- чев)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Львовская обл. (Подгорцы)	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Ростовская обл. (Цимлян- ская)	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Харьковская обл.	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Нижний Днепр	—	—	—	2	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	6
Таманский полуостров	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Место находки неизвестно	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	3
Итого	3	2	18	10	5	4	10	14	1	1	5	3	2	3	5	1	21	108

тысяч деревенских курганов клинки почти не встречаются.²⁸ Так, в 7757 Владимирских курганах (раскопанных Л. С. Уваровым и П. С. Савельевым), частично относящихся к X в., меч встречен только один раз.²⁹

В эпоху раннего феодализма меч часто составлял индивидуальную собственность владельца, и вместе с ним клинок клали в могилу. Во всяком случае в комплексах X в. дата меча почти всегда совпадает с датой остального погребального инвентаря.³⁰ Принадлежность меча одному человеку подтверждается и его умышленной порчей (согнут, сломан) во время захоронения.³¹

²⁸ Д. Н. Анучин. О некоторых формах..., стр. 242.

²⁹ А. С. Уваров отмечал 3 меча, но 2 из них оказались саблями, а о третьем трудно сказать что-либо определенное (Труды I АС, т. II, М., 1871, стр. 756). Навершие (?) меча обнаружено нами в атласе П. С. Савельева (V).

³⁰ Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, т. XIII, М. — Л., 1950, стр. 65.

³¹ Исключения составляли случаи, когда неповрежденный клинок вертикально втыкался в землю обычно возле погребальной урны. При труположении меч часто клали в могилу целым в ножнах, но и здесь встречается порча клинка. Так, в одном из Приладожских курганов (Селюковщина, 26) найденный там меч был

Социальный облик людей, «унесших» в могилу свое оружие, не вызывает сомнений: меч — признак богатых погребений. Насколько можно установить из комплексов, в 14 захоронениях меч встречен без другого оружия, в 41 случае его сопровождает различное вооружение. Вместе с топором, копьем и стрелами меч найден в 14 могилах, вместе с копьем и стрелами — в 6, с копьем — в 3, с топором — в 5, со стрелами — в 3 и т. д. В составе погребального вооружения на первом месте после меча стоит копье, затем топор. В немногих захоронениях Приладожья, Гнездова, Чернигова и Киева меч находили вместе со щитом, кольчугой, шлемом. В 14 случаях воины, имевшие мечи, похоронены вместе с конем, в 8 — вместе с гирьками и весами, в 2 — с ремесленными инструментами, в 2 — с ладьей. Очевидно, что меченосцы были воинами-дружинниками, нередко одновременно купцами или сборщиками дани, иногда, может быть, привилегированными ремесленниками. Самыми богатыми были захоронения князей и бояр.

раздроблен на 6 частей, сложенных затем в правильный ряд (А. М. Линеvский. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Оять Ленинградской области в 1949 г. Архив ИА, ф, археолог. комис., № 400, л. 195).

Если доверять составу погребального снаряжения, то большинство меченосцев были пехотинцами (т. е. в этих комплексах нет конского снаряжения). Относительная немногочисленность погребений воинов с мечом и конем обращает на себя внимание. Отражает ли это пеший характер раннекиевского войска, утверждать в данном случае трудно. Во всяком случае процесс превращения конницы в преобладающий род войск длился в течение всего X в.

Имеется 4 случая, когда или точно описано, или графически зафиксировано положение меча при погребенном (в трупосожжениях это, естественно, вообще невозможно установить). В могилах воинов (Леонова, 24; Селюковщина, 26; Киев, 76; Шестовицы, 19)³² меч располагался рукоятью у правого плеча погребенного; клинок, достигавший около метра длины, по-видимому, носили не на поясе, а на перевязи через плечо.³³ Ношение меча на плечевой портуpee было распространено в X в. во многих странах.³⁴ Так, византийскому кавалеристу полагалось носить меч в ножнах на перевязи через плечо, а у пехотинцев он должен быть подвязан к поясу.³⁵ В какой-то мере это правило применимо и к русским условиям (шестовицкий дружинник имел коня, и меч вероятно, носил на перевязи через плечо). От ножен чаще всего сохраняются лишь металлические затейливо украшенные наконечники.

Мастерские, изготовлявшие эту деталь, существовали на Руси уже со второй половины X в.³⁶ По мнению П. Паульсена, русское производство наконечников ножен оказало даже влияние на скандинавское, что выразилось, между прочим, в постепенном преобразовании северной орнаментики звериного стиля во все более растительную.³⁷ Тот же П. Паульсен надеется, и справедливо, что новые на-

ходки древнерусских наконечников ножен дадут возможность яснее узнать «мощную гегемонию Киевского государства в конце 1-го тысячелетия и его значение для Северной и Восточной Европы».³⁸ В целом тема о наконечниках ножен мечей достаточно полно разработана³⁹ и нам можно ограничиться лишь показом типичных образцов (рис. 3).

Об этнической принадлежности воинов-меченосцев судить трудно; в погребениях меч-признак не этнический, а социальный. Решать

Рис. 3. Наконечники ножен мечей.

1 — Гнездово (раскопки Д. А. Авдусина в 1950 г., курган 73, X в., музей МГУ); 2 — Княжа Гора (раскопки Д. Я. Самоковасова, XII — 1-я половина XIII в., ГИМ).

³² Д. И. Блитель. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах среднего Поднепровья IX—X вв. СА, т. XX, 1954, стр. 155, рис. 1.

³³ По сообщению А. С. Уварова во Владимирских курганах с труположениями встречены плечевые портупей из плотного ремня с бронзовыми бляшками и серебряными пуговками. Однако самих клинков не оказалось (Труды I АС, т. II, стр. 756).

³⁴ E. Davidson. The sword in Anglo-Saxon England. Oxford, 1962, рис. 106; 107; 108; 109; 110.

³⁵ Ю. А. Кулаковский. Стратегика императора Никифора. Записки АН, VIII сер., т. VIII, № 9, СПб., 1908, стр. 43. — Встречаются, однако, противоположные примеры. Чешские археологи по положению меча в моравских погребениях VIII—X вв. установили, что словацкие вельможи-пехотинцы носили мечи на перевязи через плечо, а всадники привешивали их к поясу (V. Hrubý. Meče v staroslovanských hrobech na Morave. Časopis moravského musea v Brně, t. XXX, č. 2, Brno, 1950, стр. 308—318, рис. на стр. 311).

³⁶ P. Paulsen. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, стр. 95. — Имеются в виду наконечники ножен с восточной пальметкой.

³⁷ Там же, стр. 67 и 103.

племенную принадлежность погребенных воинов можно на основе всестороннего анализа всего инвентаря. В курганах разных русских областей с мечами в большинстве случаев захоронены представители дружинной верхушки. В Приладжье это, очевидно, местная чудская знать.⁴⁰ Мечи Подболотьевского могильника связывают со славянизацией Муромы.⁴¹ Некоторые погребения с мечами, ве-

³⁸ Там же, стр. 141. — Заметим, что в своих исторических построениях П. Паульсен — крайний норманист. По П. Паульсену, в Киевской Руси господствуют норманские центры, а все культурные достижения исходят от варягов — северогерманцев. Киевская Русь — это территория, где происходит игра влияний западных и восточных культур. Совершенно нелепо, что Паульсен вообще не признает существования древнерусской народности в Киевской Руси, простором которой якобы овладели варяги.

³⁹ Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в., стр. 63 и сл.

⁴⁰ W. Raudonikis. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogabiet. Stockholm, 1930, стр. 134.

⁴¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 148.

роятно, окажутся скандинавскими. Будущие исследования должны уточнить этот вопрос.

3

Рассмотрим древнерусские мечи, начиная с их древнейших форм (название почти всех типов мечей приводится по Я. Петерсену).

Тип В. Мечи этого типа с нешироким перекрестьем и простой треугольной головкой, прямоугольной в поперечном сечении. На головке и перекрестье имеется поперечный ребристый выступ (рис. 21, 1 и 26, 1). Мечей типа В у нас три и все дамаскированы.⁴² Один из них (2) происходит из четырехугольного кургана с трупосожжением, раскопанного в д. Новоселки Смоленской области. По мнению Е. А. Шмидта, этот комплекс относится к концу IX в.,⁴³ следовательно, сам меч мог быть более ранним. Клинок узкий типа рис. 1937 по Аспелину,⁴⁴ для этого времени редкий. Эстонская аналогия новоселковского меча датируется не позже 800 г.⁴⁵

Мечи типа В распространены во многих странах Центральной и Северной Европы и всюду датируются VIII—IX вв.⁴⁶ Среди древностей X в. мечи типа В не встречаются. Хотя центр изготовления мечей данного типа находился в Рейнской области, предполагают, что они изготовлялись в различных частях Европы.⁴⁷

Тип Д. Рукояти мечей этого типа с массивным округлым навершием отличаются богатой отделкой и украшены бронзовым рельефным орнаментом.⁴⁸ Таков меч из Михайловского (4; рис. 23, 1), рукоять которого снабжена литыми бронзовыми, первоначально позолоченными накладками с треугольными углублениями. На лезвии — знаки из кругов, столбиков и перекрещенных полос⁴⁹ (рис. 37, 6 и 40, 2). Памятник датируют концом X в.⁵⁰ По нашему мнению, он

⁴² В каталоге, 1—3.

⁴³ Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. МИСО, вып. V, Смоленск, 1963, стр. 126 и рис. 17, 1.

⁴⁴ J. R. Aspelin. Antiquité du nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877—1884.

⁴⁵ A. M. Tallgren. Zur Archäologie Eestis, II, Dorpat, 1925, стр. 21, рис. 58, стр. 36.

⁴⁶ H. Salmo. Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland. SMYA, XLII, Helsinki, 1938, стр. 110—111; W. Sarnowska. Miecze wczesnośredniowieczne w Polsce. Swiatowit, t. XXI, Warszawa, 1955, стр. 229; G. Gjessing. Studier i norsk..., стр. 111—114.

⁴⁷ H. Arbmán. Schweden und das karolingische Reich. Stockholm, 1937, стр. 217—218, 227.

⁴⁸ В каталоге, 4, 5.

⁴⁹ В дальнейшем при указании на начертания мы не будем упоминать знак из перекрещенных полос, представленный на оборотной стороне многих клинков и показанный на рисунках 35; 36; 37; 38; 39; 40 в его точном положении по отношению к главной надписи.

⁵⁰ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, стр. 55.

относится ко второй половине этого столетия. Еще более роскошным является меч X в. из Гнездова (5; рис. 22, 1). Орнамент на бронзовых накладках рукояти состоит из плавно изгибающихся завитков растительного характера, расположенных симметрично. В изгибах плетения различимы звериные лапы. В целом украшения меча напоминают скандинавский орнаментальный стиль Вогге. Однако в Скандинавии мечей с аналогичными орнаментами не обнаружено. Поэтому Х. Арбман не без оснований полагает, что рукоять меча была изготовлена ремесленниками Гнездова, использовавшими при ее отделке мотивы орнамента черепаховидных фибул.⁵¹ Более подробно Х. Арбман высказался об этом мече в докладе «Бирка и ее связи с Востоком», прочитанном в ЛОИА АН СССР 11 марта 1959 г.: «Не подлежит сомнению, что это изделие следует считать северным; однако ни одного меча подобного вида не найдено в Скандинавии. Навершие, перекрестье и вообще формы его хорошо известны; также хорошо известен орнамент, но он никогда не встречается на мечах Скандинавии, а имеется только на женских фибулах. Таким образом, орнамент женских украшений был перенесен на рукоять меча. Это, естественно, могло быть случайностью, но тот факт, что это происходило в Смоленске, где (особенно в находках из Гнездова) видны изменения шведских форм, свидетельствует о том, что мы имеем дело с жителями, которые были шведами, но, возможно, вторым поколением, жившим в России и поэтому выработавшим свой собственный стиль».⁵²

Трудно полностью согласиться с историческими обобщениями скандинавского ученого, но важно здесь его замечание об отличии гнездовских вещей от чисто северных. Об этом много писал еще В. И. Сизов. Такого рода наблюдения несомненно свидетельствуют о существовании на Руси в X в. производства различных изделий, восходящих к скандинавским образцам, но постепенно терявших связь с чисто северным искусством. Этим предметам присуще огрубение или схематизация северного стиля, наличие «восточных» мотивов (например, пальметки).⁵³ Такие вещи Х. Арбман справедливо называет «местными гибридами». Отсюда ясно, что на Руси в X в. началась переработка изде-

⁵¹ H. Arbmán. Skandinavische Handwerk in Russland zur Wikingerzeit. Meddelanden fran Lunds universitets historiska museum, Lund 1959, стр. 133. — По нашему наблюдению, похожий орнамент имеется также на позолоченной бляшке Готланда, относящейся к первой половине X в. (см.: В. Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929, стр. 151, рис. 166 на стр. 154).

⁵² Стенограмма выступления Х. Арбмана хранится в протоколах группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР за 1959 г.

⁵³ H. Arbmán. Skandnavische Handwerk..., стр. 118 и сл.

лий северного искусства и создавались собственные произведения, где оригинально комбинировались мотивы Севера и Востока.

Возвращаясь к рассмотрению мечей типа I), остается добавить, что они в единичных экземплярах распространены от Норвегии до Венгрии и датируются не позже IX в.⁵¹ Таким образом, гнездовский меч (как и Михайловский) оказался самым поздним среди клинков типа D в Европе, что не противоречит мнению о его вероятном местном изготовлении (если не всего меча, то во всяком случае его рукояти).

Тип H. Мечи этого типа напоминают клинки типа B, от которых, очевидно, получили свое развитие. Характерные особенности мечей типа H: головка в фас и в профиль треугольная, неширокое прямое перекрестье не имеет ребра.⁵⁵ Среди других мечей мечи типа H представлены наибольшим количеством находок. Они встречаются почти во всех районах Руси, где обнаруживают клинки, — от Приладожья до Киевщины. Даже детские игрушечные мечи из древнерусских городов подражают этим образцам.⁵⁶ По-видимому, популярность мечам этого типа обеспечила геометрически простая форма рукояти.

Украшения мечей типа H также отличаются строгой простотой. Рукояти чаще всего снабжены серебряной набивкой (по железу) в виде равномерно распределенных вертикальных полос. Меч из Пиркинского (7) сохранил бронзовые накладки с вертикально линейным орнаментом (рис. 24, 7). Его лезвие дамаскировано.⁵⁷ В этой же технике сделан клинок из Шестовиц (20). На верхней клинка из Новоселок (14) заметен серебряный узор «в елочку», кроме того, на боковых частях головки насечка образует узор шахматного рисунка.⁵⁸ Древнейшие мечи этой группы (13, 14) происходят из новоселковских курганов, датированных Е. А. Шмидтом концом IX — началом X в. Позднейшие — обнаружены в курганах XI в. и Ленинградской области (9 и 10; рис. 21, 4). Большинство находок, однако, относится к X в. (рис. 26, 4).

⁵⁴ J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 70—75, рис. 56 (для Норвегии Я. Петерсен считает мечи типа I) чужеземными); W. Sarnowska. Miecze..., стр. 300; H. Arbman. Schweden..., стр. 225.

⁵⁵ В каталоге, 6—23 — всего 18 экз.

⁵⁶ В Старой Ладге эти деревянные мечи происходят из слоя IX в. (В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, т. XII, М. — Л., 1950, стр. 35—36), в Новгороде — из слоя X в. (А. Ф. Медведев. Оружие Великого Новгорода. МИА, № 65, 1959, рис. 1, 1 на стр. 122), в Гродно — даже из слоя XII в. (И. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, рис. 27, 4, 6, 7).

⁵⁷ Фотография меча получена благодаря любезности д-ра Г. Сальмо из Национального музея Финляндии.

⁵⁸ Е. А. Шмидт. Археологические памятники..., рис. 17, 5; ср. H. Arbman. Birka. Tafeln. Upsala, 1943, табл. II, 4.

Крайней восточной областью нахождения европейских мечей является Волжская Болгария. Целесообразно отметить эти находки. Мечи рассматриваемого типа H найдены здесь дважды.⁵⁹ На одном — из Болгарского городища — надпись Ulfberht (рис. 35, 6 и 38, 3); такая же на мечах из Залющик (6) и Красный Рог, (22; рис. 35, 8). На другом — из Альметьево (рис. 38, 1, 2 и 36, 4) — надпись Leutlrit («ф» и «л» даны в перевернутом виде). Кроме того, на трех наших мечах типа H (15, 17 и 19) оказались повторяющиеся буквообразные знаки (в виде L), изображения круга, креста (рис. 37, 2, 9) и остатки именной (?) надписи (рис. 36, 6). На четырех мечах рассматриваемого типа начертаний не обнаружено (9, 10, 13 и 21).

Мечей группы H особенно много на севере Европы. Например, в 35 могилах Бирки, содержащих мечи, клинки этого типа составляют большинство.⁶⁰ Некоторое время скандинавские археологи считали мечи типа H северными. Однако они по происхождению не скандинавские, а рейнские (на что указывают и надписи)⁶¹ и в Европе найдены в таких местах, где викингов не было. Вертикальная серебряная или бронзовая насечка имела также общеевропейское хождение.⁶² В Норвегии имеется 213 мечей этого типа, которые, по Я. Петерсену, датируются 800—950 гг.,⁶³ этим же временем определяются 60 финских находок. Для клинков типа H, как и для мечей типа D, можно констатировать их относительно позднее бытование на Руси, так как часть наших находок относится ко второй половине X—XI вв.

Тип S. Отличительной особенностью мечей этого типа является разделенная на три, реже на пять частей головка рукояти с повышенной средней частью и перекрестье с расширяющимися концами.⁶⁴ Находки мечей типа S указывают на их распространение по всей территории древней Руси.⁶⁵

⁵⁹ Один — на Болгарском городище бывш. Спасского у. Казанской губ., другой — в бывш. Чистопольском у. Казанской губ., между Старым и Новым Альметьевом (W. Arndt. Das Schwert..., стр. 161, рис. 10, на стр. 163); альметьевский клинок издан вторично (см.: Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 131, рис. 102, левый, без указания места находки). Оба меча хранятся в ГИМе (хр. 12/1).

⁶⁰ H. Arbman. Birka.

⁶¹ H. Arbman. Schweden..., стр. 223; W. Sarnowska. Miecze..., стр. 301.

⁶² H. Salmo. Die Waffen..., стр. 304.

⁶³ J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 89 и сл., рис. 79.

⁶⁴ В каталоге, 24—33 — всего 10 экз.

⁶⁵ Нельзя не упомянуть здесь отлично сохранившийся меч типа S из Волжской Болгарии (д. Салман бывш. Спасского уезда Казанской губернии) с надписью Ulfberht (А. М. Тальгрэн. Два меча в Сарапульском музее. Изв. общ. по изучению Прикамского края, вып. 1, Сарапул, 1917, стр. 4, рис. 4 и 5).

Стилистическая близость украшений клинков типа S очевидна. Часто встречается петлеобразный жгутовой орнамент, где толщина жгутов подчеркивается частыми косыми штрихами (24, 29, 30 и 32; рис. 25, 2 и 28, 1), «глазки» на средней части навершия (схематизированные звериные глаза), обработка чернью по серебру. Очень нарядны мечи Днепровских порогов (30, 31, 36, 37). На одном (рис. 4, 1) — серебряная набивка с жгутовым плетением. Другой (рис. 4, 2) — полностью сохранил свой орнамент каролингского стиля, выполненный в технике серебряной насечки. Рисунок ленточного плетения обоих был по контуру проложен красной медью, что придает ему особую ясность.⁶⁶ На клинках существуют надписи Ulfberht. Находки в СССР прибавляют к известным в Европе⁶⁷ мечам типа S с надписью Ulfberht еще 3. На лезвии из Заозерья (25) выявлены остатки S-образных начертаний (рис. 37, 10).

Во всех случаях, когда можно определить дату, мечи типа S относятся ко второй половине X — первой половине XI в. (рис. 25, 4), что в основном соответствует датировке этих памятников в Центральной Европе и Скандинавии.⁶⁸ Данная группа клинков каролингского происхождения, что можно заключить как по надписям, так и по плетеному орнаменту.⁶⁹ Меч из коллекции И. Хойновского (28, Киев?), судя по бронзовой рукояти, можно рассматривать как местное изделие. Интересно отметить, что меч типа S найден в одном из погребений конца X — первой половины XI в. могильника у г. Лютомирска близ Лодзи. Военные погребения могильника связывают с русскими (или русско-варяжскими) дружинниками.⁷⁰

Тип T-1. Мечи этого типа близки мечам предыдущего, но средняя часть головки у них больше, а боковые части меньше, и оформлены как звериные морды (рис. 5).⁷¹ В некоторых разновидностях типы S и T-1 почти не отличаются.

Мечи типа T-1 имеют ярко выраженные западноевропейские черты. Таков например,

⁶⁶ Н. А. Чернышов. О технике..., стр. 218.

⁶⁷ Н. Jankuhn. Ein Ulfberht-Schwert aus der Elbe bei Hamburg. In: Festschrift G. Schwantes, Neumünster, 1951. стр. 223.

⁶⁸ J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 142—149, рис. 114; W. Sarnowska, Mięcze..., стр. 302—303.

⁶⁹ J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 207, Н. Arbmán. Zwei Ingelri-Schwerter aus Schweden. ZWK, Bd. V, NF, Berlin, 1936, стр. 146—147; Сводка о мечах типа S см.: S. Grieg. Gjermundbufunnet. In: Norske Oldfunn, VIII, Oslo, 1947, стр. 26—31, табл. II и XXII; XXIII; XXIV.

⁷⁰ А. Nadolski, А. Abramowicz, Т. Poklewski. Smentarzysko z XI wieku w Lutomirsku pod Łodzią, Łódź, 1959.

⁷¹ В каталоге, 34—38 — всего 5 экз. Многие западные исследователи не расчленяют тип T на две разновидности (T-1 и T-2).

богато и эффектно отделанный меч из Монастыриша (35). Его массивное перекрестье и навершие покрыты серебряной насечкой с гравированным переплетающимся ленточным узором. На поверхности рукояти прорезаны углубления для вставки золотых пластинок с напаянными колечками. В узоре на перекрестье различимы две пары лап и 2 звериные морды, перехваченные лентами (рис. 22, 2). Среди типичного северноевропейского орнамента группы Ellinge не удалось найти аналогичного. Скорее всего меч имеет орнамент, восходящий к каролингскому. Последнее обстоятельство подтверждает и латинская надпись (рис. 36, 1). Первые четыре буквы на клейме читаются nred,⁷² далее следует разделитель (буква ?) в виде меандра, затем знаки, которые можно представить как frit. Nred сопоставляется с известным каролингским клеймом Ingelred, frit может быть искаженным fecit или fit. Меч Днепровских порогов (рис. 4, 3) с ячеистой орнаментацией, судя по надписи Ulfberht, также западного происхождения.⁷³ Другой клинок из той же находки (рис. 4, 4 и рис. 24, 3), украшенный ромбической орнаментацией с применением золота, серебра и красной меди, имеет на лезвии знаки какой-то франкской мастерской в виде двух костыльных крестов с каждой стороны.

Мечи типа T-1 в норвежских комплексах датируются второй половиной X в.⁷⁴ У нас, вероятно, за пределы X в. не выходят. Клинки этого типа с XI в. получили значительное распространение в Прибалтике, где их насчитывается 34 экземпляра.⁷⁵

Тип T-2. На рукоятках мечей этого типа округлое трехчастное навершие и прямое перекрестье.⁷⁶ По сравнению с экземплярами предыдущего типа боковые части навершия мечей типа T-2 более сглажены. В отделке их рукоятей использованы серебро, медь, реже золото (в технике насечки). Орнамент всегда в виде ромбов (рис. 20, 5; 21, 3; 26, 3; 29, 2).

Число клинков с ромбической орнаментацией невелико: 5 в СССР (39—42), 2 в Норвегии,⁷⁷ 1 в Самбии.⁷⁸ На экземпляре из Заозерья

⁷² Подобное буквосочетание встретилось нам на одном мече, датированном около 1230 г. (V. Gay. Glossaire archéologique, t. I, Paris, 1887, рис. d на стр. 642). — По мнению проф. А. Гейштора рассматриваемую надпись можно представить как Inredgerilt, что сопоставляется с Ingelrilt.

⁷³ В Норвегии известны два совершенно тождественных экземпляра (J. Petersen. De norske vikingesverd, рис. 119; O. Righ. Norske Oldsager. Christiania, 1885, рис. 510).

⁷⁴ J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 153, 207.

⁷⁵ B. Nerman. Die Verbindungen..., стр. 79—82.

⁷⁶ В каталоге, 39—42 — всего 4 экз.

⁷⁷ J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 153, 207.

⁷⁸ W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreuens. Königsberg, 1929, стр. 385, табл. XVII.

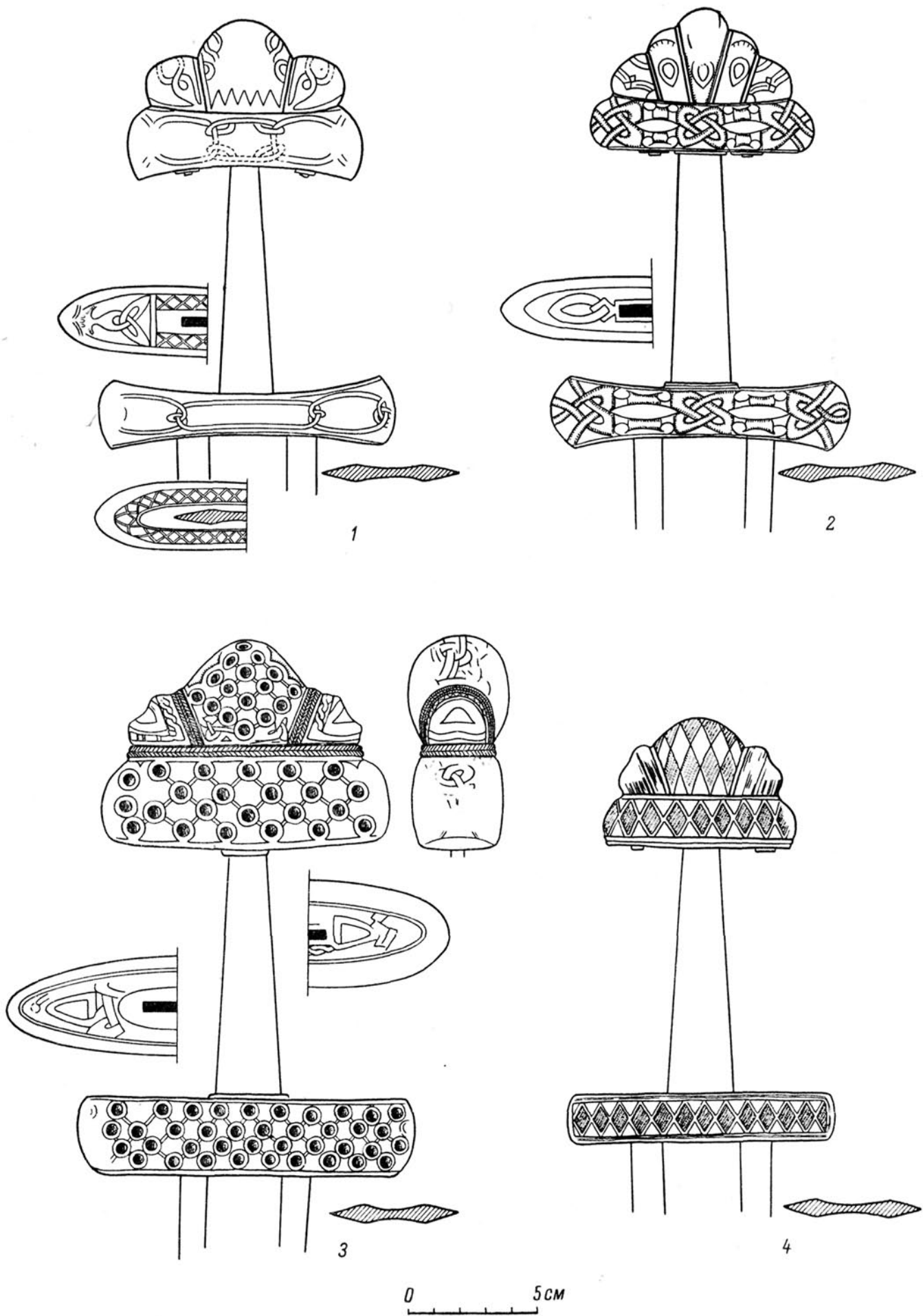

Рис. 4. Мечи (по материалу из архива В. И. Равдоникаса).
 1—41 — Днепровские пороги, о. Хортица (30, 31, 36, 37).

(40) обнаружено пока единственное в Европе имя *Serolt* (рис. 36, 2). Меч с Нижнего Днепра (42) с надписью *Ulfberht* бесспорно франкского происхождения.⁷⁹ Экземпляр из Вахрушевой (39) не имел или не сохранил никаких начертаний. Все отечественные находки относятся, по-видимому, к X в.

Рис. 5. Меч, Новгород (34).

Очертания рукоятей следующих типов E и V напоминают рукояти типа T-2. Головка у них трехчастная, чаще полуовальная, перекрестье прямое. Типы E и V различаются только по орнаментации: ячеистой в первом случае, геометрической, ступенчатой — во втором. В отличие от норвежских у нас мечи типа E в основном относятся к более позднему времени, поэтому мы ставим их между мечами типов T-2 и V.

Тип E. Клинки этого типа распространены на Руси (так же как и типа S) повсеместно.⁸⁰

⁷⁹Четыре меча типа T из находок континентальной Европы имеют надпись *Ulfberht* (H. Jankuhn. *Ein Ulfberht-Schwert...* стр. 223).

⁸⁰В каталоге, 43—52 — всего 10 экз.

Их украшения оригинальны. В металле рукояти высверлены ячейки. Они соединены между собой скрытыми боковыми канальцами, сквозь которые пропущена витая серебряная проволока. В крайних ячейках проволока свита в петли, и остальных располагается крест-накрест (рис. 29, 3). Поверхность рукояти набивалась серебром. Таким образом, зритель видел сплошное серебряное поле, в углублениях-ячейках которого виднелась слабо мерцавшая витая проволока. Этот орнамент удастся реконструировать пока только на русском материале. Среди иноземных находок нам неизвестно наличие столь характерной серии мечей, которой были бы присущи и выкладки из серебряных проволочек, и очень крупные ячейки (расположенные на перекрестье в 3—5 рядов). Таковы экземпляры из Гульбища (50; рис. 23, 2), из Усть-Рыбежны со знаком в виде крестов и подковообразных фигур (43; рис. 20, 2; 27, 4; 37, 8; 40, 3), из Рокота с надписью *Ulfberht* (47; рис. 25, 1 и 35, 4) и др. Сюда же относится клинок из Гнездова (46, рис. 27, 2) с пока уникальным изображением человеческой фигуры (рис. 37, 7 и 39, 1). Мечи с крупными и редкими ячейками, судя по сопровождающему их курганному инвентарю, датируются зрелым X в. Еще около 900-х годов клинки снабжались очень мелкими ячейками (количество их рядов на перекрестье достигает 9) без проволочных выкладок. Таков «мелкоячеистый» меч из Гнездова (45), найденный в кургане вместе с копьем около погребальной урны.⁸¹ Его лезвие (рис. 20, 1) имеет почти параллельные края -

черта свойственная мечам первой половины IX в. На полосе ряд знаков, напоминающих букву S, и надпись *Ulfberht* (рис. 35, 1).⁸² Меч сходен с экземпляром IX в. из Снаасен (Норвегия)⁸³ вплоть до числа рядов ячеек на рукояти. Копье рассмат-

ривается к мечам первой половины IX в. На полосе ряд знаков, напоминающих букву S, и надпись *Ulfberht* (рис. 35, 1).⁸² Меч сходен с экземпляром IX в. из Снаасен (Норвегия)⁸³ вплоть до числа рядов ячеек на рукояти. Копье рассмат-

⁸¹М. Ф. Кусцинский. Археологические исследования в Смоленской губ. Древности, т. IX, вып. 1, М., 1881, стр. 5. — Меч до расчистки издан Д. Н. Анучиным (Д. Н. Анучин. О некоторых формах..., табл. XIII. 1).

⁸²В. И. Сизов. Гнездовский могильник..., стр. 127, рис. 101; W. Arend. *Das Schwert...*, стр. 160, рис. 8. — Ранее эта надпись ошибочно сопоставлялась с *Ingelred*.

⁸³J. Petersen. *De norske vikingesverd*, рис. 65.

риваемого комплекса (довольно редкое для Европы) ланцетовидное (тип Е по Я. Петерсену), с демаскированным узором на лезвии и «готическим» орнаментом на тулье относится к IX в.⁸⁴ И так, оружие кургана восходит к IX в. и само погребение, по-видимому, совершено около 900 г. Несомненно, что это древнейшее известное ныне гнездовское дружинное погребение.⁸⁵

Отметим особенности некоторых экземпляров типа Е. На клинке из Киева выявилась фигура из кося расположенных лент (51; рис. 6, 2, рис. 36, 7), на полосе из Михайловского (44) не удалось найти никаких примет. Меч из Гульбища (50) достигает 126 см. Он среди русских клинков очень длинный и «невольнo вызывает в памяти образы былинных богатырей». ⁸⁶ Гнездовский меч (46) был найден с сосудом, на котором русская надпись — гороухща. Образец из Ростова-Ярославского (49) более простой по сравнению с другими мечами. По-видимому, это местное изделие.

Родина некоторых вещей рассматриваемого типа подсказывается надписями и знаками. Заметим также, что ячеистая орнаментация уже была представлена на одном из днепровских Ulfberht-мечей (36), что, может быть, указывает на ее иноземное происхождение.⁸⁷

Мечи типа Е встречаются на всем севере Европы: в Норвегии их 31, в Финляндии около 10, в Швеции, по устному сообщению Х. Арбмана, их больше 50. Все норвежские экземпляры

⁸⁴ J. Žak. Eine skandinavische frühmittelalterliche Kisenlanzenspitze aus Grosspolen. In: Meddelanden fran Lunds universitets historiska museum. Lund, 1959, стр. 139.

⁸⁵ Предложенной датировке не противоречит найденная в этом погребении (в соседнем комплексе) железная гривна с молотками Тора. Обычай ношения этих гривен был распространен в конце X—XI вв., но появились они еще в IX в., и во множестве были встречены в погребениях Бирки.

⁸⁶ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 38.

⁸⁷ В Волжской Болгарии найдено 2 меча данного типа: около д. Альметьево (на лезвии видны S-образные знаки; ГИМ, хр. 14/1), и в кургане у д. Бельмер бывш. Спасского у. Казанской губ. (А. IIIтукенберг. Древняя курганная могила около д. Бельмер.

отнесены Я. Петерсеном к первой половине IX в. и только один к X в.⁸⁸ Северные археологи признают, что эта форма после 900 г. встречается очень редко.⁸⁹ Таким образом, русская группа мечей типа Е по времени бытования и особенностям орнаментации кажется весьма поздней и своеобразной.

Тип V, один из многочисленных, пред-

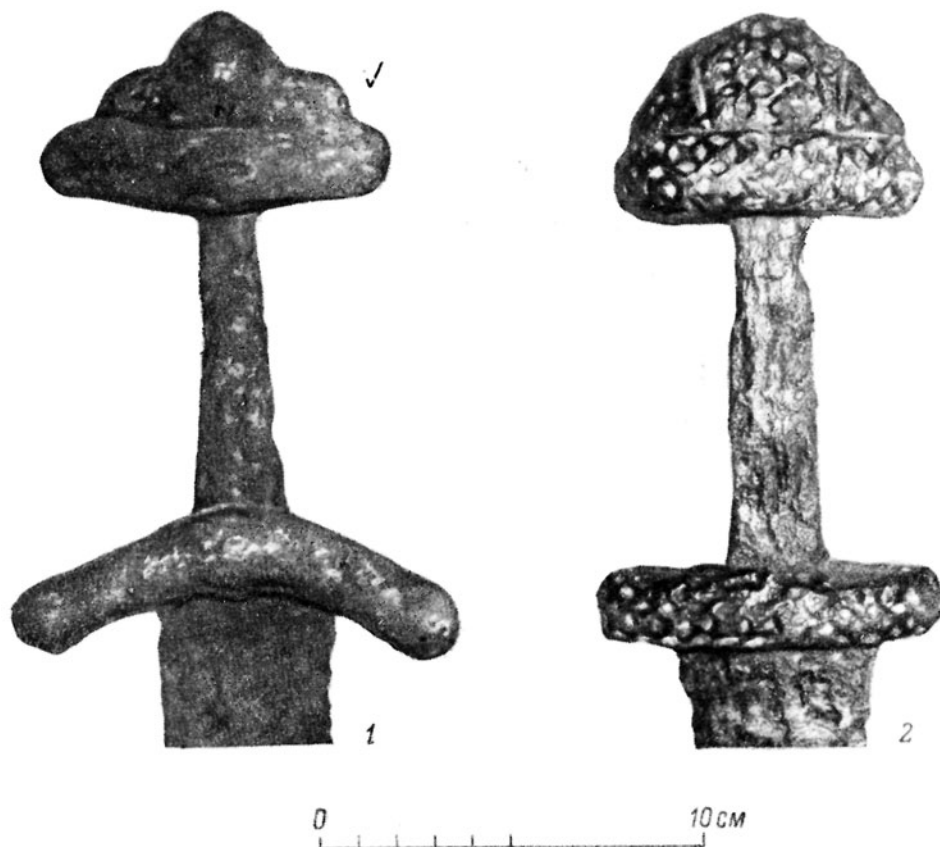

Рис. 6. Мечи.

1 — место находки неизвестно (78); 2 — Киев (51).

ставлен 14 экземплярами.⁹⁰ На рукоятях почти всех мечей этого типа узор геометрического рисунка. Расчищенная рукоять одного из приладожских мечей с надписью Ulfberht (53; рис. 35, 3) демонстрирует сложную и трудоемкую технику отделки с помощью тончайших (0, 5 мм толщины) чередующихся между собой полосок меди, латуни и серебра (рис. 7 и рис. 27, 1 и 29, 1). Мастер, комбинируя различные металлы, набивал около 1000 полосок на заранее подготовленную бороздча-

Изв. общ. арх., ист. и этн. при Казанск. унив., т. X, вып. 2, 1892, стр. 155—160, рис.).

⁸⁸ J. Petersen. Die norske vikingesverd, стр. 75—80; письмо Я. Петерсена от 23 II 1959.

⁸⁹ B. Nerman. Die Verbindungen..., стр. 66—68.

⁹⁰ В каталоге, 53—66.

тую поверхность железной рукояти.⁹¹ Приблизительно аналогичную технику отделки мы видим на рукоятках клинков с надписями Ulfberht из Шестовиц (64; рис. 27, 3; 29, 4; 35, 7) и из Полоцка (63; рис. 25, 3). Немного отлично убранство гнездовского меча с такой же надписью (62; рис. 20, 3 и 35, 2). На его перекрестье и навершии между двух рядов серебряных зубчиков замечен мелкий зигзагообразный узор. Немного выдвинутые боковые части навершия приближают этот

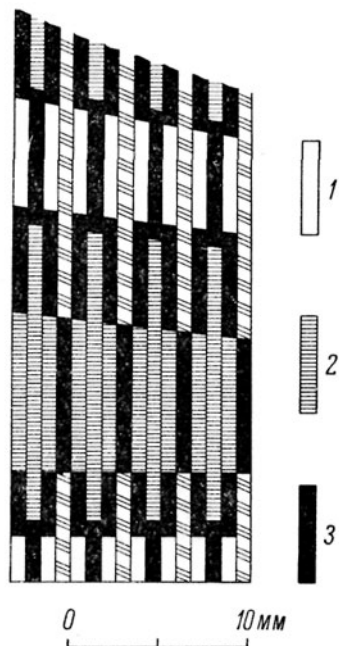

Рис. 7. Орнамент навершия меча. Кашина (53).

1 — серебро, 2 — латунь, 3 — медь. Полоски с косыми штрихами обозначают серебряные нити, обмотанные латунной проволокой.

образец к типу Т-2. К типу V относится известный золоторотский меч (65), стержень рукояти которого обернут серебряной пластинкой с сочным гроздевидным растительным орнаментом, выполненным во второй половине X в. где-то на Руси (рис. 8, 7). Здесь — пример вторичной отделки меча сообразно местным вкусам. Отметим также подгорцевский меч (66) из кургана, датируемого ок. 1000 г. Рисунок его узора для типа V необычен. Это ленточное плетение в виде звеньев цепи и зигзагообразная линия.⁹² Отнесение меча к рассматриваемому типу условно.

Все датированные экземпляры типа V относятся (кроме подгорцевского) точно к X в.

⁹¹ В бороздки укладывались проволоки, которые лишь после обработки принимали вид плоских пластинок. Надпись Ulfberht предполагается нами и на другом приладожском мече (54; табл. II, 2), выявившем только букву «Е».

⁹² P. Paulsen. Schwertortbänder..., стр. 62 и рис. 73.

Представители данного типа встречаются в Норвегии (6 экз.), в Швеции (3 экз.), на Саареме (1—2 экз.), в Польше (1 экз.),⁹³ в Самбии (2 экз.), в Финляндии (около 10 экз.), в Дании, Германии, Ирландии и на Готланде (по одному).⁹⁴ В норвежских комплексах клинки типа V относятся к первой половине X в.⁹⁵ Я. Петерсен считал мечи этого типа норвежскими, в России он знал тогда только 3 экземпляра данной группы. На самом деле, на Руси найдено около трети известных в Европе мечей рассматриваемого типа, поэтому специально норвежскими их считать нельзя.⁹⁶ До последнего времени было невозможно решить вопрос, где возникли мечи типа V. Мало что говорил и их ступенчатый, геометрический орнамент, встреченный также на копьях⁹⁷ (возник ли он на континенте или в Скандинавии невыяснено).⁹⁸ После расчистки франкское происхождение части мечей этого типа решилось само собой. На пяти из них имеется надписи Ulfberht (53, 54, 62, 63 и 64), на шестом (61) — остатки большой латинской надписи, видны первые буквы Ing и последние «f» (?) и «h» в перевернутом виде⁹⁹ (рис. 36, 5) наконец, на седьмом (55) — знаки в виде круга (рис. 37, 4). Надпись Ing it безусловно может быть прочтена как Ingelrii (me) fecit (Ингельри меня сделал) и, следовательно, является клеймом западной мастерской (ср. 74). Остается заметить, что своеобразный подгорцевский экземпляр можно рассматривать как местное видоизменение мечей данного типа, исчезнувших, по-видимому, в конце X в.

По форме своей рукоятки к типу U приближается меч из кургана близ д. Ручьи (67; рис. 21, 5 и 26, 2), поэтому мы назовем его тип U особый. Навершие клинка — полуовальное в поперечном сечении. Судя по норвежским

⁹³ J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Biblioteka Archeologiczna, 7. Warszawa, 1955, табл. XX.

⁹⁴ P. La Baume. Ein Wikingerschwert aus der Schlei bei Schleswig. Otta. Bd. 13, Neumünster, 1954, стр. 85.

⁹⁵ J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 154—156, табл. III.

⁹⁶ Количество находок может возрасти за счет 500 шведских мечей эпохи викингов, изученных недостаточно и мало опубликованных.

⁹⁷ J. R. Aspelin. Antiquité du nord..., рис. 1960; T. J. Arne. Das Bootgräberfeld von Tuna in Alsike. Stockholm, 1934, стр. 60—61, табл. IV, 1a, 1b; H. Arberman. Schweden..., стр. 234.

⁹⁸ H. Arberman. Schweden..., стр. 234.

⁹⁹ Меч еще в древности был разломан пополам и в таком виде хранился в ГИМ. Б. А. Колчиным два обломка этого оружия были изданы как самостоятельные (см.: Б. А. Колчин. Черная металлургия..., рис. 105, 8 и 9), а части, заключавшие большую часть надписи, в ходе металлографического исследования были отрезаны и, видимо, подверглись уничтожению. Буквы, наведенные дамаскированной проволокой, были приняты за дамасковый узор. Все эти ошибки исследователя оправдываются тем, что он не подозревал о существовании надписи.

аналогиям, вещь может датироваться серединой X в.,¹⁰⁰ никаких знаков на ней не выявилось.

Тип W. Мечи этого типа имеют полукруглое навершие и узкое прямое перекрестье, отлитые из бронзы. По очертаниям — близки к нижеследующему типу X. У нас к данному типу относится только один шестовицкий клинок (68) из погребения X в.

ются переходными к формам XI—XII вв. На новгородском клинке (69) вдоль дола сохранилась надпись Ulfberht (рис. 20, 4 и 35, 5). На лезвии из Гнездовского клада (71) проявилась надпись, которую можно прочесть как Ulen,¹⁰³ (если первый знак «U» по аналогии с некоторыми надписями Ulfberht представляет «U» и «L», написанными слитно; рис. 36, 3).

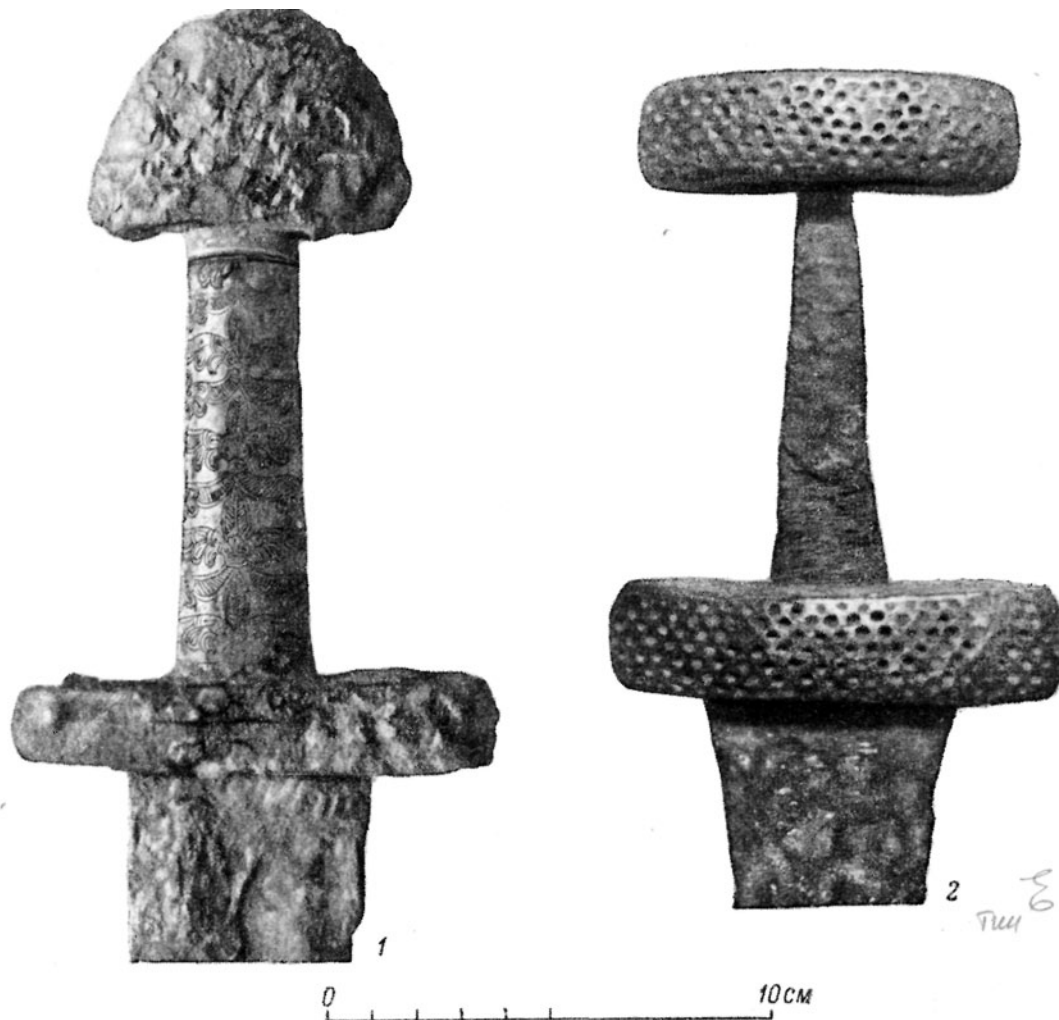

Рис. 8. Мечи.

1 — Киев (65); 2 — Альметьево, бывш. Чистопольский у. Казанской губ. (тип E, X в., ГИМ, хр. 14/1).

Я. Петерсен датирует экземпляры типа W первой половиной X в. и считает их, вероятнее всего, не местными по происхождению.¹⁰¹

Тип X. Для всех найденных у нас мечей этого типа характерна полукруглая головка, выкованная из одного куска со своим основанием (у мечей предшествующих типов навершие прикреплялось к особому основанию), и неширокое, относительно длинное перекрестье.¹⁰² Орнаментация отсутствует. Эти образцы явля-

На полосе меча из Михайловского могильника виден демаскированный узор в «елочку» (70; рис. 21, 6 и 39, 3). Отмеченные особенности говорят о западноевропейском происхождении мечей типа X. Однако клинки этой группы могли выделываться в разных частях Европы по западным моделям.¹⁰⁴ Отечественные находки относятся к развитой фазе типа X, ко второй половине X — началу XI в.

¹⁰⁰J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 153 и сл.

¹⁰¹Там же, рис. 123, стр. 156—158, 207.

¹⁰²В каталоге, 69—73 — всего 5 экз.

¹⁰³Ранее эта надпись была нами ошибочно реконструирована как Ulfberht.

¹⁰⁴W. Sarnowska. Miecze..., стр. 306; J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 213; H. Arbmán. Schweden..., стр. 227—228.

Тип Y. Мечи этого типа характерны прямым или слегка изогнутым книзу перекрестьем, седловидным навершием с возвышением в центре.¹⁰⁵ Они, так же как образцы типа X, не имеют украшений и по своей форме являются переходными к более позднему времени. В качестве типичного образца помещаем изображение меча из Горки Никольской¹⁰⁶ с надписью *Inglriifesi* (74; рис. 24, 2). Комплекс, из которого происходит этот меч, скорее всего относится ко второй половине X в.

Мечи типа Y западноевропейского происхождения. Однако они были восприняты во многих странах, где и могли изготавливаться.¹⁰⁷ Датировка данной группы по Петерсену, X — начало XI вв.,¹⁰⁸ приемлема, очевидно, и для русского материала.

Тип Z. Признаки мечей этого типа — трехчастное изогнутое кверху навершие и перекрестье,¹⁰⁹ изогнутое книзу. Трехдольная головка с приподнятой серединой и изогнутое перекрестье несколько напоминают предшествовавшие формы (типы S и Y). На рукоятях иногда встречается орнамент, но русские находки лишены или не сохранили своих украшений. На клинке из бывш. коллекции Д. Я. Самоквасова (78) обнаружались костыльные кресты и подковообразные фигуры (рис. 6, 1 и рис. 37, 3). Меч, внесенный в наш каталог под номером 77, найден в одном из курганов Ленинградской области и относится, вероятно, к XI в.

Происхождение мечей типа Z неясно. Я. Петерсен отстаивал их восточное происхождение, Б. Нерман и Г. Гессинг — скандинавское. Х. Арбман — континентально-европейское, В. Сарновская — русское или восточноприбалтийское. По мнению Я. Жака, в мечах типа Z объединились элементы каролингского меча и восточной сабли.¹¹⁰ Из дальнейшего станет ясно, что участие Восточной Европы и Руси в формировании мечей типа Z отрицать не приходится.

Мечи типа Z находят по всей Европе. Я. Петерсен относит их к концу эпохи викингов.¹¹¹ Польские, шведские, прибалтийские экземпляры этого типа относятся к первой половине XI в.¹¹² Клинки типа Z распространены

¹⁰⁵ В каталоге, 74—76 — всего 3 экз.

¹⁰⁶ Фотография меча по нашей просьбе любезно прислана д-ром Г. Сальмо из Финляндии.

¹⁰⁷ Н. Arbman. *Schweden...*, стр. 227.

¹⁰⁸ J. Petersen. *De norske vikingesverd*, стр. 167—171; рис. 131; W. Sarnowska. *Miecze...*, стр. 307—308; В. Nerman. *Die Verbindungen...*, стр. 85.

¹⁰⁹ В каталоге, 77—78 — всего 2 экз.

¹¹⁰ J. Zak. *Problem pochodzenia mieczów tzw «wikinskich» na ziemiach zachodniosłowiańskich, głównie Polskich*. *Archeologia Polski*, t. IV, 2, Warszawa-Wrocław, 1960, стр. 333—334.

¹¹¹ J. Petersen. *De norske vikingesverd*, стр. 175—177, рис. 136.

¹¹² W. Sarnowska. *Miecze...*, стр. 308—309; T. Arne. *Das Bootgräberfeld...*, стр. 60,

в основном в странах Прибалтики (4 экз. — Эстония, 4 — Латвия, 4 — Литва, 1 — Финляндия, 5 — Польша). Отечественные находки напоминают мечи из Кремоны и Кирхольма (Латвия).¹¹³

Тип Z особый. Головка этих клинков линзовидной формы, перекрестье плавно изогнуто.¹¹⁴ Мечи этого типа отсутствуют в классификации Я. Петерсена. Однако их существование в Европе после 950—980 гг. недавно подтвердил Э. Оуксхот.¹¹⁵ Действительно, на лицевой стороне меча из Щуковщины (79) открылись незначительные остатки букв, а на оборотной — перекрещенные полосы, признаки, по-видимому, какой-то западной мастерской.

В этой группе выделяется меч из Черной Могилы (81), относящийся, как доказал Б. А. Рыбаков, к 960 гг. Рукоять этого меча (ниже речь пойдет главным образом о рукоятях, поскольку соответствующих лезвий нам расчистить не пришлось), судя по характерному узору, выполненному гравировкой по позолоченному серебру, может подтвердить изготовление если не клинков, то по крайней мере рукоятей типа Z особого на Руси. Орнамент меча (хорошо сохранившийся на стержне рукояти) состоит из растительных завитков в петлевидном обрамлении. Тожественный узор встречен также на стержнях рукоятей мечей с о. Саарема (тип V) и из датского средневекового города Треллеборг.¹¹⁶ Подобные украшения на вещах времени викингов из Северо-Западной Европы исследователи связывают с «восточным» влиянием, которое в конце X в. приводит к преобразованию скандинавской звериной орнаментики во все более развитую растительную.¹¹⁷ Приведенные выше сопоставления конкретизируют предположение о том, что источником «восточных» влияний на орнаментку севера Европы была Русь с ее развитым ювелирным мастерством.

На примере мечей типов Z и Z особый (отчасти типа Y) видно, как изменилась рукоять традиционного франкского клинка. Основание

рис. 14; В. Nerman. *Die Verbindungen...*, стр. 86—87.

¹¹³ R. Hausmann. *Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga, 1896*. Riga, 1896, стр. 63, табл. 23, 1 (тождествен нашему 77), табл. 24, 1 (тождествен 78); В. Nerman. *Die Verbindungen...*, рис. 80.

¹¹⁴ В каталоге, 79—81 — всего 3 экз.

¹¹⁵ E. Oakeshott. *The archaeology of weapons*. London, 1960, рис. 57 (тип VIII) и стр. 137, стр. 224. — Существует также одна не очень точная аналогия Z особого из Финляндии (J. R. Aspelin. *Antiquité du nord...*, рис. 1555).

¹¹⁶ M. Ebert. *Zu den Beziehungen der Ostseeprovinzen mit Skandinavien in der ersten Hälfte des 11 Jahrhunderts*. *Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte*. Berlin, 1914, стр. 119; P. Nørlund. *Trelleborg*. København, 1948, рис. 120.

¹¹⁷ P. Paulsen. *Schwertortbänder...*, стр. 67 и сл.; А. Н. Кирпичников. Шлем XI в. из юго-западной Руси. *СА*, 1962, № 2, стр. 232.

навершия поднялось вверх, концы перекрестья опустились вниз. Такие мечи были более удобны при ударе и конной рубке. Для второй половины X — начала XI в. рукояти с «изогнутыми» деталями — общеевропейское явление.¹¹⁸ В Норвегии, например, они в основном относятся к концу эпохи викингов (типы E, Z, частично Y по Я. Петерсену). Широкое распространение мечей с рукоятями новых форм (связанное с выдвиганием конницы, как главной военной силы европейского средневековья) не снимает вопроса о месте этого изобретения. Еще в 1914 г. Т. Арне писал, что мечи с изогнутым книзу перекрестьем и округлым яблоком, вероятно, родились в России под влиянием Востока.¹¹⁹ Действительно, на Руси существовали условия для выработки новой формы рукояти. Как считает Б. А. Рыбаков, появление самой потребности и таком оружии надо связывать с южнорусскими степями, где незадолго до этого возникло оружие с большим будущим — сабля, оружие конных воинов, действовавших на просторе. Весьма правдоподобно, что соприкосновение русской конной дружины с кочевниками степных кочевников,¹²⁰ влияние «сабельного боя», самой тактики конной борьбы, наконец, растущее преобладание конницы как главного рода войск — все это и привело к возникновению рукояти меча с изогнутыми навершием и перекрестьем.¹²¹ Мы не станем утверждать, что Русь была единственной страной, где родилась новая форма рукояти, однако можно принять то положение, что быстрое распространение этого изобретения объясняется участием русского клинкового ремесла в сложении новых форм европейского меча.

Наличие русских клинковых мастерских раскрывают нижеследующие пять мечей (82—86), объединенных нами в тип с условным названием — А местный. Рукояти этих мечей сохранили некоторые общеевропейские черты (например, трехчастное навершие). Наряду с этим рукояти мечей типа А местный имеют особенности, которые выявились в развитии клинков около 1000 г. Мы имеем в виду легкий

изгиб перекрестья и навершия, напоминающий образцы типов Z и Z особый. В остальном весь облик и декор этих мечей отличается от экземпляров общеевропейских форм, почему и следует рассмотреть их особо.

Перекрестье и навершие меча из Краснянки (82) покрыты крупным ячеистым орнаментом, выполненным в технике гравировки по серебряной набивке. Стержень рукояти украшен петлевидным плетением, выложенным серебряной проволокой.¹²² Краснянский клинок при сохранении старых приемов орнаментации отличен от каролингских экземпляров как по своему оформлению (ячейки крупные, наличие пальметки и петлевидного узора), так и по округлым очертаниям рукояти, его датируют второй половиной X в., скорее его концом.¹²³ Меч из Глуховцев (83; рис. 28, 2) по форме аналогичен краснянскому (82). На железном навершии и перекрестье чернью по серебру нанесен ленточный восьмерковидный узор. Мотив декоративки восходит к северогерманскому орнаменту,¹²⁴ но вполне своеобразен. Это впечатление усиливает черневой узор в виде дуг, завитков и крестов на бронзовой трубке, надеваемой на стержень рукояти. Издатель меча Г. Леньчик справедливо предполагал его местное изготовление.¹²⁵ Примерная дата памятника — начало XI в. Изяществом и богатством отделки особенно выделяются мечи из Старой Рязани (84; рис. 50, 1), Киева¹²⁶ и Карабчиева (86). Киевский меч (85; рис. 30) имеет бронзовую рукоять с черневым узором. Чернью заполнены предварительно сделанные углубления. На стержне рукоятки видны чешуйки, на перекрестье — двойной ряд пальметок в петлевидном плетении. Узор пропорционален и красив, он встречается в орнаментах на деревянных, бронзовых и костяных изделиях Киевской Руси X—XI вв.¹²⁷ Подобный симметричный

¹²²Каталог выставки XII AC в г. Харькове, отд. 1, Харьков, 1902, стр. 119; Е. К. Редин. Альбом выставки XII AC в г. Харькове. М., 1903, стр. 6, табл. IV, 8. — Прорисовку орнамента «тога меча см.: Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, рис. 144, 1.

¹²³Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в., стр. 65.

¹²⁴Ср.: Е. Salin. Die Altgermanische Thierornamente. Stockholm, 1904, стр. 319, рис. 689.

¹²⁵G. Leńczyk. Trzy miecze wikingie w zbiorach Museum archeologii przedhistorycznej PAU w Krakowie. Biblioteka Prehistoryczna, t. I, Poznań, 1930, стр. 363—375, табл. XLIII; XLIV, рис. 1; 2; 3.

¹²⁶Меч опознан среди вещей КИМа по описанию в каталоге Ф. Ф. Кундеревича (раздел VI, стр. 102, № 9). Лезвие меча сохранилось незначительно, никаких знаков оно не выявило. Благодарим Г. Ф. Корзухину за любезное указание источника.

¹²⁷А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, рис. 45, б, на стр. 119; Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, рис. 39, 2 на стр. 107; W. J. Raudonikass. Die Normannen..., стр. 126, рис. 113; Б. И. и В. И. Хаченко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. XV, № 484 и табл. XXXIV, № 1204.

¹¹⁸Рецензия А. В. Арциховского, на кн.: Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. ВИ, 1949, № 1, стр. 127—130.

¹¹⁹T. J. Arne. La Suède..., стр. 31. — В полной мере это признает и П. Паульсен, который связывает изменение викингских мечей во второй половине X в. с восточным влиянием. Однако он верен своим норманистским концепциям и связывает новую форму меча с викингами, встретившимися в «области» Киева и средней Волги с народами Востока (P. Paulsen. Säbelschwerter im Ostseeraum. Documenta Archaeologica. Bonn, 1956, стр. 124—125 и 131).

¹²⁰Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 225.

¹²¹Дальнейшая эволюция приведет к появлению в XI в. однолезвийной сабли-меча. Бытование таких гибридов рубящего оружия в Юго-Восточной Прибалтике объясняется воздействием оружия Киевского государства (P. Paulsen. Säbelschwerter..., стр. 124 и сл.).

петлевидный орнамент, обозначенный двойной линией, кажется, не встречается позже XI в.¹²⁸ Сочетание в орнаменте общеславянского ленточного плетения с восточной пальметкой, известной на многочисленных бляшках из погребений дружинников, позволяет датировать рассматриваемое нами изделие около 1000 г.

Третий меч (86) происходит из с. Карабчиева близ г. Каменец-Подольского. Обстоятельства находки вещи неизвестны. Каменец-подольский краевед Ф. Пулавский передал этот меч в музей графов Красинских. Там меч считался найденным в окрестностях Варшавы.¹²⁹ Впервые русское происхождение памятника установлено В. Сарновской, но ее работа, рисунки и сам меч погибли во время фашистского нашествия на Польшу в 1939 г. Лишь в 1955 г. исследовательнице удалось опубликовать меч в посредственных рисунках.¹³⁰ В архиве ЛОИА АН СССР нам удалось отыскать отличное воспроизведение меча, сделанное в 1903 г., — лучшее, что осталось от погибшего памятника (рис. 31). Рукоять меча — шедевр литейного ювелирного искусства — украшена необычайно богатым растительным орнаментом из плавно изгибающихся ветвей. На стержне он в виде «дерева жизни», у которого ветви вырастают из подножия ствола. Техника отделки — черной узор на «бронзе» (перекрестье и трубка) и прочерченный узор на черневом фоне (навершие). По форме и технике отделки очевидно полное совпадение карабчиевского меча с рассмотренным выше киевским (и рязанским). Утраченная головка киевского меча (85) была такой же, как у рязанского и карабчиевского. Растительный узор клинка из Карабчиева по своей законченности и совершенству может сравниться с украшениями русских вещей XII—XIII вв., но он был известен и в первой половине XI в. среди орнаментов Киевской Софии.¹³¹ На основании типологических и декоративных особенностей карабчиевский меч можно отнести к XI в., вернее всего к его первой половине.¹³²

Этот памятник — блестящее произведение древнерусского оружейного и ювелирно-литейного ремесла. Он свидетельствует о расцвете русского клинкового искусства в первой половине XI в., в эпоху, когда Киевская Русь достигла наивысшего могущества.

Таким образом, рассмотренная выше группа мечей демонстрирует вначале, очевидно, местные

¹²⁸ А. Н. Кирпичников. Шлем XI века..., стр. 233.

¹²⁹ В. Поста. Archäologische Studien auf russischen Boden. Budapest-Leipzig, 1905 стр. 53.

¹³⁰ W. Sarnowska. Miecze..., стр. 316—318, рис. 37.

¹³¹ Ср. сб.: Орнамента: Софії Київської. Київ, 1949, стр. 45. — В поздних памятниках симметрично расходящиеся побеги обычно связаны перетяжками в отличие от таковых на перекрестье карабчиевского меча (86).

¹³² W. Sarnowska. Miecze..., стр. 318.

образцы, оформленные в западноевропейских традициях, затем клинки с роскошными бронзовыми рукоятями, возможно, вышедшие из одной русской мастерской в конце X — первой половине XI в. Техника черни по бронзе, известная в изделиях XII—XIII вв.,¹³³ существует, как показано на приводившихся примерах, уже на рубеже X—XI вв.

Узор на мече из Черной Могилы (см. стр. 34) вызвал представление об использовании «восточных», точнее древнерусских, орнаментальных мотивов в отделке клинков Северо-Западной Европы. Мечи с изогнутыми перекрестьем и навершием (типы Z и Z особый) показали участие Руси в видоизменении рукояти франкского клинка. Наконец, мечи из Старой Рязани, Киева и Карабчиева позволяют выдвинуть новую для русского оружейоведения тему о воздействии форм русских мечей на мечи соседних стран в XI в. В Финляндии мне известны три находки частей рукоятей мечей, аналогичных киевскому и карабчиевскому (85, 86). Одна из них — бронзовое навершие меча из Vanaj-Kirstula — опубликована.¹³⁴ По форме это навершие совершенно тождественно головкам мечей Карабчиева и особенно Старой Рязани и украшено растительным орнаментом (спирали из поперечно рифленых лент). Э. Кивикоски все упомянутые находки относит к периоду крестовых походов (1050—1200 гг.). Возможно, что русские аналогии уточняют их дату XI — началом XII в. В 1962 г. в Паланге (Литва) найден меч с бронзовой рукоятью, напоминающей киевскую. Орнаментально особенно близки последней трубка стержня рукояти и навершие.¹³⁵ Похоже, что финские и литовская рукояти сделаны по образцу русских, если не отлиты в одной форме с ними.

Предположение о подражании мечам русских форм рождается и при виде польского меча XI в. из Черска-Польского с костяным навершием и перекрестьем, украшенными плетеным орнаментом.¹³⁶ Вероятно, что появление в Восточной Прибалтике особых мечей с бронзовыми рукоятями также было связано с историей русских клинков.¹³⁷

Изменение русских форм оружия в эпоху расцвета Киевской Руси неудивительно и связано с более общим явлением. Во второй

¹³³ З. А. Володченко. К вопросу о технике черни на Руси, КСИИМК, вып. LII, М., 1958, стр. 10—16.

¹³⁴ E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, t. II, Helsinki, 1947, стр. 39, табл. 141, № 1095.

¹³⁵ Р. К. Волкайте-Куликаускаене. Мечи IX—XII вв. в Литве. В сб.: Из истории культуры литовского народа (на литовском яз.), т. IV, Вильнюс, 1964, рис. 14, на стр. 213.

¹³⁶ W. Sarnowska. Miecze..., стр. 305, рис. 5.

¹³⁷ Таковы бронзовые навершие и перекрестье из Ужавы (Латвия) с рельефным жгутовым орнаментом (E. Šturms. Kuršu zobeni. Senatne un Maksla, t. IV, Riga, 1936, стр. 107, рис. 1).

половине и в конце X в. в развитии мечей наступают решительные перемены. На смену общеевропейским формам приходят местные формы мечей, украшения и отделка которых выдержаны в «национальном» духе. Заметим, что в Восточной Европе поиски «местных» форм рубящего оружия наиболее сильно проявились в XI, отчасти XII в., что стоит в прямой связи с упрочением ряда средневековых городов и ростом самостоятельности их оружейного ремесла. Однако дальнейшее развитие меча в XII—XIII вв., за некоторыми исключениями, вновь подчинится общеевропейскому «стандарту».

Областью, где происходило становление новых своеобразных форм меча была, в частности, Восточная Прибалтика. Рукояти таких мощных клинков по изогнутости навершия и перекрестья и общим очертаниям близки экземплярам типов Z и Z особого, а также A местного. В орнаменте прибалтийского оружия использовались северные мотивы. Например, в Финляндии найдено более 10 мечей, украшенных гравированным орнаментом в стиле рунических камней, часто осложненным пальметовидными мотивами.¹³⁸ Некоторые из этих клинков имеют надписи, указывающие на их изготовление в среднеевропейских мастерских. Скандинавские археологи считают, что монтаж рукоятей этих мечей происходила на Готланде, в Финляндии и в других районах. Датировка всех экземпляров XI в. признается единодушно.

Среди мечей новых форм иногда встречаются уникальные.¹³⁹ Один из них найден в м. Фощеватая около Миргорода (неправильно считался происходящим из окрестностей Киева).¹⁴⁰ В нашей типологии этот экземпляр получил условное название «скандинавский» (87; рис. 32).¹⁴¹ Рукоять его состоит из пяти отдельно отлитых из бронзы частей с рельефным орнаментом в виде перевитых чудовищ в стиле надгробных рунических камней XI в.¹⁴² Именно такая рукоять с изогнутым перекрестьем и ромбоидальной головкой изображена на швед-

ском руническом камне из Рамтунде в Седерманланде (Король Сигурд пронзает змея Фафнира — эпизод из песен Эдды).¹⁴³ Х. Арбман полагает, что меч из Фощеватой сделан вне Скандинавии, так как трубка рукояти оформлена в ином стиле, чем перекрестье и головка. Для чисто северных вещей он исключает подобную «разностильность».¹⁴⁴ Это побудило нас искать место происхождения меча где-то в Юго-Восточной Прибалтике. Ныне район изготовления рукояти можно отнести еще южнее. Дело в том, что на фощеватовском клинке открылось подписное клеймо, которое не только не подтвердило его скандинавского происхождения, но и перевернуло прежние представления о древнерусских мечах (см. ниже стр. 41).

4

Многие исследователи придерживаются мнения, что большая часть известных доныне мечей каролингского происхождения; не составляет исключения и Скандинавия, где франкское оружие служило в качестве образца местному оружейному ремеслу.¹⁴⁵ Лучшие клинки викингов (в том числе с надписью Ulfberht и дамаскированные) привозились на север с континента.¹⁴⁶ Вместе с тем обилие самых разнообразных по форме и отделке экземпляров предполагает изготовление хотя бы части из них на севере Европы (так же как оправку привозных клинков в местные рукояти). Теперь только историографический интерес представляет спор скандинавских ученых о возможности местного изготовления мечей. Эту возможность отрицали А. Лоранж¹⁴⁷ и Я. Шрейнер. Я. Петерсен, исходя из достаточной зрелости северного железоделательного производства, справедливо доказывал местное производство части мечей, особенно более простых, что позднее признано Г. Гьессингом¹⁴⁸ и Х. Арбманом. Г. Сальмо считает, что однолезвийные норвежские клинки, не встречающиеся в других странах, сделаны, вероятно, на месте.¹⁴⁹

Среди археологов и оружейников зреет убеждение о производстве некоторых мечей и монтажке их рукоятей в различных странах

¹³⁸ E. Kivikoski, 1) Die Eisenzeit in Finnlands стр. 16; табл. 99, № 784. 2) Die Eisenzeit in Auralflussgebiet. SMYA, XLIII, Helsinki, 1939, стр. 206—209; С. А. Nordman. Schatzfunde und Handelsverbindungen in Finnlands Wikingerzeit. AA. v. XIII, København, 1942, стр. 287, рис. 5; S. Grieg. Cjer-mundbufunnet, табл. XXV.

¹³⁹ M. Ebert. Zu den Beziehungen der Ostseeprovinzen..., стр. 117 и сл., рис. 1.

¹⁴⁰ T. J. Arne. La Suède..., стр. 57, рис. 42; М. Грушевский. Иллюстрированная история Украины. СПб., б/г, рис. 48; 49, стр. 45—46. — В КИМе меч опознан нами по описанию в кн.: Естественно-исторический музей Полтавского губернского земства. Полтава, 1900, стр. 65—66.

¹⁴¹ Это название не вполне удачно и применимо только для характеристики рукояти.

¹⁴² Ср.: S. Lindqvist. Gotlands Bildsteine, I. Stockholm, 1941, Runnensteinstill, раздел. E, XI в.; ср.: рис. 147, A; 177 и 181.

¹⁴³ H. Christiansson. Sydskandinavisk stil. Uppsala, 1959 рис. 102.

¹⁴⁴ Это мнение высказано Х. Арбманом во время беседы со мной в Ленинграде в 1959 г.

¹⁴⁵ H. Arbman. Schweden..., стр. 215.

¹⁴⁶ H. Arbman, Schweden..., стр. 230; H. Shetelig and H. Falk. Skandinavian Archaeology, Oxford, 1937, стр. 382.

¹⁴⁷ A. Lorange. Den yngre jernalders..., стр. 70 и сл.

¹⁴⁸ G. Gjessing. Norske og fremmede sverd. Historisk Tidsskrift, Bd. 29, Heft. 4, Oslo, 1931, стр. 241 и сл.

¹⁴⁹ Из письма д-ра Г. Сальмо от 13 мая 1957 г., в котором он высказывается в пользу местного изготовления некоторых русских мечей.

Европы.¹⁵⁰ Но, по-видимому, лишь немногие средневековые центры производили клинки высокого качества. Отечественный материал подтверждает это наблюдение. Речь идет о выгнутых латинскими маюскулами надписях и различных знаках на лезвиях, которые всегда являются (направленными против подделок) производственными клеймами и указывают на определенные ремесленные мастерские.

Еще А. Л. Лоранж доказал, что подписи на клинках не являются именами мечей или их владельцев.¹⁵¹ Источники упоминают знаменитые мечи, наделенные собственными именами, передающими чаще всего особые качества этого оружия, например, Дюрендаль (Duren-dal) — твердый, Жуаез (Joyeuse) — радостный, Отклер (Hauteclaire) — блестящий, ясный и т. п. Целый список таких «именитых» клинков приводят саги — Скофтунг (Skofutung), Кфернбитр (Kvaernbitr), Надур (Nadur), Драгвандиль (Dragvandil), Скрап (Skrap), Легбитр (Leggbitr), Фотбитр (Fotbitr) и др. Почти нигде нельзя, справедливо пишет Лоранж, выяснить соответствие между надписью на лезвии и одушевленным именем меча.¹⁵² Что же касается увязки надписи на полосе с именем владельца, то главный довод против этого — многочисленность мечей с одним и тем же именем, разбросанных во всех концах Европы.

Итак, клейменная продукция позволяет судить о работе древних кузнецов-мечедельцев. Лучшим примером служат мечи с подписью Ulfberht. В Норвегии, Финляндии и России каждый пятый из расчищенных мечей обнаружил это имя. Всего этих изделий в Европе выявлено не менее 115 (2 экз. — Англия; 1 — Ирландия; 48 — Скандинавия; 25 — Финляндия; 10 — ФРГ и ГДР, Франция, Польша и Калининградская обл.; 8 — в Эстонии, в том числе 7 из них на о. Саарема, 5 — в Латвии, 2 — в Казанском Поволжье, 14 — в центральных, северных и южных районах европейской части СССР; рис. 9). Их количество в будущем еще возрастет.¹⁵³ Можно представить, что лез-

вия с такой маркой расходились в древности сотнями если не тысячами. Клинки эти изучаются за сотни и тысячи километров от места их производства, где неизвестно ни одной находки. Археологи и лингвисты на основании франкской формы имени Ulfberht и другим диалектологическим особенностям локализуют клинковые мастерские на среднем Рейне в области Мааса, примерно между Майнцем и Бонном.

Было бы невероятным приписывать всю продукцию с маркой Ulfberht делу рук одного человека. К тому же, сами надписи этого имени не стандартны, различны по «почерку» и несомненно выполнялись разными людьми и в разное время. Известные ныне клинки с маркой Ulfberht охватывают более 14 типов мечей по Я. Петерсену и относятся к концу IX — началу XI в.,¹⁵⁴ особенно много появилось их в Северной и Восточной Европе в середине и второй половине X в. Полагают, что слово Ulfberht лишь первоначально обозначало отдельного франкского мастера, прославившегося качеством своей работы, возможного родоначальника и организатора бурно растущего производства. Впоследствии это имя стало семейной маркой и, вероятно, закрепилось за крупной группой оружейников или мастерских.¹⁵⁵

Мастерские Ulfberht обслуживали своей высококачественной продукцией франкские области, но много мечей вывозилось на Британские острова и через северную Германию в Скандинавию. Часть этих клинков попадала в Прибалтику, к западным славянам, на Русь и дальше на Восток. Безусловно, Ulfberht-мечи пользовались большим спросом на восточных рынках, хотя их находки не выходят за пределы Европы. Одна из партий этого ценного товара в составе 5 клинков (3 с надписью Ulfberht — 20, 31 и 36) извлечена землесотсами Днепростроя.¹⁵⁶ Оформление этих несомненно одновременно сделанных мечей раз-

шили И. Леппяхо (письмо от 16 мая 1957 г.) и проф. Х. Арбман. Благодарим А. К. Антейна за указание 14 расчищенных им Ulfberht-мечей из Эстонии, Латвии и Швеции. На I международном конгрессе славянской археологии в Варшаве д-р З. Вински продемонстрировал еще один меч с надписью Ulfberht из Югославии.

¹⁵⁴Верхнюю дату, возможно, следует несколько повысить. Некоторые из эстонских мечей с надписью Ulfberht, расчищенные А. К. Антейном, употреблялись, судя по их рукояткам, в XI в. (если не позже).

¹⁵⁵В. И. Равдоникас. Надписи и знаки на мечах из Днепростроя..., стр. 606; E. Davidson. The Sword..., стр. 48.

¹⁵⁶Принадлежность этих мечей не воинам, а купеческому каравану подтверждается, на наш взгляд, местонахождением и локальным сосредоточением однопородных находок. Однажды связка из пяти привозных лезвий, кажется, с надписью Ulfberht, но без рукоятей была найдена в Швеции. Здесь их собирались снабдить рукоятками (H. Arbman. Schweden..., стр. 232).

¹⁵⁰J. Eisner. Kultura normanska a naše země. Cestami umění. Praha, 1949, стр. 37; R. Reiner, F. Plzák, O. Quadrat. Poznámky k výrobní technice staroslovanských čepelí. Pamatky archeologické, roč. XLVII, č. 2, Praha, 1956, стр. 314—334; H. Jankuhn. Haithabu, ein Handelsplatz der Wikingzeit. Neumünster, 1956, стр. 173; Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 228—229.

¹⁵¹A. Lorange. Den yngre jernalders..., стр. 66—68.

¹⁵²Там же, стр. 66.

¹⁵³Карта находок составлена нами на основании следующих источников: P. Paulsen. Schwertortbänder..., табл. XVII; H. Jankuhn. Sechs Karten zum Handel des 10. Jahrhunderts. Archaeologiaographica, Heft 1, Hamburg, 1950, стр. 13—14, карта № 5; J. Antoniewicz. Niektóre dowody kontaktów słowiańsko-pruskich. WA, t. XXII, zes. 3—4, Warszawa, 1955, стр. 259, рис. 16; E. Davidson. The Sword in Anglo-Saxon England, рис. 28. — О количестве финских и шведских мечей нам любезно сообщ-

лично; они явно рассчитаны на различные индивидуальные вкусы покупателя.

На клинках из русских находок обнаружен ряд других имен, по-видимому, каролингского происхождения. Таковы два меча (61 и 74) с надписью (в полном виде) Ing[e] Irii [me] fecit, убедительно обнажающей свой «производственный» смысл. К этой же группе отнесен меч из Монастыриша (35), где буквосочетание pred—возможное сокращение имени Ingelred (родст-

во всей Европе известно 19 экз.,¹⁶⁰ следовательно, русские находки увеличивают это число еще на два или три экземпляра.

Имя Leutlrit, обнаруженное на мече из д. Альметьево, пока известно дважды: на эстонском и английском (из реки Витхэм) экземплярах. Оно не скандинавское или старосаксонское, а скорее тяготеет к древневерхнегерманским формам.¹⁶¹ Точная аналогия этому имени (родственное Leutfrit) в источниках не

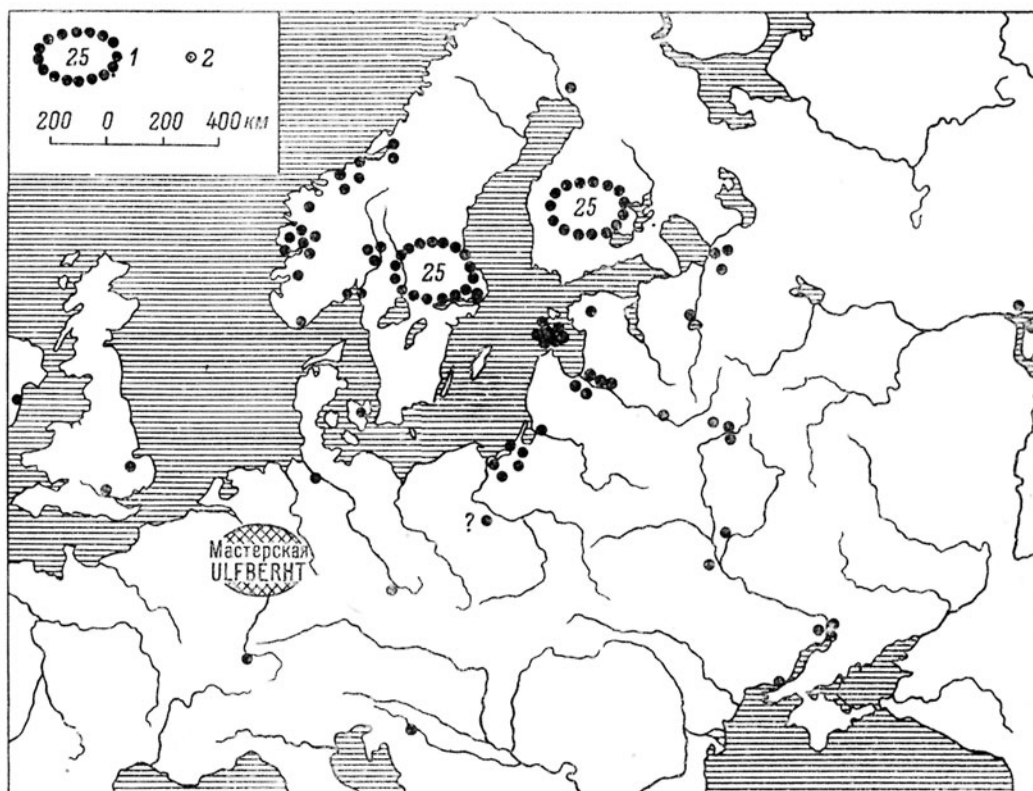

Рис. 9. Мечи с надписью Ulfberht в Европе. Карта находок.
1 — нелокализованные находки Швеции и Финляндии; 2 - место находки.

венные формы — Ingelrd, Ingldr, Ingelri, Ingelrilt).¹⁵⁷ Имя Ingelrii украшало изделия, выпускавшиеся где-то по соседству с мастерской Ulfberht. В Англии отыскан меч, надписанный сразу двумя этими знаменитыми именами (на одной стороне полосы — Ingelrii, на другой — Ulfberht).¹⁵⁸ Мастерская Ingelred появилась около середины X в. и примерно на 200 лет пережила своего старшего конкурента.¹⁵⁹ Всего мечей этой группы (X—XII вв.)

подыскана. На обороте меча изображен пока уникальный на белом оружии своего времени бегущий зверь — прообраз «волчков» и единорогов, появившихся на клеймах XIII в. Надписи Leutlrit выполнены не дамаскированной, а железной проволокой. Эта техника клеймения постепенно вытеснит дамасковую и на мечах второй половины XI—XII вв. станет преобладающей.

Новые имена на раннесредневековом оружии — большая редкость. Кроме названных выше, в единственном числе известны «клинок»

¹⁵⁷ Н. Jankuhn. Ein Ulfberht-Schwert..., стр. 226.

¹⁵⁸ J. Ypey. Een aantal vroeg-middeleeuwse zwaarden uit nederlandse musea. In: Berichten van de rijksdienst voor het oudheidkundig bodemonderzoek. Jaargang, 10—11, Marienhof, 1961, стр. 394 и рис. 30 (в дальнейшем Berichten ROB).

¹⁵⁹ Н. Arbmán. Zwei Ingelri-Schwerter aus Schweden, стр. 146—148, табл. IX.

¹⁶⁰ E. Davidson. The Sword..., рис. 29; J. Kalmar. Das Ingelri Schwert im Hist. Museum. Archaeologiai Értesítő, v. 88, Budapest, 1961, стр. 115, рис. 1 и 2; сведения И. Леппяхо.

¹⁶¹ Н. Maryon. A sword of the viking period, стр. 178.

вые» имена Atalbald (Норвегия) и Adalfriid (Нидерланды).¹⁶² К этому списку мы можем прибавить вновь открытые Serolt (Заозерье; 40) и Ulen (Гнездово; 71). Последнее может быть именем собственным, но встретить его удалось лишь среди старинных географических пунктов южной Германии (у Равенсбурга вблизи Дунай).¹⁶³

Подписные мечи имеют ряд сходных «стилевых» признаков (например, рукояти общевропейских форм, капитальные буквы). Надписи дополняют вступительные или разделительные кресты, имевшие, очевидно, магическое значение. Кроме того, на оборотной стороне каждого меча выведен знак из вертикальных столбиков и косых черт. Построение и смысл данных начертаний в какой-то мере сходны с гончарными и кирпичными клеймами, а также с некоторыми знаками ремесла, торговли и собственности, распространенными в западном средневековье.¹⁶⁴ Упомянутые меты использовались и государством, и отдельными семьями, и дворами. Что касается клинковых знаков, то здесь не все просто. У мечей Ulfberht (учтены не только русские находки) рассматриваемые начертания различаются; чаще всего представлена фигура из столбиков, ромбов и треугольников, затем ее удвоение, далее следуют композиции в виде песочных часов и опять же их удвоение, наконец, плетение разной сложности и протяженности из пересекающихся полос (на других пока редких вариантах не останавливаемся). Возможно, что перед нами видоизменение знака, связанное как с несколькими родственными группами ремесленников, так и с наследственной передачей дела от отца к сыну. Ремесленные (именно так их лучше истолковать) меты клинков лишней раз свидетельствуют о разветвленности и многочисленности производства, которое не могло опираться лишь на единоличное усилие. Если же обратиться к разноименным мечам pred, Serolt, Ulfberht, то оказывается, что они имели подчас одинаковые знаки. Следовательно, «перекрещенные полосы» в каждом отдельном случае может и обозначали индивидуального производителя, но не были фамильно закреплены и ставились (не в результате ли подражания?) в ряде мест и мастерских. Рассматриваемым начертаниям нельзя отказать также в декоративном и закладочном значении (символы кузнечной стихии, обереги).

Подписные мечи X — начала XI в. составили 45% всех расчищенных нами мечей (21 из

¹⁶² J. Уреу. Twee vroeg-middeleeuwse zwaarden mit incrustatie. Berichten ROV, Jaargang 9, Marienhof, 1960, стр. 296—300, рис. 20 и 21.

¹⁶³ E. Förstmann. Altdeutsches Namenbuch, Bd. II, Nordhausen, 1859, стр. 1432. — Наименование европейских мечей по месту изготовления многими оспаривается.

¹⁶⁴ C. G. Номеуер. Die Haus und Hofmarken. Berlin, 1870.

46).¹⁶⁵ Одновременно с мастерскими, подписывавшими свою продукцию, существовали центры, клеймившие лезвия только всякого рода знаками несложного геометрического рисунка. Мечи с такими знаками составляют 24% всех расчищенных нами полос (11 из 46). На их лезвиях (например, 15 и VII) встречаются буквообразные начертания и буквы, очевидно утратившие свой смысл (рис. 37, 1, 2 и 39, 2). С подписными эти мечи роднят знаки из перекрещенных полос. Гораздо чаще на мечах данной группы выступают немногочисленные, очевидно, символические знаки (4, 17, 25, 43, 55 и 78; ср.: 37 и XXI). Одинаковые композиции не встретилось, но их составляющие элементы одни и те же: круги, костьльные кресты, подковообразные фигуры, S-видные завитки. Каждая из этих фигур (на одной стороне лезвия) не встречается более двух раз, а их общее число не превышает трех. В ряде случаев элементы клейма расположены симметрично, но встречены и одиночные. Несомненно, что эти знаки имели как маркировочное, «фирменное», так и магическое значение.¹⁶⁶ Кресты и круги, например, являлись очень распространенными древними символами огня и солнца и, возможно, оберегали от злых духов.

Клинки с буквообразными геометрическими фигурами, кроме Руси, известны в Эстонии, Латвии, Скандинавии, Англии и Германии.¹⁶⁷ На Западе эти мотивы маркировки лезвий являются устойчивыми и еще встретятся на мечах романского периода.¹⁶⁸ Очевидно, что вещи с символическими знаками могут происходить из какой-то особой каролингской мастерской. Ниже будет предьявлено восточное известие, связывающее эти знаки с франкским государством.

Мечи с символическими знаками скорее, чем подписные, могли стать объектом подража-

¹⁶⁵ В это число включены два из трех клинков, расчищенных в Национальном музее Финляндии а также, мечи типа H из Шестовиц (19) и Люцена (Гос. Эрмитаж, Арсенал, 30 6495) и типа Z особый из Щуковщины (79), обнаружившие незначительные следы надписей и знаки из перекрещенных полос. Здесь же учтен и меч с русской надписью (87), о его клейме речь будет идти ниже. Отнесенный к XI в. (?) подписной клинок из низовьев реки Паши (II) будет рассмотрен в группе романских мечей.

¹⁶⁶ О костьльных крестах давно высказана догадка, что они являются полуязыческим, полухристианским символом, соединившим в себе крест и молоток Тора. Специально скандинавским этот знак, однако, признать нельзя. Он был распространен на европейском континенте и встречается, например, на монетах каролингского времени.

¹⁶⁷ A. Anteins. Damascētie..., рис. 2, 4 и 3, 4 и сл.; A. Lorange. Den yngre jernalders..., табл. III, 5, 6 и IV, 2a, 2c, 4; E. Davidson. The Sword..., рис. 24 и 27; H. Jankuhn. Ein Ulfberht-Schwert..., рис. 2, a, e.

¹⁶⁸ W. M. Schmidt. Frühmittelalterliche Schwertinschriften. ZWK, Bd. 8, Heft. 8, Leipzig, 1920, стр. 246, рис. 5; R. Forrer. Romanische Schwertinschriften auf Tragalter in Paderborn. Там же. стр. 255—256 и рис.

ния в ряде стран¹⁶⁹ (собственно таким подражанием уже являются мечи, где буквы превратились в орнаментальный повторяющийся знак). Не случайно среди них встречены экземпляры, относящиеся к таким популярным типам, как E, V, H. Отделка рукоятей этих мечей, однако, в большинстве общеевропейская и пока не рождает уверенных предположений о их местном изготовлении.

В рассматриваемой группе нами встречены клинки, пока уникальные по своим изображениям. Таковы экземпляры из Альметьева с завитковым орнаментом (тип E; рис. 8, 2, рис. 37, 5 и 40, 1), из Киева с косо расположенной плетенкой и знаком из перекрещенных полос, повторенным дважды (51; рис. 6, 2, рис. 36, 7), и из Гнездова (46; рис. 37, 7) со стилизованным изображением человека. Неожиданная параллель этого изображения оказалась на Востоке. Сравнивая цену лучших индийских клинков с узорчатым рисунком со стоимостью лучшего слона, Бируни добавляет, «если же рисунок будет изображать человека, то ценность и стоимость меча еще выше».¹⁷⁰ Приведенная ссылка иллюстрирует, конечно, не индийское происхождение гнездовского меча, а международную распространенность некоторых сюжетов клеймения холодного оружия.

Восемь клинков X в. из числа расчищенных не имели или не сохранили никаких клейм (9, 10, 13, 21, 39, 44, 67 и 85). В этой серии выделяется меч из д. Ручьи. Его рукоять несколько отличалась от общеевропейских форм и поэтому была обозначена типом U особый. Отсутствие знаков на этом мече только подтверждает правомерность такого выделения. Не имели знаков также мечи типа H из д. Новоселки (13), из Ленинградской области (9, 10) и Шестовиц (21). В этом случае речь идет о формах оружия, распространенность которых согласуется с возможностью их местного изготовления. Остается добавить, что неклеяемые мечи восточные авторы приписали русам.

Во время расчистки лезвий мы все время надеялись увидеть русскую надпись. И таковая неожиданно оказалась там, где ее труднее всего было подозревать, а именно на клинке со скандинавско-прибалтийской рукоятью из Фошеватой (87). Надпись открылась в верхней трети дола клинка, она двухсторонняя и наведена инкрустированной в металл дамаскированной проволокой. Техника ее исполнения не отличается от известных нам каролингских мечей X в. Надпись состоит из уставных славянских кирилловских букв¹⁷¹ (рис. 33;

¹⁶⁹Ср.: J. Petersen. De norske vikingesverd, рис. A на стр. 81.

¹⁷⁰Бируни. Минералогия. М., 1963, стр. 238.

¹⁷¹Сердечно благодарим заведующих отделами Киевского научно-исследовательского института судебной экспертизы Б. Е. Гордона и Н. М. Зюскина,

34). На одной стороне лезвия читается «КО-ВАЛЬ», на другой — сохранившееся частично имя кузнеца скорее всего из 6 букв (различимы второе «О» и заключительное «А»; первой буквой, судя по ее остроугольному завершению, могла быть «Л» или «Д»), на третьем и четвертом местах стояли, возможно, «Д» и «О»). Древнерусские мужские имена, включающие «Ю» и оканчивающиеся на «А», известны, и специальные, видимо, смогут прочесть это имя. Как вероятное, выдвигаем имя «ЛЮДОТА» или «ЛЮДОША», но обосновать не беремся. Общий смысл надписи не оставляет сомнений — это производственная марка, удостоверяющая творца изделия. По палеографическим признакам надпись может быть отнесена к XI в. и ближе всего стоит к памятникам кирилловского письма конца X — первой половины XI в.¹⁷² На рассматриваемом памятнике приблизительно совпали лингвистическая, типологическая и орнаментальная даты. Наиболее вероятно, что это 1000—1050 гг. Если последнее верно, то настоящая надпись является старейшей русской надписью на металле и передает древнейшее дошедшее до нас имя ремесленника и именно кузнеца.

В одной из своих недавних статей Т. Арне пишет: «Имеются ли вообще доказательства того, что отдельные мечи типов викингского времени изготавливались восточнославянскими кузнецами? Конечно, эти кузнецы уже с начала I тысячелетия могли делать простые железные предметы, однако, где выкованные ими мечи?»¹⁷³ Фошеватовский меч принес точный ответ на этот вопрос. Он определенно доказывает, что местное производство мечей силами грамотных мечедельцев организовалось у нас не позже первой половины XI в., может быть, около 1000 г. Единичность находки и фрагментарность имени мастера не колеблют этих утверждений. Имя мастера, проставленное на изделии, свидетельствует о существовании специализированной оружейной мастерской задолго до того, как об этом сообщают письменные источники.

Древнейший русский подписной меч (не исключены и новые находки этого рода) явился результатом скрещивания ряда европейских технических знаний и навыков: каролингских (техника исполнения надписи), скандинавских (орнаментальный узор) и русских (лезвие и отчасти форма рукояти). Русь после Каро-

а также лаборантов этого института Н. Золотарева, Ю. Барановского, Л. Украинского и Г. Гутман за бескорыстное, квалифицированное обследование и фотографирование отдельных букв и всей надписи меча. Дружескую признательность шлем организовавшему эти работы аспиранту ИА АН УССР Е. В. Черненко.

¹⁷²А. Н. Кирпичников. Древнейший русский подписной меч. СА, 1965, № 3, стр. 196—201.

¹⁷³T. J. Arne. Was bedeutet das Vorkommen von Nickel in frühgeschichtlichen eisernen Gegenständen. Światowit, t. XXIV, Warszawa, 1962, стр. 407.

лингской империи оказалась второй страной в Европе, где был произведен собственный подписной меч. В целом меч из Фошеватой обогатил наши представления о развитии русской материальной культуры XI в.

5

Подведем итоги по рассмотренному выше материалу (см. табл. 2).

отличаются от ранних. Мечи, следовательно, могут служить датирующим определителем не только в рамках столетия, но и уже. Запаздывание в развитии некоторых видов мечей из русских находок (типы D, E, H) на 50—100 лет относительно норвежских объясняется, как кажется, не длительным бытованием того или иного меча, позднее попавшего с севера или запада Европы на Русь, а источниковедческими и исследовательскими превратностями нового

Мечи IX—XI вв., найденные на территории древней Руси (хронология) ТАБЛИЦА 2

	Типы по Петерсену (общеевропейские)								
	B	D	H	S	T-1	T-2	E	V	U особый
Количество найденных экземпляров	3	2	18	10	5	4	10	14	1
Дата норвежских находок по Петерсену	Конец VII—VIII в.	IX в.	800—950 гг.	X — нач. XI в.	2-я половина X в.	X в.	IX в.	1-я половина X в.	1-я половина X в.
Дата русских находок	2-я половина IX в.	X в.	конец IX — начало XI в.	X — нач. XI в.	X — нач. XI в.	X в.	IX—X вв.	X в.	X в.

	Типы по Петерсену (общеевропейские)				Особые типы			Тип неизвестен	Всего
	W	X	Y	Z	Z особый	A местный	«Скандинавский»		
Количество найденных экземпляров	1	5	3	2	3	5	1	21	108
Дата норвежских находок по Петерсену	1-я половина X в.	X—XI вв.	X—XI вв.	Конец X—нач. XI в.	После 950—980 гг. (по Оуксхоту) X в.	—	—	—	—
Дата русских находок	X в.	X—XI вв.	X—нач. XI в.	Конец X—нач. XI в.	X в.	Конец X—XI вв.	1-я половина XI в.	X—XI вв.	IX—XI вв.

Только 6 мечей относятся ко второй половине IX в. и к рубежу IX и X вв. Это клинки типа B, а также наиболее ранние образцы типов H, E (Новоселки, Гнездово; 1—3, 13, 14, 45). Подавляющее же большинство мечей относится к X и отчасти к первой половине XI в.

Большая часть рассмотренных мечей имеет общеевропейское распространение. Господствуют мечи с треугольной, полуовальной, трехчастной головкой. Разные типы сосуществуют. При этом, однако, наблюдаемые Я. Петерсеном различия между мечами IX и X вв., между ранней и поздней фазой развития того или иного типа, сохраняют свою силу и для русского материала (для типов S, E).

Более поздние по времени экземпляры той или иной группы мечей, как правило, в деталях

времени (лучшая или худшая сохранность и разная частота встреч археологического материала территориально, вероятное несовершенство некоторых старых хронологических наблюдений, возросшее количество аналогий и т. п.). Думаю, что «хронологический разрыв» в клинковых находках севера и востока Европы в ходе дальнейших поисков сократится.

Общеевропейские признаки многих русских мечей оказались настолько сильными, что мы еще недавно на основании сравнения форм рукоятей и орнамента могли лишь гадательно говорить о центрах их производства, а порой не могли отличить франкскую модель от ее подражания. Не прояснял дела и геометрический орнамент, в различных вариантах господствовавший в отделке мечей X в., так как

он лишен «национальной окраски» и имеет международное распространение. Характерно, что на Руси и в Скандинавии этот орнамент не встречен на других вещах, кроме мечей и копий (последние могли быть также привозными). Ныне проблема о происхождении мечей прояснилась и мы с гораздо большей определенностью, чем раньше, судим о родине этих изделий. После расчистки лезвий можно уверенно считать, что большая часть наших мечей завезена из Западной Европы. Каролингское происхождение мечей типов В, Т-1, W, X, Y, большей части D, H, S, Т-2, E, V, Z, Z особого доказывается надписями Ulfberht, Ingelrii, Serolt, Ulen, Nred и другими, а также различными знаками орнаментально-геометрического рисунка.

Немало труда потратили северные археологи, чтобы различить каролингские и скандинавские мечи. В свете их наблюдений, ни один из найденных на Руси мечей по своему типу не является специально скандинавским. Да и сами скандинавские ученые считают их для севера Европы в основном привозными. Больше того, на Руси вообще неизвестны мечи, характерные для Норвегии (типы Q, Æ, англосаксонский L), нет однолезвийных норвежских клинков, составляющих на их родине 23. 5% всех находок.¹⁷⁴ За исключением одного (вроде бы не бесспорного) случая (Монастырище; 35), у нас нет мечей с рукоятями в северном Ellipgestil, поэтому нельзя усмотреть зависимость в развитии русских форм оружия от чисто скандинавских. Гнездовский меч (5) с отчетливо выраженным северным орнаментом, вероятно, сделан на Руси. Второй образец XI в., из Фоцеватой, с рукоятью в стиле рунических камней был снабжен русской полосой. После расчисток лезвий суждение о том, что на Руси преобладали клинки по происхождению не скандинавские, а франкские, теперь становится бесспорным.

При рассмотрении различных типов мечей обращалось внимание на отдельные, пусть иногда мелкие особенности и различия русских находок по сравнению с западными. Некоторые мечи выделяются по орнаменту (типы D, E), по форме рукояти (тип U особый) и оформлению ее стержня (типы V и Z особый), по внешнему облику (типы S, E, V), наконец, по отсутствию знаков и надписей (типы H, Т-2, E, U особый, А местный — всего 8 экз.). Характерно, что эти особенности замечаются чаще в зрелой фазе развития форм IX в., переходящих в X в. (тип E), или у изделий X в., встреченных в комплексах второй половины или конца X в. (типы H, V и др.). На основании этого можно предположить изготовление на Руси, по крайней мере со второй половины X в.,

¹⁷⁴ J. Petersen. De norske vikingesverd, стр. 6.

по каролингским моделям, если не клинков, то во всяком случае их рукоятей (или их деталей) для части типов D, S, E, V, Z особого, возможно H и Z, может быть, и для некоторых других типов. Количество таких поделок было, вероятно, относительно небольшим.

Складывается определенное представление, что самостоятельность русского клинкового производства нарастает к концу X в. Так, в середине X столетия появляются мечи, свидетельствующие об изменении франкских образцов (типы Z и Z особый). Возникновение и распространение в Европе клинков с изогнутыми навершием и перекрестьем произошло, по-видимому, не без участия Руси. Наконец, группа памятников типа Л местный, встреченная только на Руси, знаменует переход от скромных по объему работ, подражающих каролингским моделям, к выработке местных форм. В этот период русские клинки уже оказывают воздействие на формы мечей некоторых европейских соседей. А в эпоху могучего подъема Киевской Руси создаются подписной клинок из Фоцеватой и такой «национальный» шедевр, как меч из Карабчиева.

Таким образом, обращение к скандинавскому и западному материалу отнюдь не привело к полному обезличиванию русских мечей, а, наоборот, выделило их важные особенности, над изучением которых надо работать и в дальнейшем.¹⁷⁵

6

Древнее клинковое производство со времен П. П. Аносова постоянно интересует металловедов-специалистов.¹⁷⁶ В последнее время попытку найти доказательства местного изготовления мечей предпринял Б. А. Колчин; он исследовал технологию 10 мечей.¹⁷⁷ Исследователь произвел спектральный анализ вещей из различных курганов Гнездова и Михайловского и обнаружил естественную примесь никеля в трех мечах, копье, стреле, ноже, топоре, заклепке и гвозде. Из этого Б. А. Колчин сделал вывод, что данные предметы сделаны кузнецами

¹⁷⁵ Не случайно, например, что И. Леппяхо при знакомстве с экспонатами наших музеев бросился в глаза «вполне ясно выраженные различия» русских мечей по сравнению с формами, описанными Я. Петерсеном, что привело его к мысли об изготовлении рукояток мечей в русских центрах (Письмо И. Леппяхо от 16 мая 1957).

¹⁷⁶ Рождаются новые приемы изучения клинков. Французский антиквар и историк металла Франс-Ланор в деталях реконструировал техникуковки дамаскированных мечей (A. F r a n c e - L a n o r d . La fabrication des épées damassées mérovingiennes et carolingiennes. Musée Gaumais, 10-me année, N 1—3, Virton, 1949).

¹⁷⁷ Б. А. Колчин. Черная металлургия..., стр. 130—139. — Автор фактически исследовал 12 клинков, четыре из них, однако, принадлежат двум мечам: гнездовскому, № 13 и 15, и Михайловскому, № 4 и 6 (нумерация по Б. А. Колчину).

одного промышленного района древней Руси.¹⁷⁸ Однако время не подтвердило правильности этого вывода.

На одном из мечей с примесью никеля оказалась латинская надпись с именем *Ingelrii...* (Гнездово, № 13 по Б. А. Колчину и 61 по нашему каталогу), что само собой снимает утверждение о его местном производстве.¹⁷⁹

По наличию в изделии одного лишь никеля не всегда можно судить о сколько-нибудь точном определении района производства. Для этого необходимо учитывать всю гамму легирующих примесей, содержащихся в железе (титан, молибден, хром и др.).¹⁸⁰

Относительно примеси никеля следует заметить, что в большем или меньшем количестве в металлических изделиях она распространена на огромной территории от Норвегии до Средней Азии. В период раннего средневековья наличие никеля характерно для новгородских и шестовицких изделий, для скандинавского оружия, в том числе мечей¹⁸¹ (сам никель известен в шведских рудах). Он выявлен в оружии и других вещах в Самбии, Польше, Восточной Прибалтике. Для выводов о происхождении вещи важно также определить в ней «дозу» количественного содержания никеля. Этот по-

¹⁷⁸ Б. А. Колчин. Черная металлургия..., стр. 136—137.

¹⁷⁹ Мысль о том, что воспроизведением латинских надписей на клинках мог заниматься русский мастер, представляется нам неправдоподобной.

¹⁸⁰ В устном заявлении на заседании сектора славно-русской археологии в Москве в 1958 г. Б. А. Колчин отказался от способа определения района производства по наличию в железном изделии одного лишь никеля, поскольку существуют более точные методы, учитывающие сразу ряд примесей. Уже сегодня, когда фактов еще недостаточно, можно заметить иногда сходство, а иногда некоторую разницу в составе примесей в изделиях различных стран. Так, для Скандинавии (также Вольни) типичны кобальт, медь, никель и марганец. (D. Hauge. *Blesterbruk og myrjern. Universitets Oldsaksamling Skrifter*, Bd. III, Oslo, 1946, стр. 200—203). В среднерусских изделиях медь, как жется, отсутствует, а кобальт редок. Свита примесей предметов из Шестовицких курганов весьма сходна со скандинавской. (КСИА, вып. 87, М., 1962, стр. 30). В новгородских вещах есть молибден, встречен он также в Шестовицах (не во всех вещах), но в курганном оружии Самбии он отсутствует. (Раскопки Ф. Д. Гуревич. Анализ выполнен в лаборатории ЛОИА). В Польше выявлен ряд устойчивых, по-видимому, местных включений: цинк, олово, свинец, висмут, но кобальт там редок. (A. Nadolski, A. Abramowicz, T. Roklewski. *Smentarzysko z XI wieku...*, стр. 131—133). Во всех этих сопоставлениях приходится быть еще очень осторожным. Следующим этапом работы будет спектральное исследование руд для составления карты их географических ареалов. Как пишет сам Б. А. Колчин «эти анализы в установлении местного происхождения того или иного изделия (особенно оружия — мечей) при обязательном исследовании местных руд и металла сопровождающих изделий могут иметь важное значение» (Б. А. Колчин. Черная металлургия..., стр. 46).

¹⁸¹ D. Hauge. *Blesterbruk og myrjern. Universitets Oldsaksamling Skrifter*, Bd. III, стр. 179 и сл., табл. 9 и 10; T. J. Arne. *Was bedeutet das Yorkommen von Nickel...*, стр. 405—407.

казатель у упомянутых выше русских изделий весьма различен (следы — 0. 6%). Как, в частности, выяснил А. К. Антейн, вещи с различным количеством никеля могут, вероятно, происходить из разных прибалтийских областей.¹⁸²

В 1964 г. 14 лезвий наших мечей были подвергнуты спектральному количественному анализу,¹⁸³ оказалось, что все они содержат примесь никеля. У неклеяемых мечей (2, 13, 39 и 44) «доза» никеля обычно меньше (0. 021—0. 028 %), чем у клейменных (0. 056—0. 1 %; 4, 46, 55, 61, 62, 78, 85), что усиливает мнение о разном происхождении этих групп. Однако не всегда относительно большое количество никеля в предмете обозначает его чужеземное происхождение. К примеру, русский меч с надписью «КОВАЛЬ» (87) по содержанию никеля (0. 1 %) не отличается от каролингского клинка с надписью *Ingelrii* (61). В целом данные анализа не противоречат некоторым из ранее сделанных выводов. Так, одинаковая химическая характеристика мечей с рукоятью киевского производства (85) и с надписью «ЛЮДОТА» (?) «КОВАЛЬ» (87) подтверждает заключение о их «родственном» русском происхождении. Для обоснования вопроса о местном производстве мечей еще много предстоит сделать в количественном и качественном спектральном исследовании как руд, так и самих изделий (не только клинков, но и их рукоятей).

Остановимся теперь на производстве лезвий мечей. Это — особая, очень развитая область средневекового ремесла. Значительная часть мечей производилась в крупных, хорошо организованных клинковых мастерских с очень высокой степенью разделения труда и развитой специализацией. По отзыву одного среднеазиатского источника IX в. меч «проходит через много рук и несколько разрядов ремесленников». Каждую операцию по заготовке металла, вытягиванию полосы, полировке, закалке, заточке, насадке рукояти, изготовлению ножен производил специальный человек.¹⁸⁴ Техника

¹⁸² А. К. Антейн. Наконечники копий из дамасской стали древней Латвии. Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1959 года. Рига, 1960, стр. 39—40. — Согласно А. К. Антейну в прибалтийских копьях XI—XIV вв. или содержатся следы никеля (около 0. 01%), или нет ни одного из избранных им 7 легирующих элементов. В копьях, которые Антейн считает скорее всего привозными из Готландта, примесь никеля достигает 0. 1—0. 2%. Последующие исследования А. К. Антейна, однако, не подтвердили в полной мере его приведенных здесь заключений и повысили их предположительность.

¹⁸³ А. Н. Кирпичников. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX—XIII вв. Скандинавский сборник, т. XI, Таллин, 1966.

¹⁸⁴ А. М. Мандельштам. Характеристика тюрков IX в. в послании Фатху б. хакану ал Джахиза. Тр. Инст. ист., арх. и этногр., т. 1, Алма-Ата, 1956, стр. 241; ср.: R. Pleiner. *Staré evropské kovárství*. Praha, 1962, рис. 46.

изготовления полосы концентрирует лучшие достижения древней металлургии. При ковке клинка на мягкую вязкую основу наваривалось стальное лезвие. Этот способ был хорошо известен кузнецу-оружейнику X в., однако при изготовлении меча приемы работы обычно были более сложными. Это видно из технологической схемы 10 исследованных мечей по Б. А. Колчину.

1. Основа клинка — две дамаскированные (сложноузорчатые) пластины на железной сердцевине; лезвия стальные — 1 экз. (57 — Михайловское, тип V);¹⁸⁵

2. Основа железная, лезвия стальные — 3 экз. (61 и VIII — Гнездово; 44 — Михайловское, типы V и E);

3. Основа — две стальные пластины на железной сердцевине, лезвия стальные — 1 экз. (XIII — Вщиж);

4. Основа цельно стальная с наварными стальными лезвиями — 1 экз. (79 — Щуковщина, тип Z особый);

5. Основа клинка из трех стальных пластин, лезвия стальные — 2 экз. (62 — Гнездово, или V; 75 — Гнездово, тип Y);

6. Цементация цельножелезного клинка — 1 экз. (4 — Михайловское, тип D).

Таким образом, 9 полос¹⁸⁶ показывают нам 6 различных приемов выделки их середины, лезвия же у 8 наварные, стальные. Можно заметить, что приемыковки мечей были очень разнообразны и пока не получается устойчивых серий одинаковых изделий, чтобы свести их к одному производственному центру. Действительно, в технологических схемах 1, 2, 4—6 присутствуют мечи с разными надписями (в том числе Ulfberht), знаками, дамаскировкой или без этих приметных особенностей.

Различные способыковки мечей отражают этапы развития европейской клинковой индустрии. Техника изготовления полосы на схеме, под № 1 не является местной особенностью. Сложноузорчатая сварка (сварочный дамаск) в достаточно развитом виде известна в клинках Европы со II—III вв. н. э.¹⁸⁷ Расцвет техники сварочного Дамаска связан с франкским миром. Для эпохи Меровингов эта техника реконструирована Франсом-Ланором, исходящим из того, что рисунок узора клинка отражает внутреннюю структуру сварки.¹⁸⁸ Кузнец брал 3 полосы железа и 4 стали, сваривал их попеременно вместе. Затем сварок перекручивали или складывали гармошкой, разрезали продольно.

¹⁸⁵Номера даются по нашему каталогу.

¹⁸⁶Б. А. Колчин. Черная металлургия..., рис. 106, стр. 134. — Десятый меч из Гнездова (№ 15 по Б. А. Колчину) в связи с сильной разрушенностью исследовать не удалось.

¹⁸⁷E. Salin. La civilisation mérovingienne, t. II, Paris, 1957, стр. 87.

¹⁸⁸A. France-Lanord. Les épées damassées du V au X siècle. Bulletin archéologique, Paris, 1950, стр. 193—202.

Наконец, из нескольких приготовленных таким образом пластин (от 2 до 8) сваривали основу клинка. К основе наращивали стальные лезвия. В зависимости от различного сочетания пластин получался различный рисунок. Заметим, что средняя часть лезвия, имевшая как декоративное, так и техническое значение, имела толщину от 2.5—3 до 4—6 мм и при данной ничтожной толщине обладала большим сопротивлением. В технике сварочного Дамаска изготовлены три наших меча типа В (1—3 по нашему каталогу).

Техника, дамаскинажа дорогая и трудоемкая к IX—X вв. упрощается. Сложноузорчатые полосы не составляли теперь основы клинка, а представляли две тонкие боковые пластинки, наложенные на железный сердечник. Мечи ложного Дамаска представляли определенную попытку фальсификации качественного изделия. При этом использовалась доверчивость покупателя, считавшего, по словам ал-Кинди, что, глядя на дамасскую сталь, «видишь ее и снаружи и внутри». В это время сварочный дамаск служил декоративным целям и весь эффект заключался в зрительном воздействии его затейливого узора, образованного в результате травления железных и стальных частей. Мечи накладного Дамаска встречены у нас четырежды (в нашем каталоге: 7 — Пиркинское, тип H; 20 — Шестовицы, тип H; 57 — Михайловское, тип V и 70 — Михайловское, тип X).¹⁸⁹ Возможно, их будет больше. Сложноузорчатая сварка, кроме клинков, один раз обнаружена в ноже XI—XII вв. из Новгорода. О ее широком применении пока говорить не приходится. Ложный или накладной дамаск по инициативе В. Арндта (открывшего его впервые) исследовался в Германии,¹⁹⁰ известен также в Эстонии, Латвии¹⁹¹ и Норвегии.¹⁹²

В IX в. появляются лезвия без Дамаска. Гнездовские мечи с железной основой (технологическая схема, № 2) аналогичны, например, клинку с надписью Ulfberht из Германии¹⁹³ и некоторым польским мечам. Кстати сказать, мастерская Ulfberht, возникшая, по-видимому, еще в конце IX в., отказалась от Дамаска, его применяли только для надписей на лезвиях. Неиспользование узорчатой сварки в отделке лезвий¹⁹⁴ было вызвано не потерей производ-

¹⁸⁹На клинках 7 и 20 только предполагается накладной дамаск.

¹⁹⁰F. Rohde. Schmiede Technik der wurbunten Klingen des 8—9 Jhts. ZWK, Bd. 4 (13), Heft 2, Berlin, 1932, стр. 38—40.

¹⁹¹A. Anteins. Damascétie..., стр. 91.

¹⁹²A. Lorange. Den yngre jernalders..., табл. 17; A. Liestol. Blodrefill og mol. Wiking, Bd. XV, Oslo, 1951, стр. 71 и сл., табл. 4. — Последний, реконструируя технику дамаскинажа, пришел к тем же результатам, что и Франс-Ланор.

¹⁹³В. Арндт. О технике древнего клинкового производства. Архив истории науки и техники, вып. 8, М. — Л., 1963, стр. 181.

¹⁹⁴В Прибалтике, Польше и на Руси применение сварочного дамаска в некоторых изделиях (мечи,

ственного секрета, а переходом к работе с прочными сталистыми соединениями, удешевившими выпуск мечей (технологическая схема, № 3—5). Большинство русских находок не имеют дамаскированного узора, что подтверждает их изготовление в X в. Все эти данные показывают, что не только форма мечей, но и техника их изготовления были сходными на огромных территориях, и было бы преждевременно ту или иную производственную особенность закреплять за одной, например, западной мастерской. «Каких-либо технологических трудностей и секретов в производстве клинков мечей, неизвестных русскому кузнецу-оружейнику не было».¹⁹⁵ Отдельные экземпляры с цельножелезными цементированными¹⁹⁶ полосами (технологическая схема, № 6) или простейшей сваркой железной основы и стальных краев могли, вероятно, выделяться на месте еще до того как развернулись поиски «национальных» форм этого оружия.

7

Изучение изготовления клинков находится в тесной связи с арабскими сообщениями о мечах русов. Первым о них говорит багдадский философ ал-Кинди в трактате «О различных видах мечей и железе хороших клинков и о местностях, по которым они называются», посвященном халифу Мутасиму (833—841 гг.).¹⁹⁷ Познания Кинди огромны, он пишет больше, чем о 25 видах мечей Азии и Европы, дает разъяснения о технике их изготовления, о сортах железа и стали, о качестве клинков и их закалке.¹⁹⁸ В Европе Кинди различает две группы мечей: мечи Рума и франко-слиманские. Старший современник Кинди Ибн Руста (писал в 903—913 гг.) называет народ, владевший слиманскими¹⁹⁹ (или менее точно сулейманскими) мечами — русами.

копья, ножи) удерживается вплоть до XII в. В Западной Европе сложноручная сварка после IX—X вв. уже не встречается.

¹⁹⁵ Б. А. Колчин. Черная металлургия..., стр. 136.

¹⁹⁶ Цементация открыта также и в клинках Польши и Чехии X—XI вв. (Muzealnictwo wojskowe, t. 1, Warszawa, 1959, стр. 164).

¹⁹⁷ H. Ritter. Schriften Jaqub ibn Ishaq al — Kindis in Stambuler Bibliotheken, Archiv Orientalni, v. IV, Praha, 1932, стр. 363 и сл.; A. R. Zaki. Islamic Swords in middle ages. Bulletin de l'institut d'Egypte, t. XXXVI, fasc. 2, Le Caire, 1955, стр. 365—379.

¹⁹⁸ A. Zaki Validi. Die Schwerter der Germanen nach arabischen Berichten des 9—11 Jahrhunderts. ZDMG, Bd. 90, Heft 1, NF, Bd. 15, Leipzig, 1936, стр. 19—37. Понадобится еще большая работа по изданию и комментированию этого выдающегося произведения.

¹⁹⁹ Это наименование мечей выводили из названия провинции Сельман в Хоросане (De Hammer - Purgstall. Sur les lames des Orientaux. Journal Asiatique, V serie, t. III, Paris, 1854, стр. 70 и сл.), а также иногда считали переводом «мечей сомоновых». Д. А. Хвольсон полагал, что мечи эти не привозные

Кинди пишет, что мечи Рума (Византии) сделаны из мягкого железа, стройны и просты, не имеют долов. Франкские и слиманские клинки выкованы из материала, составленного из мягкого железа (narmāhen) и стали (šāburaqān). Франкские мечи широки у рукояти и узки у острия, имеют широкий дол, который выглядит как чистый речной поток. Их Дамаск (ğāūhar) по рисунку похож на редкий узор табаристанской ткани. В верхней части этих мечей находятся полумесяцы или кресты, иногда «отверстия», выложенные латуной или золотом. Слиманские мечи похожи на франкские. Их декорация (речь идет, очевидно, о рисунке узора на клинке) более мелкая (тонкая) блестящая и редкого искусства. Они равномерной ширины, острия их не округлы, и редко когда полоса суживается по направлению к острию. Слиманские мечи не имели изображений и крестов. Их рукояти (sīlān) похожи на йеменские и франкские, последние, однако, более богатые. В сущности франкские и слиманские мечи одинаковы.²⁰⁰

Итак, Кинди сообщает, что франкские и слиманские (т. е. в более широком смысле европейские) мечи приготавливались из местного Дамаска. Мечи без дола, обозначенные им как румские, т. е. византийские, в русских находках вообще неизвестны. Клинки же русов, по описанию Кинди, археологически сейчас опознать тяжело. Мечи VIII—X вв. как с параллельными краями, так и сужающиеся к оконечности встречаются во многих местах Европы. Интересно указание на отсутствие знаков на слиманских клинках. Эта особенность выявилась на некоторых клинках более позднего периода из русских находок (сравни, расчи-

с Востока, а только, очевидно, похожи на «сельманские»). (Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн Даства неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея., СПб., 1869, стр. 196). В одной неопубликованной персидской рукописи, написанной Факр ибн Мудабиром в мусульманском Дели приблизительно в 1210—1236 гг., при перечислении 12 видов мечей («величие меча больше, чем другого оружия») мечи русов названы отдельно от слиманских или сулейманских мечей. Судя по тому, что в одном военном трактате XII в., написанном египетским армянином ал-Тарсуи для султана Саладина, описывается приготовление слиманской стали, ничем особенным не отличающейся от тигельной восточной, можно думать, что название слиманские мечи, первоначально принадлежавшее русам, позднее закрепилось за какими-либо восточными клинками. В этом вопросе еще многое непонятно.

Очень благодарны Д. Р. Уотсон — хранителю арабских и персидских книг и манускриптов лондонской библиотеки India Office за присылку фотокопии интересующего места рукописи Ибн Мудабира (шифр 2767, ф. 647, лл. 77а, 77в, 78а; Сведения об этом источнике см.: С. Cahen. Un Traité d'Armurerie composé pour Saladin. Bulletin d'études orientales, t. XII, Beyrouth, 1948, стр. 161). Переводом персидского текста мы обязаны Г. Баженовой.

²⁰⁰ A. Zaki Validi. Die Schwerter der Germanen..., стр. 24—25.

ценные нами экземпляры типа Н и У особого). Поразительно, что Кинди перечисляет в своем описании почти все те знаки, которые можно опознать на дошедших до нас мечах, а именно подковообразные фигуры, кресты и круги. Таким образом, мечи с символическими знаками на основании сведений наблюдательного багдадца можно опознать как франкские. Огмеченную Кинди латунную или золотую выкладку клейм можно объяснить следствием травления составами, включающими купорос и оставляющими желтый след.²⁰¹

Двумя веками позже конструкцию мечей русов (во многом дополняющую сведения ал-Кинди) описал Бируни.²⁰² Описание техники изготовления клинка у Бируни замечательно ясно и просто, но не во всем точно. Русы, по видимому, не были изобретателями техники дамаскинажа, последняя, как сказано выше, была достаточно известна в Европе примерно за семь веков до Бируни и уже отмечена Кинди для IX в. Бируни сообщает, что русы сами выделывали свои мечи, однако все что касается их выделки одинаково относится и к другим европейским странам. При характеристике мечей Бируни мог использовать какие-то недошедшие до нас сведения (для восточной научной и историко-географической литературы типичным было заимствование и повторение чужих сообщений). Строго говоря, для X в. сведения Бируни о мечах в известной мере архаичны, так как в европейской металлургии того времени применение сложнозорчатой сварки было в основном уже пройденным этапом. В общем мусульманские известия о производстве «русских» мечей нуждаются в очень осторожном подходе к ним, ибо ни одно из них не имеет еще веского вещественного подтверждения.

О мечах русов имеется, однако, достаточное количество известий. Пожалуй, ни один вид оружия не отмечен в различных источниках

²⁰¹ Ср.: Бируни. Минералогия, стр. 236—237. — Во время травления выделяется осадок меди. При проявке надписей и знаков я неоднократно наблюдал это явление.

²⁰² А. М. Беленицкий. Глава о железе минералогического трактата Бируни, КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 142; Бируни. Минералогия, стр. 230—241. — На Востоке в средние века существовала еще плохо известная нам сложная наука об изготовлении мечей. В этом отношении очень интересен упомянутый выше древнейший дошедший до нас восточный трактат XII в. по военному делу. В главе о мечах его автор, ал-Тарсуси, приводит много рецептов, улучшающих плавку стали, науглероживающих и очищающих ее. Описывается приготовление различных сортов восточной стали и жидкостей для закалки клинка. О стали автор трактата пишет следующие строки: «Fuladh — это самое смертоносное, самое мощное, самое благородное и самое высокое из всех изделий. Составы ее бывают чрезвычайно разнообразны и обработка меняется в зависимости от перемены состава, а свойства состояются в достоинствах в зависимости от свойств тех смесей, которые применяются при обработке» (С. Cahen. Un Traité..., стр. 106 и сл.).

с таким постоянством, как мечи. В сообщениях мусульманских писателей они страшны как грозное оружие и привлекательны как ценный товар.

Русы постоянно носят мечи,²⁰³ видят в них средство к существованию,²⁰⁴ единоборствуют ими на суде,²⁰⁵ везут их на восточные рынки. Согласно Ибн Фадлану (921—922 гг.) «Мечи их (т. е. русов, — А. К.) плоские, бороздчатые (т. е. с долами), франкские». Исследованный нами материал почти дословно подтверждает это. Впрочем, цитированное известие допускает и более широкую трактовку. Новейший переводчик отмечает, что буквальный перевод «франкские» — «как у франков», т. е. что эти мечи не были обязательно франкскими, а лишь франкского образца.²⁰⁶ В 943—944 гг. мусульмане грабили могилы русов, погибших у Бердаа. Ибн Мискавейх сообщает, что они «извлекли оттуда мечи, которые имеют большой спрос и в наши дни по причине остроты и превосходства». ²⁰⁷ Из русских центров вывозились ценные клинки и мечи, которые «можно сгибать пополам и когда отнять, они возвращаются в прежнее положение». ²⁰⁸ Сведения о «русских» мечах были чрезвычайно устойчивы и отложившись в средневековой восточной литературе вплоть до XV в. ²⁰⁹ О «русских» мечах также имеются сведения у византийских и армянских авторов IX—X вв. ²¹⁰ После боя под стенами Доростола (971 г.) греки собрали у погибших русских «множество мечей». ²¹¹

Вопрос о мечах русов упирается в более общий и нерешенный вопрос о самих русах, их этносе, местоположении и т. д. Обсуждение этой темы не входит, разумеется, в задачу данной работы. С точки зрения военной истории можно, однако, высказать несколько замеча-

²⁰³ Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 31—39.

²⁰⁴ Б. Н. Заходер. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв. Изв. всесоюз. географ. общ., т. XXV, вып. 6, 1943, стр. 36; В. В. Бартольд. Новое мусульманское известие о русских. Записки ВОРАО, т. 9, СПб., 1896, стр. 262—267.

²⁰⁵ А. Я. Гаркави. Сказание мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 269.

²⁰⁶ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1957, стр. 15, 85.

²⁰⁷ А. Ю. Якубовский. Ибн Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 г. — 943/944 г. Византийский временник, т. XXIV, Л., 1926, стр. 69 (Ибн Мискавейх умер в 1030 г.).

²⁰⁸ А. Г. Туманский. Новооткрытый персидский географ X в. и известия его о русах и славянах. Записки ВОРАО, т. X, СПб., 1897, стр. 13; Б. Н. Заходер. Среднеазиатско-хоросанская география IX—X вв. о Поволжье и восточной Европе. Уч. зап. ИВ, т. XIV, М., 1956, стр. 5—30.

²⁰⁹ Б. Дорн. Каспий. Прил. к XXVI тому Записок АН, № 1, СПб., 1875, стр. 37—38.

²¹⁰ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 68; А. Ю. Якубовский. Ибн Мискавейх..., стр. 75.

²¹¹ История Льва Диакона Калойского, СПб., 1820, стр. 96.

ний. «Русь» в IX—X вв. в соответствии с летописным термином «Русь» — имя собирательное.²¹² Таким оно выступает в ранних византийских и арабских источниках.²¹³ «Русью могли называться нормано-славянские военные и купеческие дружины лишь постольку, поскольку они формировались в Русском государстве и выходили из него».²¹⁴ Известно, что войско времен Олега и Игоря включало при больших походах до 8—13 племен и групп, в том числе нерусских — чудь и варягов.²¹⁵ Историки пришли к мысли, что уже в IX в. термины «русы», «русь» временно обозначал общественную силу, наиболее активную при организации русского государства, в дальнейшем он расширился и стал наименованием всего восточного славянства.²¹⁶ В мусульманских сообщениях немало легендарных и противоречивых сведений, но русы в них всегда жители Восточной Европы, откуда они совершают военные и торговые походы на восток. Военный характер русов неизменно подчеркивается — они чаще воины, чем купцы, прекрасно вооружены, в том числе таким дорогостоящим оружием, как меч. Очевидно, что эта мощная военная сила ни что иное, как войско и дружина рождающегося древнерусского государства. Дружинники в IX—X вв. были уже постоянно действующей военной организацией. В поисках добычи или для торговых операций пускались они в далекие отважные походы, где их узнал мусульманский мир. По курганным захоронениям мечи (как было сказано) характеризуют профессиональных воинов, составлявших в IX—X вв. основу правящего класса. Эта же сплоченная в военном и социальном отношении группа, судя по ее вооружению и особенно мечам, имела в виду и в арабских источниках.

В преданиях и легендах, относящихся к древнейшему периоду русской истории, меч выступает как своего рода «национальное» оружие и символ. На этом оружии клялась «русь» в X в. при подписании договоров с греками. Словом, наличие мечей у русских, по крайней мере с IX в., несомненно. Более того, «народ, у которого меч имел такое практическое значение, вероятно, умел его делать».²¹⁷ Спрашивается, если археологически известные мечи относятся к концу IX и главным

образом к X в., где мечи русов IX в. ? Дамаскированные без всяких примет мечи в основном до 900 г. обнаружены во многих странах. Имеющихся данных для обязательного отождествления этих вещей (найденных и у нас) с мечами русов недостаточно. Мы также можем судить насколько распространенным и устойчивым было отмеченное ал-Кинди отсутствие клейм на белом оружии Восточной Европы.

Многое тут зависело также от состояния таких наших источников, как погребения с оружием. Для IX в. они почти неизвестны.²¹⁸ Очевидно, обычай включения военных вещей в состав могильных приношений распространялся позже. На первом этапе выделения военных дружин еще сохранился родовой обычай передачи меча от отца к сыну,²¹⁹ поэтому клинки (равно и другое оружие) не попадали в могилы. Таким образом, обстоятельства не способствовали сохранности мечей IX в., быть может, потому мы и не знаем загадочных слиманских мечей, так интересно описанных ал-Кинди. В X в. положение упрощается, на Руси преобладают привозные франкские мечи и источники уже не различают европейские клинки по географическим или производственным признакам.

8

Крупные мастерские, налаженный выпуск оружия, огромная ценность изделий,²²⁰ щедро растущий спрос обусловили почти не знающую границ торговлю мечами еще в IX в. Купцы-русы («одно из подразделений славян»), по сообщению Ибн Хордадбега (80-е годы IX в.), привозили мечи к Черному морю, а иногда и дальше в Багдад. Находка мечей с надписью Ulfberht на нижнем Днепре подтверждает этот маршрут для X в.

Многочисленные запреты (779, 803, 805, 811, 864 гг.) на торговлю оружием во франкском государстве, видимо, действовали слабо. Так, например, капитулярий 805 г. запрещал торговцам, которые направляются к славянам и аварам, нагружаться оружием и броней

²¹² Повесть временных лет сообщает об Олеге под 888 г.: «Беша у него варязи и словени и прочии прозвашася Русью».

²¹³ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана..., стр. 235; А. В. Соловьев. Византийское имя России. Византийский временник, т. XII, М., 1957, стр. 137.

²¹⁴ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 383.

²¹⁵ Ср. походы 907—944 гг.

²¹⁶ Н. L o w m i a n s k i. Zagadnienie roli nor-manów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, стр. 160—161.

²¹⁷ Д. А. Хвольсон. Известия..., стр. 186.

²¹⁸ В этом отношении очень интересен курганный могильник у д. Новоселки на Смоленщине, исследуемый Е. А. Шмидтом. Возможно, это древнейший известный нам «военный» некрополь на территории Руси IX в.

²¹⁹ Именно для IX в. об этом обычае русов сообщает Ибн Руста и его компилятор Марвази (А. Я. Гаркави. Сказание..., стр. 267—268).

²²⁰ У франков стоимость меча с ножнами приравнивалась 7 коровам (Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. III, М., 1938, стр. 4). На востоке франкский меч стоил иногда 1000 египетских динар, что в 300 раз превышало стоимость некоторых восточных клинков (ср.: А. Zaki Validi. Die Schwerter der Germanen..., стр. 29).

для продажи.²²¹ Контроль осуществлялся сетью досмотровых станций (Магдебург, Эрфурт, Регенсбург и др.). Подавляющее большинство среднеевропейских мечей IX—X вв. найдены восточнее упомянутых таможенных пунктов.²²² Это обстоятельство иллюстрирует бессилие тогдашних законов перед налаженной контрабандой оружия, большими массами идущего на Восток. Распространителями этого оружия часто выступали скандинавы, которые держали в своих руках основную часть торговли Руси с западным миром. Заполучив каролингские мечи, викинги могли торговать ими среди других стран и на Руси. Так, очевидно, при посредстве скандинавов получали часть своих мечей жители Приладожья. Находки мечей указывают не только на места пребывания дружинников, но и места торговли. Мечи, найденные в Волжской Болгарии, и согласно Мукадеси (985—986 гг.), экспортировавшиеся оттуда в Хорезм, могли происходить с Руси, посредничавшей в торговле между Западом и Востоком.²²³ Мечи из самой Руси могли попадать также в Польшу и Венгрию, что признают исследователи этих стран.²²⁴ Исламские мечи в Европу не ввозились, так как они были по качеству хуже европейских. По сообщению ал-Гарнати (30—50-е гг. XII в.), восточные клинки, попадавшие к северной югре, были из железа, «которое только что вышло из огня и затем пролежало некоторое время в воде» (здесь имеется в виду только закалка железных лезвий).²²⁵ Конечно, в азиатских странах, особенно в Индии, делались и отличные по качеству мечи из литой булатной стали, но в Европе неизвестно ни одной такой находки. Как объяснил Бируни, эти клинки не выдерживали холода северных зим и от этого становились хрупкими.

Таковы сведения о восточноевропейских и русских мечах X—XI вв., они беспрестанно вводят нас в мир больших общеевропейских культурных проблем. Археологический материал показывает, что в Киевском государстве восприняли, использовали и подражали творениям передовой каролингской клинковой техники. В этом отношении Русь находилась на уровне наиболее развитых европейских стран своего времени. Около 1000 г. фиксируется собственное производство мечей. Решающим доказательством послужил клинок с клеймом русского мастера.

²²¹ E. Salin. La civilisation..., стр. 255.

²²² H. Preidel. Slawische Altertumskunde des ostlichen Mitteleuropas im 9 und 10 Jahrhundert. München, 1961, стр. 36—37 и сл., рис. 2; 3 и 4.

²²³ Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 473.

²²⁴ W. Sarnowska. Miecze..., стр. 315 (имеются в виду мечи типов T и Z); N. Fettich. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn, Archaeologia Hungarica, I. XXI, Budapest, 1937, стр. 195.

²²⁵ А. Л. Монгайт. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. История СССР, 1959, № 1, стр. 172.

Мечи второй половины XI—XIII в.

Новый этап в развитии форм меча связан с периодом феодальной раздробленности. Русские мечи этого времени не были еще объектом изучения, если не считать немногих слов, которые им уделил А. В. Арциховский.²²⁶ Главное внимание всегда отводилось клинкам IX—X вв., по сравнению с которыми материал XII в. выглядит более скромно и бедно.

Невнимание к клинкам «послевикингского» времени долгое время было общим в европейском оружии ведении и лишь недавно появились заслуживающие серьезного внимания исследования о западноевропейских средневековых мечах. Речь идет о монографиях датского историка оружия Ады Брун-Гоффмейер и английского коллекционера-любителя Р. Э. Оуксхота.²²⁷ В первой из этих книг классифицированы свыше 500 мечей: романские 1100—1350 гг. и готические 1350—1500 гг. Привлекая разнообразный исторический и иконографический материал, А. Брун-Гоффмейер смогла определить время того или иного меча с точностью до четверти века, а иногда и еще уже. Ее работу завершают тщательно выполненные альбом и каталог использованных вещей. Оуксхот разработал свою систему типологического и хронологического определения мечей. Он классифицировал как сами мечи целиком, так и отдельно их части — навершия и перекрестья. В результате получилась весьма детальная и гибкая справочная шкала форм мечей 1100—1500 гг. Обе отмеченные работы показывают, что клинки многих стран на протяжении столетий сохраняли общность развития и сходные общеевропейские формы. В оружейведческой литературе мечи XI—XIII вв. получили название романских²²⁸ (у нас почему-то укоренилось название «капетингские»).

Удалось зарегистрировать 75 мечей второй половины XI—XIII вв. (рис. 10; 11), из них типологическому определению поддается только 45 (см. каталог находок). Проследим распространение находок и условия, при которых они обнаружены. Закономерность выявления мечей XII—XIII вв. иная, чем в более ранний период. Некоторая часть клинков найдена случайно, очевидно, они были обронены на «дорогах войны», полях сражений, речных переправах. Дата их трудно определима. Почти половина всех мечей (включая клинки неизвестного типа) обнаружены в южнорусских городах, катастро-

²²⁶ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв., стр. 10 и сл.

²²⁷ A. Bruhn-Hoffmeyer. Middelalderens tveæggede svaerd. København, 1954, т. I и II; H. E. Oakeshott. The archaeology of weapons, стр. 131 и сл.

²²⁸ R. Forrer. Schwerter und Schwertknäuf. Leipzig, 1905, стр. 17; R. Gessler. Die Trutzwaffen der Karolingerzeit. Bessel, 1908, стр. 114 и сл.

фически погибших при татаро-монгольском нашествии [Киев — не менее 8 экз., Княжа Гора — не менее 5, Райки — 10, Городище (древний Изяславль) — 6—8] и, следовательно, может быть датирована археологическим комплексом XII — серединой XIII в. В курганных древностях XI—XIII вв. мечи попадают в виде исключения.²²⁹ Достаточно сказать, что среди 5877 захоронений, раскопанных в Ленинградской области Л. К. Ивановским,

Распространение христианства привело к постепенному исчезновению оружия из погребального инвентаря, поэтому мечи XI—XII вв. известны хуже, чем мечи X в. Однако, как заметил М. К. Каргер, пережиток курганного обряда — включение меча в состав погребения — долго держался в быту феодальной знати XI—XII вв.²³¹ Мечи, сабли и ножны встречены в христианских погребениях в храмах Киева, Чернигова, Пскова и Новгорода.²³² Сталки-

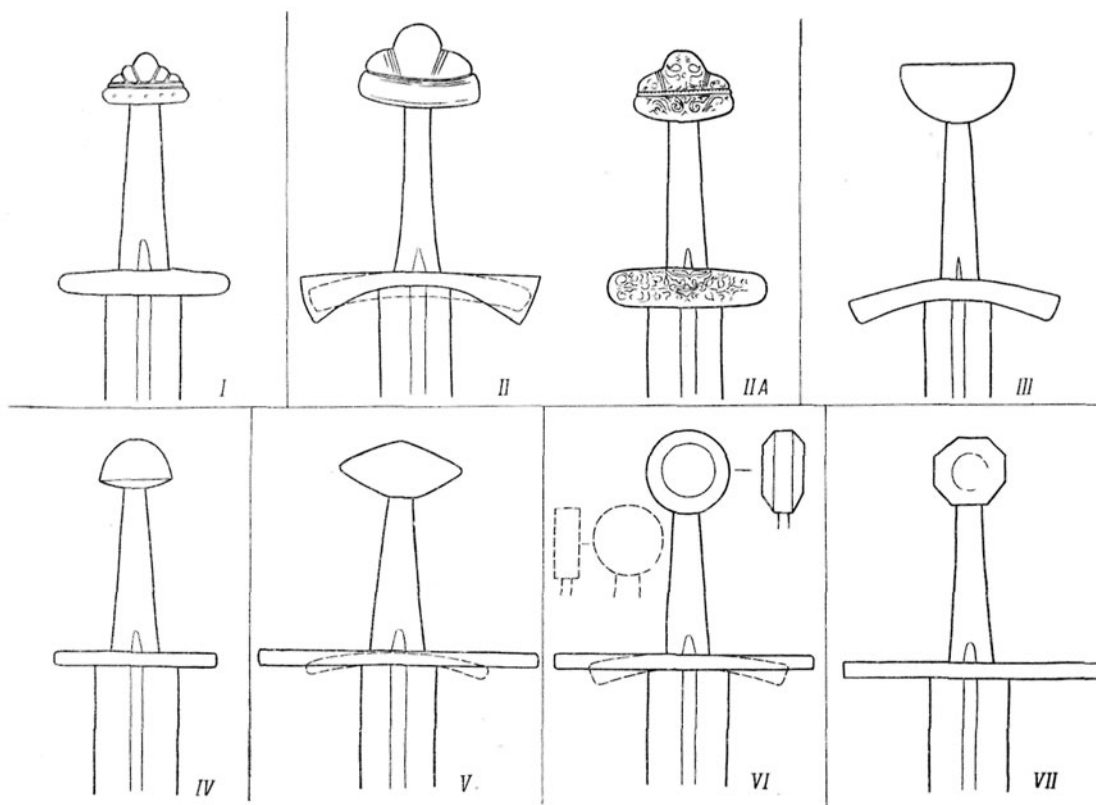

Рис. 10. Мечи второй половины XI—XIII в. Типологическая схема.

клинки встречены лишь в 13 курганах, принадлежащих, видимо, младшим дружинникам.²³⁰ В 12 случаях меч составлял единственное оружие, в одном — сопровождался боевым (?) топором. В курганах простых воинов обычно находят топор или копьё. Редкое нахождение мечей в курганах XI—XIII вв. объясняется, по-видимому, тем, что для простых горожан и крестьян меч был слишком дорог и поэтому малодоступен; более важным средством боя для них являлись копьё и топор.

²²⁹ В каталоге находок, 1, 9, 15, 20, 21, 28, 29, I—VII.

²³⁰ Из 13 мечей 3, по-видимому, относятся к первой половине XI в. (типы H и Z по Я. Петерсену), 4 — к XII—XIII вв. (типы III, V и VI по нашему каталогу), 2 — к XI—XIII вв. (типологически неопределимы), 4 клинка вообще не сохранились, но, вероятно, также XI—XIII вв.

ваясь с оружием из знатных христианских захоронений, можно установить, что языческие традиции сплетались здесь с новой феодальной военной символикой.²³³ Оружие князей и прославленных героев стали специально выставлять около гробниц, его стремились сохранить и считали символом непобедимости. Мемориальное оружие окружалось особым почетом, как,

²³¹ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 11 и 112.

²³² М. К. Каргер. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде, СА, т. VIII, 1946, стр. 207—208, 221—223.

²³³ Мечи найдены также в храмовых погребениях королей и вельмож XIII—XVI вв. в Испании и Швеции. Видимо, это явление было общеевропейским. (C. Blair. Medieval sword and spurs in Toledo Cathedral. The Journal of the arms and armour society, v. III, № 2, 1959, стр. 41—53; H. Seitz. Ett sengotiskt svärd i Västerås domkyrka. Fornvännen, t. 54, Stockholm 1959, стр. 11—24).

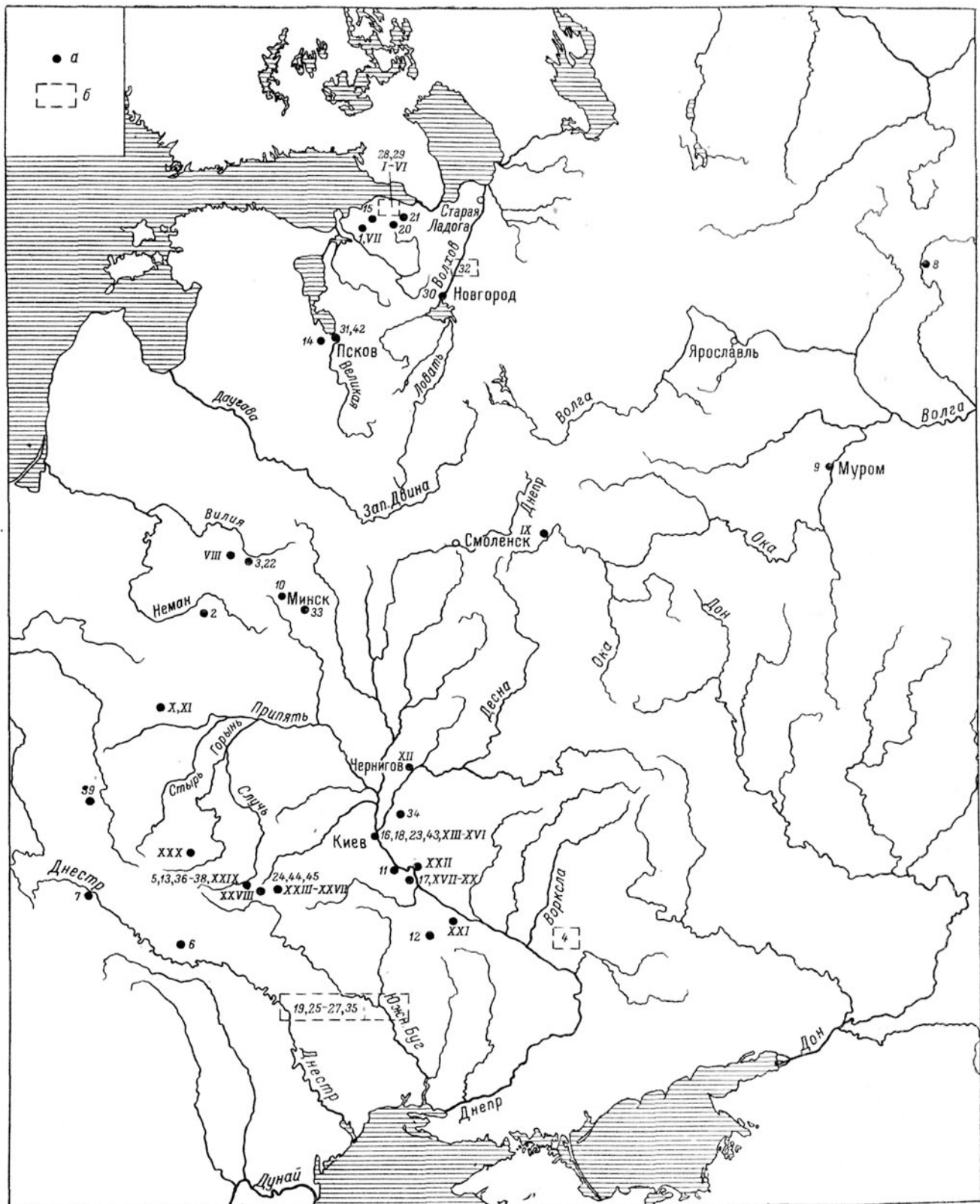

Рис. 11. Мечи второй половины XI—XIII вв. Карта находок.
 Обозначения те же, что на рис. 2.

например, мечи псковских князей Всеволода и Довмонта, находившиеся в Троицком соборе, или меч князя Бориса, висевший в спальне Андрея Боголюбского и позже хранившийся в одной из церквей Владимира.²³⁴ На Райковецком городище найден меч типа S безусловно относящийся к более раннему времени.²³⁵ Длительное сохранение этого оружия, возможно, также объясняется его особым «памятным», «реликвийным» значением.

Классификация мечей XII—XIII вв. (как и их предшественников — мечей X—XI вв.) возможна главным образом по рукоятям, причем первенствующая роль отводится здесь форме навершия и перекрестья. Клинки у большинства мечей если и различаются, то только длиной и большим или меньшим сужением к окон-

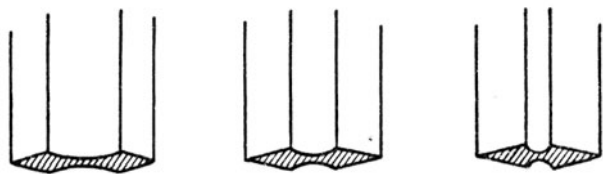

Рис. 12. Изменение дола клинка с X по XIV в.

чечности. По сравнению с раннекиевским периодом число типов мечей сокращается, но увеличивается (в пределах одной группы) разнообразие таких частей, как навершие и перекрестье (рис. 10).

В развитии мечей с IX по XIII в. сохраняется преемственность. Уже в X в. существовали мечи типов X, Y (по Петерсену), переходные к формам более позднего периода. В свою очередь, ряд мечей XII—XIII вв. по очертаниям своих рукоятей восходит к предшествующему времени. Их навершия, как и у образцов X в., состоят из двух частей. При этом, однако, лезвия мечей X и XII вв. различаются. Во второй половине XI в., как правило, не встречаются такие тяжелые (около 1,5 кг) и сравнительно длинные (95 см) клинки, как в раннекиевский период. Меч второй половины XI—XII вв. легче (около 1 кг), иногда короче (доходит до 86 см) и на 0,5—1,5 см уже клинка X в. Мечи XII в. стали тоньше, изменился и их дол. Для IX—X вв. он, как правило, занимает по ширине половину полосы, в конце X—XII вв. — одну треть, в XII—XIII вв. превращается в узкий желобок (рис. 12). Романские мечи не отличаются таким богатством и нарядностью, как их предшественники — мечи эпохи Каролингов. В XII в. выработка клинков удешевляется: не встречается насечка

серебром и золотом и орнаментация чернью по серебру. Довольно редко на рукоятях мечей XII—XIII вв. обнаруживается платировка се ребром. Бронзовые навершия и перекрестья уступают место железным, вместе с этим все реже встречаются рельефные орнаменты. На вершине делается из одного куска металла. Все эти изменения наиболее отчетливо проявляются в новых типах романских мечей, возникших во второй половине XII — начале XIII в. Появление этих мечей вызвано не только стремлением удешевить производство, но и обусловлено общим утяжелением рыцарского вооружения, усилением его защитных свойств. В истории домонгольского рубящего оружия известны мечи XII—XIII вв. очень длинные (до 120 см) и тяжелые (около 2 кг); и в этом они превосходят даже образцы IX—X вв. Перекрестье рыцарского меча XII—XIII вв. вытягивается в длину и достигает 18—20 см (обычная длина перекрестья предшествующего времени — 9—12 см). Длинное перекрестье лучше предохраняло руку от скользящих вдоль лезвия ударов противника. Удлинение перекрестья свидетельствует о зачатках фехтовального искусства (расцвет которого был далеко впереди) и о появлении приема отражения мечом вражеского удара (раньше эту функцию выполнял щит).²³⁶ Обычное для конца X—XII вв. искривление перекрестья сменяется в XIII в. его прямолинейностью. Удобства для захвата рукой создавалось теперь не изогнутостью частей меча, а удлинением стержня рукояти с 9—10 см до 12 см и больше. Так возникли мечи с полуторными рукоятями, а затем и двуручные, позволявшие нанести более мощный удар. Клинок XII — XIII вв. могли колоть, но основным назначением меча вплоть до середины XIII в. по-прежнему оставалась рубка. В этом смысле боевая функция меча с X по XIII в. изменилась немного. Достижение рыцарственного XII в. — тяжелый длинный меч был прежде всего рубящим. Поиски оружия, проникающего сквозь самые плотные доспехи, приводят к созданию примерно в середине и второй половине XIII в. колющего клинка. Впервые укол мечом в бою («прободе») отмечен в Ипатьевской летописи под 1255 г. (в невоенных эпизодах укол мечом упомянут еще в 980 г.). Преобразование клинка в сторону его заострения затронуло как старые, так и новые формы романских мечей. Развитие было длительным и в течение почти всего XIII в. рубящий клинок, по-видимому, сохраняет свое первенствующее значение. Таковы те общие изменения, которые можно заметить при сопоставлении средневековых мечей.

В 1963—1964 гг. были расчищены 20 клинков романского периода из отечественных нахо-

²³⁴ Д. Айналов. Судьба киевского художественного наследия. ЗОРСА, т. XII, Пгр., 1918, стр. 38—39; В. Н. Татищев. История Российская, кн. 3, М., 1774, стр. 215.

²³⁵ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XI, I.

²³⁶ Ср.: Н. Nickel. Der mittelalterliche Reiter schild des Abendlandes. Inaugural-Dissertation. Berlin, 1958, стр. 13 и сл.

док, при этом на 14 оказались различные клейма (кроме того, три меченых полосы были известны ранее — 25, 31 и 41).²³⁷ Три меча (нами расшифровались два) содержали имена западных мастеров: Stclin (11), Ingelrii (25) и, пока первое в Европе, имя Svvensiva (XV; рис. 47, 3), которое читается, по-видимому, как Suvensiuv или Swensiuv. Шесть клинков (из них пять нашей расчитки) имеют латинские надписи (II из каталога мечей X — перв. пол. XI в.; 4, 18, 34, 41 и XXIX из каталога вт. пол. XI—XIII в.), которые в значительной части представляют нерасшифрованные сокращения, связанные с религиозными обращениями, благопожеланиями владельцу, призывами непобедимости и т. п. Характерен в этом отношении клинок из Городища (XXIX) с надписью S NEX • NEX • NEX • NS. Поначалу мы видели в надписи трехкратное повторение слова pex «смерть». Консультировавший нашу работу филолог-классик А. И. Зайцев²³⁸ расшифровывает и, думается, убедительно эту надпись как сокращение, звучащее в полном виде S[anctum] N[omen] E[terni] X[risti], N[omen] E[terni] X[risti], N[omen] E[terni] X[risti], N[omen] S[anctum].²³⁹ Другой пример сокращенного изречения сохранил клинок с названием реки Паши с двусторонней одинаковой надписью (рис. 43, 1), первая часть которой уверенно читается как Lignum в значении, вероятно, крест господень (А. Гейштор так развешивает эту надпись: Lignum omnium lignum). Латиноязычные мечи, как и два образца с «пассаускими волчками» (31 и 33), указывают на западноевропейские мастерские, точное местонахождение которых пока не установлено. Обнаружение ряда иноземных по своим клеймам клинков расширяет наши представления об импорте романского оружия на Русь. Происхождение трех мечей с популярными в средние века знаками креста и круга (27, 35 и 37) и двух лезвий, украшенных орнаментами (14 и 40), гадательно.

Несколько слов о выполнении самих клейм. Начертания их на пяти мечах (4, 11, 18, 25 и XV) выполнены железной проволокой. Эта техника восходит к каролингским традициям и позже 1250 г., по-видимому, не воспроизводится. Характерно, что все три встретившихся нам кузнечных имени исполнены в этой же

²³⁷ Более подробно см.: А. Н. Кирпичников. Надписи и знаки клинков восточноевропейских мечей IX—XIII вв.

²³⁸ Сердечно благодарим А. И. Зайцева за дружескую помощь в работе.

²³⁹ «Святое имя вечного Христа, имя вечного Христа, имя вечного Христа, имя святое». По мнению проф. А. Гейштора надпись читается следующим образом: S[anctum] N[omen] E[ius] X[ristus], E[ti] N[omen] E[ius] X[ristus], E[ti] N[omen] E[ius] X[ristus], E[ti] N[omen] S[anctum]. Выражаем признательность польскому ученому проф. А. Гейштору и другу И. Шиманскому, консультировавшим некоторые из наших надписей.

технике. Примерно в середине XII в. имена мастеров на клинках начинают исчезать и появляются «повествовательные» надписи и изображения, наведенные цветными и благородными металлами. Полного развития этот способ достигает в XIII в. и к этому же времени относятся большинство наших меченых образцов.

Среди расчищенных мечей один оказался демаскированным (23), а шесть не имели или не сохранили своих мет (13, 15, 28, I, XIV и XVI). В составе последних имеется экземпляр с явно русской рукоятью (Хотынцы; 15), отщущая, вероятно, и другие местные образцы.

Обзор типов мечей лучше начать с экземпляров, продолжающих хотя и отдаленно старые традиции.

Тип I. Мечи с бронзовым перекрестьем (прямым или слегка изогнутым) и бронзовым пятичастным навершием (рис. 41, 1 и 44, 2).²⁴⁰ По форме навершия клинки этого типа восходят к одной из разновидностей мечей типа S. Бронзовые части мечей иногда снабжены литым орнаментом из кругов и перекрещивающихся линий, характерных для романского искусства XI—XII вв.²⁴¹ На мече из бывш. Полтавской губ. выведена одинаковая с обеих сторон надпись INICINI (рис. 47, 4). Слово не меняет своего звучания при чтении как справа налево, так и наоборот.²⁴² А. И. Зайцев реконструирует это сочетание букв следующим образом: I[esus] N[azarenus], I[esus] C[hristus], I[esus] N[azarenus], I[esus], А. Гейштор трактует эту надпись как I[n] N[omine] I[esu] C[hristi], I[n] N[omine] I[esu] C[hristi] I[n] N[ostros] I[n]imicos]. Какое бы из этих чтений не предпочесть, оно по своему содержанию кажется соответствующим духу своего времени.

Во всех случаях, когда можно установить место находки меча типа I обнаружены на поселениях и в погребениях XII—XIII вв. Кроме Руси, мечи рассматриваемого типа встречены в Латвии (Пассельс, некоторые с надписями) и в Волжской Болгарии;²⁴³ за пределы Восточной Европы они не выходят. Следовательно, восточноевропейское происхождение некоторых если не клинков, то рукоятей мечей данной группы очень вероятно.

Тип II. Мечи с трехчастным бронзовым или железным набалдашником и обычно несколько изогнутым перекрестьем (рис. 41, 2 и 44, 1, 3).²⁴⁴ Древнейший

²⁴⁰ В каталоге, 1—7. Отмстим, что перекрестье меча из Новогрудка оформлено в виде двух изгибающихся птичьих головок (ср.: P. Paulsen. Schwertertortbänder... рис. 159).

²⁴¹ E. Šturms. Kuršu zobeni, стр. 107 и 114.

²⁴² Ср.: A. Anteins. Damascëtie..., стр. 76, рис. 3, 1.

²⁴³ Коллекции Гос. Эрмитажа и ГИМа; В. Posta. Archäologische Studien..., стр. 307, рис. 192.

²⁴⁴ В каталоге, 8—13 — всего 6 экз.

меч этой группы — из Подболотья — (9) относится, вероятно, к XI в., позднейший — из Изяславля — (13) не старше первой половины XIII в. Клинки такой формы изображались еще в XV в.²⁴⁵ Рукояти мечей типа II возникли из рукоятей мечей типов S и A местный, но в XII в. они отмечены вполне своеобразными чертами. Очень возможно, что это — восточноевропейская форма. Во всяком случае на западе Европы такие образцы нам неизвестны; кроме Руси, встречаются они в Прибалтике (например, в Пассельсе). Вышесказанному не противоречит обнаружение в данной группе лезвия (Стайки; 11) с надписью *Stelin me fecit* и на обороте [I]n nomine domini «во имя божие» (рис. 47, 1). Открывшееся имя родственно германскому мечедельцу *Gicelin*, что, возможно, определяет место возникновения нашего меча, опрощенного в особую рукоять позже, далеко от центра его выработки.²⁴⁶

Меч из деревни Малы у Изборска (14; рис. 43, 1) относится к особой разновидности мечей с трехчастным навершием (тип IIА). На бронзовом навершии — стилизованное изображение усатого человека, элементы этой же маски — на перекрестье. Орнамент рельефный, растительный, на перекрестье он распадается на ряд завитков.²⁴⁷ Растительным узором украшено и лезвие. Мечи данного типа встречены в Эстонии и Финляндии; особенно характерны они для Карелии, где имеются прямые аналогии изборскому экземпляру.²⁴⁸ Описанный выше орнамент встречен также на фибулах карельского типа (так называемые *Krebsspannen*). По аналогии с датированными находками меч из Малы определенно относится к XII в.

²⁴⁵ См. война с мечом в заглавной букве Новгородской псалтыри начала XV в. (История русского искусства, т. II, М., 1954, стр. 296), св. Георгия на иконе конца XV в. в Музее русского искусства в Киеве (В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. Византийский временник, т. VI, М., 1953, рис. 21).

²⁴⁶ Недавно мы встретили подтверждение этой мысли. На одном из пассельских мечей (Гос. Эрмитаж, ОИПК, 890/1087) перекрестье, соотносящееся с трехчастным навершием, закрывает часть надписи *Etelin me fecit*. Здесь явный пример позднейшей отделки клинка рукоятью вне стен первоначальной мастерской.

²⁴⁷ W. Arendt. *Das Schwert...*, стр. 164—166, рис. 16; A. M. Tallgren. *Zur Archaeologie Eestis*, стр. 121, табл. XI.

²⁴⁸ Перекрестье одного финского экземпляра вылито, по-видимому, в одной форме с изборским (С. А. Nordman. *Karelska jähmalders studier*. SMYA, XXXIV, N 3, Helsinki, 1924, стр. 144—146, рис. 122; 123). — Эстонская аналогия — меч из Паддас (E. Lenz. *Mitteilungen aus der Ermitage*. ZWK, Bd. VI, Helt. 11, Berlin, 1911, стр. 348—351), не единичны и карельские аналогии. (Т. Schwindt. *Tietoja Karjalan rautakaudesta*, SMYA, XIII, Helsinki, 1893, рис. 27; *Nordisk kultur*, XXVII, Stockholm, 1931, стр. 199, рис. 35; E. Kivikoski. *Die Eisenzeit Finnlands*, рис. 997, на стр. 39 — сводка мечей этого типа).

Тип III. Мечи с седловидным набалдашником и изогнутым перекрестьем; восходят, по-видимому, к клинкам общеевропейского типа Y.²⁴⁹ Все три обнаруженные у нас меча, судя по их окружению, относятся к XII — первой половине XIII в. Самый нарядный из них найден в кургане у д. Хотынцы (15; рис. 46, 3). Бронзовое перекрестье этого клинка (не проявившего клейма) украшено растительным орнаментом в виде выходящей ветви.

Мечи типа III (некоторые с латинскими надписями) найдены также в Латвии (Пассельс).²⁵⁰ В Западной Европе они редки, имеют чаще прямое перекрестье и датируются последней четвертью XII — первой половиной XIII в.²⁵¹ Насколько такая датировка приемлема для русских находок, пока судить трудно.

У клинков нижеследующих типов появляется крупное, тяжелое лезвие и длинное перекрестье, ставшие типичными для некоторых новых форм романских мечей XIII в. Правда, и эти образцы частично можно связать с предшествующим развитием.

Тип IV. Мечи с полукруглой головкой и прямым перекрестьем (рис. 44, 4). По форме рукояти они напоминают мечи типа X (по Петерсену). Клинков типа TV всего два²⁵² и их время установить трудно. Один из этих образцов (18; рис. 47, 2 и 50, 2, 3), снабженный на лицевой стороне надписью *NNMIICTIMNI*, а на оборотной — *Iinomi domini*, сделан, по-видимому, в XII в., другой (19; рис. 42, 1) — весьма длинный и тяжелый, — вероятно, можно связать с XIII в., когда утяжеление мечей становится все явственней. Датировка западных клинков аналогичного типа 1150—1250 гг.²⁵³ кажется приемлемой и для русского материала.

Тип V. Мечи с линзовидным набалдашником и длинным, обычно прямым перекрестьем (рис. 42, 2).²⁵⁴ По форме навершия они близки к мечам типа Z особый, от которых, очевидно, и произошли. Западные мечи с линзовидным набалдашником относятся примерно к 950—1250 гг.²⁵⁵ Имеются хорошо датированные образцы этого типа второй половины XII—

²⁴⁹ В каталоге, 15—17 — всего 3 экз. Вероятно, что к мечам типа II или III относятся железные и бронзовые изогнутые перекрестья и основания навершия из Торопца (раскопки Г. Ф. Корзухиной в 1960 г.), Смоленска (раскопки Д. А. Авдусина) и Любеча (раскопки В. А. Рыбакова в 1958 г.).

²⁵⁰ История культуры древней Руси, т. II, М. — Л., 1948, стр. 420, рис. 241, 2 и 4, справа, (неправильно изданы как происходящие из Приладожских курганов).

²⁵¹ A. Bruhn-Hoffmeyer. *Middeldalderens*, т. II, табл. IX, e, d, c.

²⁵² В каталоге, 18, 19.

²⁵³ R. E. Oakshott. *The archaeology...*, стр. 224, рис. 106, B.

²⁵⁴ В каталоге, 20—27, — всего 8 экз.

²⁵⁵ R. E. Oakshott. *The archaeology...*, стр. 204—205 и 224, рис. 106, A.

первой половины XIII в.²⁵⁶ Уточнить хронологию русского материала пока трудно. Все датированные экземпляры (20, 22, 24) происходят из комплексов XII—XIII вв.

Среди рассматриваемых мечей выделяется клинок, меченый крестами, кружками и геральдическими щитками (27; рис. 42, 3 и 49, 1) с полуторной рукоятью, которая еще в XIII в. была редка.²⁵⁷ Очертания головки этого меча скорее треугольные. Западные аналогии относятся к 1230—1250 гг.²⁵⁸ На другом мече из Львовского музея (25) удалось (без расчистки) частично прочесть надпись, содержащую имя *Ingelrii* (отчетливо видны буквы *elrii*). Клинок с этой надписью указывает, как говорилось выше, на западноевропейскую мастерскую, возникшую еще в X в.²⁵⁹ Меч из Киева (23) выявил редчайший для своего времени демаскированный узор (вдоль всего дола). Считалось, что клинки сложноузорчатой сварки исчезли еще в раннекиевский период, наш образец показывает, что подобные изделия ковались еще двумя веками позже.

Тип VI. Мечи с длинным прямым перекрестьем (изогнутое встречается реже) и дисковидным навершием. Мечи этого типа сравнительно с другими группами представлены наибольшим количеством находок.²⁶⁰ Их особенно часто изображали художники XII—XIII вв. на миниатюрах, иконах, каменных образках, печатях, в белокаменной резьбе. Им подражают 5 деревянных игрушечных мечей из Новгорода (слои XIII и начала XIV в.). Одно из лучших по своей отчетливости изображений мечей этой формы сохранилось на иконке с фигурами Бориса и Глеба, вероятнее всего XII в., из Старой Рязани.²⁶¹ Все эти данные свидетельствуют о том, что мечи с дисковидным навершием были, видимо, широко распространены, и с XIII в. предпочитались другим формам.

Описанные мечи по очертаниям своего навершия не имеют предшественников и появились в Европе где-то в начале XII в. Несколько видоизменяясь, они просуществовали вплоть до начала XV в.²⁶² Первые два века последовательного развития мечей с дисковидным навершием можно проследить и на Руси. Древнейшими являются два меча (один с необнаруженным клеймом) с плоским диском (28, 29;

рис. 46, 2) из новгородских погребений Водской пятины. По западным аналогиям они определяются XII в.²⁶³ Это тем более вероятно, что в XI в. такие мечи еще не появились, а в XIII в. (точнее с 1180 г.) снабжались выпуклыми головками с косым срезом по краю.²⁶⁴ Мечи с выпуклым диском составляют численное большинство данного типа (31, 32, 34—37, 39, 40). Выпуклый диск, более массивный, чем плоский, появился вместе с увеличением клинка, ибо чем больше лезвие, тем тяжелее и выполнявшее роль противовеса навершие. На двух мечах этой разновидности выявлены знаки в виде креста и круга, а на третьем — остатки орнамента (35, 37, 40; рис. 49, 2, 3).

Характерной особенностью мечей первой половины XIII в. (и не только типа VI) является круглое в поперечном сечении стержневое перекрестье с несколько расширяющимися концами (36 и 38).²⁶⁵ В последующее время (1250—1350 гг. по Оуксхоту) клинки имеют перекрестье обычно квадратное в сечении.²⁶⁶ К последним принадлежит экземпляр из Макарецкой дачи (34), который, по мнению А. Брун-Гоффмейер, мог относиться к середине XIII в.²⁶⁷ На обеих сторонах клинка — полностью расчищенная нами латинская надпись из 23—24 букв, в ней местами — повторения буквосочетаний *ASPUNE* и *NED* (рис. 43, 2). А. Брун-Гоффмейер считает, что надпись пока трудно прочесть, но она не бессмысленна (как иногда думают). Ее содержание, — возможно, религиозная сентенция, заклинание или благословение, которые должны принести владельцу меча счастливый результат. Гипотетическое чтение части макарецкой надписи (рис. 43, 2, верхняя полоса, начиная с шестого знака «A») предложил А. И. Зайцев (буквы, имеющиеся на клинке, даются заглавными и без скобок)... *A[rma] C[epi] P[ro] V[ictoria] N[ominis] E[terni] D[omini], E[terni] R[egis] U[niversi], E[terni] O[mnipotentis]... E[terni] D[omini], A[rma] C[epi] P[ro] V[ictoria] N[ominis] E[terni] S[ancti]*. Перевод:

²⁶³ А. Bruhn-Hoffmeyer. *Middelalderens...*, т. II, табл. X; R. E. Oakeshott. *The archaeology...*, стр. 225, рис. 106, G.

²⁶⁴ R. E. Oakeshott. *The archaeology...*, стр. 225, рис. 106, H.

²⁶⁵ Уместно отметить округленные в поперечном сечении железные перекрестья XII—XIII вв., которые относятся, вероятно, к мечам типов IV—VI: два — из Новгорода (раскопки А. В. Арциховского в 1952 и 1955 гг.; см.: МИА, № 65, 1959, стр. 122, рис. 1; 8 и 9); два — из Городища Хмельницкой области (раскопки М. К. Каргера в 1957—1958 гг.); одно — из Львова (раскопки А. А. Ратича в 1955—1956 гг.; см.: Матеріали дослідження з археології Прикарпаття і Волині, вып. 3, Київ, 1961, рис. 4, 16, на стр. 124).

²⁶⁶ R. E. Oakeshott. *The archaeology...*, стр. 232.

²⁶⁷ Автор признателен датской коллеге за любезное письмо от 5 марта 1958 г., в котором она высказывает свое мнение о трех мечах, из числа отмеченных в этой работе (31, 34 и 41).

²⁵⁶ A. Bruhn-Hoffmeyer. *Middelalderens...*, т. II, табл. VIII; IX, a.

²⁵⁷ W. Voelke. *Handbuch der Waffenkunde*. Leipzig, 1890, стр. 244 и 245.

²⁵⁸ R. E. Oakeshott. *The archaeology...*, стр. 224 и рис. 106.

²⁵⁹ Ср.: Н. Arbmán. *Zwei Ingelri-Schwerter aus Schweden*, рис. 2, табл. IX, 4.

²⁶⁰ В каталоге, 28—41 — всего 14 экз.

²⁶¹ А. Н. Кирпичников. Русские мечи XI—XIII веков. КСИА, вып. 85, 1961, рис. 9.

²⁶² Вероятно, к началу XV в. относится меч из с. Рыдомля бывш. Кременецкого у. Волынской губ. (Архив ЛОИА, ф. 1, 1891, № 169; ср. R. E. Oakeshott. *The archaeology...*, стр. 321).

«Я взял оружие ради победы имени вечного бога, вечного царя вселенной, вечного всемогущего... вечного бога. Я взял оружие ради победы имени святого». Если расшифровка А. И. Зайцева верна, перед нами выразительный документ эпохи — обет крестоносца, оказавшийся затерянным на дорогах Черниговщины.

Другой меч с квадратным в сечении перекрестьем (41; рис. 43, 3, ср. 4) снабжен надписью SOS и OSO. Мечей с похожим клеймом на Западе известно пять и один раз буквосочетание SOS встречено в надписи, содержащей призыв к Христу и деве Марии за поддержкой в борьбе.²⁶⁸

По мнению А. Гейштора, упомянутые надписи можно раскрыть как S[alus] O[mnium] S[alus] и O[mnium] S[alus] O[mnium] «спасение (избавление) всех спасение» и «всех спасение всех».

С конца XIII в. рукояти клинков увенчивают выпуклые диски без бокового радиального среза. Одно такое навершие происходит из Новгорода, а целые мечи с такими головками — из Белзы и Старой Дороги (30, 39 и 33). Таким образом, на русской почве подробно представлена эволюция мечей с дисками начиная с XII в.

В рассматриваемой группе особо выделяется меч, приписываемый псковскому князю Довмонту (31; рис. 41, 3; 45, 2 и 46, 1).²⁶⁹ Есть основания считать его подлинным. Рукоять меча пышно отделана позолоченным серебром. Это специально колющее оружие с удлинено-треугольным лезвием и выступающим (вместо дола) продольным ребром (ср. 33). По наблюдению Оуксхота, мечи такой формы могли появиться во второй половине XIII в., причем ранние образцы весьма немногочисленны.²⁷⁰ Этими клинками положено начало развития «готических» мечей 1300—1500 гг.

На лезвии меча Довмонта (как и клинка из Старой Дороги — 33; рис. 49, 4) — «пассауский волчок», выбивавшийся на оружии примерно с XIII в.²⁷¹ Совершенно точную

²⁶⁸ R. Wegeli. Inschriften auf mittelalterlichen Schwertklingen, Heft 8, стр. 223—224. — В XIV в. штампованные знаки OSO зарегистрированы мною на одном клинке из Нассельна (Гос. Эрмитаж, ОИПК, 890/937).

²⁶⁹ Датировка памятника оспаривается. Как полагает А. Брун-Гоффмейер, меч датируется около 1400 г., при этом она называет некоторые поздние аналогии (более подробно см.: А. Н. Кирпичников. Русские мечи XI—XIII веков, стр. 18). Однако сохранившиеся клинки, напоминающие меч Довмонта, известны уже для первой половины XIV в. (London museum catalogues, № 7, London, 1954. табл. 5). Кроме того, после исследования Р. Э. Оуксхота уверенность в появлении колющих мечей лишь в XIV—XV вв. серьезно поколеблена.

²⁷⁰ R. E. Oakshott. The archaeology..., стр. 307—309, рис. 148, тип. XV.

²⁷¹ Э. Ленц. О клеймах мастеров на оружии. Записки разряда военной археологии и археографии

аналогию нашему мечу удалось отыскать на одном рыцарском изображении 1299 г.²⁷²

Меч Довмонта, единственный из сохранившихся до ныне древнерусских клинков, имеет свою «биографию». Возможно, что этим мечом священнослужители Пскова «препоясаша» князя перед походом на немцев в 1272 г. В последовавшем затем победоносном бою Довмонт ранил мечом лицо немецкого «мастера». Об этом повествует сказание о Довмонте, созданное на основе каких-то древних местных записей.²⁷³ Распространенная редакция этого сказания, оформившаяся, кажется, в XVII в., следующим образом дополняет этот эпизод. В бою Довмонт «извлек меч свой и сурово нападе на поганые в мале сый дружине». Противники «падоша пред ним во острия меча, и самого же мастера Столбне в лице сам уязви». ²⁷⁴ После смерти Довмонта (1299 г.) меч был выставлен в Троицком соборе «над гробом его на похвалу и утверждение граду Пскову». ²⁷⁵ Вполне вероятно, что священной реликвией сделан именно тот меч, которым Довмонт одержал свои выдающиеся победы. Позднее горожане символически вручали этот меч князьям при посадении их на псковский престол. Нельзя, конечно, полностью ручаться за принадлежность дошедшего меча именно Довмонту, однако, этот факт подтверждается соответствием друг другу датировки, украшений, боевого и почетного значения памятника.

Тип VII. Мечи с граненым набалдашником (граней 5—8) и прямым или слегка изогнутым перекрестьем.²⁷⁶ Эти клинки являются дальнейшим развитием мечен предшествующего типа. Они очень длинные (120—140 см). Два экземпляра имеют многорядный дол до половины высоты массивного клинка (42 и 45), один — заостренное колющее лезвие (43). Три из четырех (42, 43 и 45) являются двуручными (ср. рис. 49, 5). Протяженность стержня рукояти для захвата рукой достигает 20—30 см. Двуручные мечи и клинки с многорядными долами относятся, как правило, к XIV—XV вв.²⁷⁷ Но рубка двумя руками появилась в Европе в XII в. и удостоверена для Руси рисунками Радзивиловской летописи, иллюстрирующими события этого же периода.²⁷⁸

русского военно-исторического общества, т. I, СПб., стр. 11—12.

²⁷² H. Hefner. Trachten das ehrlichen Mittelalters, Bd. I, Frankfurt-am-Main, 1840, табл. 27.

²⁷³ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 278, прил., стр. 141; Новгородская четвертая летопись под 1272 г.

²⁷⁴ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, прил., стр. 152.

²⁷⁵ Там же, стр. 155.

²⁷⁶ В каталоге, 42—45 — всего 4 экз. Меч из Райков (44), возможно, имел дисковидное навершие, которое в результате коррозии приняло угловатые очертания.

²⁷⁷ Ср.: ОАК за 1899 г., рис. 225.

²⁷⁸ Радзивиловская летопись, лл. 214 об., 232.

При всем этом хронология мечей рассматриваемого типа не уточнена²⁷⁹ и нет уверенности, что все они принадлежат домонгольской поре, а не более позднему времени. К таковым можно отнести роскошный, отделанный позолоченным серебром меч, приписываемый псковскому князю Всеволоду Мстиславичу (42; рис. 45, 1). Действительно, как сообщает летопись, при погребении князя в псковском Троицком соборе в 1137 г. «поставиша над ним его меч, иже и донныне стоит, видим всеми».²⁸⁰ Существующий ныне образец относится, однако, не к XII в., а по крайней мере к XIV или даже XV в. Об этом свидетельствуют орнаментация ножен и навершия (дракон и два коронованных льва), три мелких дола до середины длины полосы, отделка ножен и навершия рукояти (безусловно одновременных).²⁸¹ Западные аналогии относятся к первой четверти XV в.,²⁸² но не исключены и более ранние сопоставления. На перекрестье отчетливо видна готическая надпись *Honorem meum nemini dabo* «чести моей никому не отдам». Это девиз графского рода Зайн-Витгенштейнов,²⁸³ известного чуть ли не с XIV в. Позднейшие обстоятельства вторично связали этот меч с представителем той же фамилии. Рисунок меча и девиз в 1813 г. были внесены в герб русских Витгенштейнов (обосновавшихся в России с 1762 г.) за заслуги в войне 1812 г.²⁸⁴ Таким образом, судя по надписи, меч мог принадлежать знатному немецкому роду, однако этот факт нуждается в проверке. Перекрестье надето на стержень рукояти в перевернутом виде, если же ему вернуть нормальное положение, то его средняя мысовидная часть не плотно сблизится с верхней гайкой ножен.²⁸⁵ Перед нами несоответствие, возможно указывающее на разновременность частей меча. О времени надписи судить не берусь, само же перекрестье по форме древнее и определяется Р. Э. Оуксхоттом временем от конца XII до конца XV в. (наиболее популярно оно между 1250—1370 гг.), а А. Брун-Гоффмейер — вскоре после 1300 г.²⁸⁶

²⁷⁹ По Оуксхотту граненые навершия имеются на мечах 1120—1350 гг., хотя и редки (R. E. Oakeshott. *The archaeology...*, стр. 225, рис. 106).

²⁸⁰ Тверская летопись под 1137 г.

²⁸¹ Труды ПАО, вып. 8, Псков, 1912, стр. 213; Н. Ф. Окулич-Казарин. *Спутник по древнему Пскову*. Псков, 1913, стр. 88—91.

²⁸² A. Bruhn-Hoffmeier. *Mittelaltergens...* t. II, табл. XXIV.

²⁸³ J. Dielitz. *Die Wahl- und Denksprüche, Feldgeschreie, Losungen, Schlacht und Volksrufe besonders des Mittelalters und der Neuzeit*. Frankfurt-am-Main, 1884, стр. 412. — На связь девиза меча Всеволода с родом Витгенштейнов наше внимание обратил И. Г. Спасский.

²⁸⁴ Бантыш-Каменский. *Словарь достопамятных людей, ч. I*, СПб., 1847, стр. 233.

²⁸⁵ Ножны мечей оснащаются верхней металлической обоймой после 1320 г.

²⁸⁶ R. E. Oakeshott. *The archaeology...*, стр. 233, 234, рис. 113, 6; ср.: A Bruhn-Hoff-

meier. Она сообщает, что аналогичные по форме рукояти представлены на мечах южной Германии и Англии.

«Меч Всеволода» — богатое привозное оружие; возможно, что он относится к тем временам (очевидно, заменил собой старый меч XII в.), когда во Пскове оформился культ князей — защитников города — Всеволода и Довмонта (т. е. не ранее XIV в.). Дальнейшие исследования должны уточнить этот вопрос.

Таким образом, мы рассмотрели формы мечей второй половины XI—XIII вв. Итоговые данные представлены в таблицах 3 и 4. Материал по некоторым выделенным типам еще невелик и весьма разрознен, поэтому трудно делать выводы о его происхождении и распространении. Нуждается в уточнении и хронология мечей; в ряде случаев приходится соглашаться с западными датами. Погрешность здесь, очевидно, невелика, так как распространение того или иного оружия в среде европейских феодалов отличалось удивительной быстротой. Характерно, что на Руси представлены все типы клинков, известные в то время в Западной и Центральной Европе (типы III—VII). По оснащению и бытованию различных романских мечей феодальная Русь, по-видимому, не уступала главным европейским странам, причем преобладание у нас и на западе получили мечи с дисковидным навершием (тип VI). Следует также отметить появление на Руси тяжелых больших мечей с полуручной (тип V) и двуручной рукоятью (тип VII).

Наряду с общеевропейскими романскими клинками на Руси бытовали мечи с, вероятно, частично местными восточноевропейскими пяти- и трехчастными навершиями (типы I и особенно II). Часто рукояти этих мечей были снабжены бронзовыми деталями. Только весьма отдаленно напоминают они некоторые клинки X в., от которых, видимо, и ведут свое происхождение. Возможно, что мечи типов II и отчасти III вывозились из Руси в Прибалтику и Волжскую Болгарию.

Обращает на себя внимание меч с трехчастным навершием и рельефным орнаментом, найденный в районе Изборска (тип IIА). В сравнении с другими такими же находками он этнически и территориально (район со смешанным русско-чудским населением) связан с финской культурой. Большая же часть мечей, как и в предшествующий период, сохраняет формы, одинаковые для многих стран.

Как объяснить соседство в XII—XIII вв. тяжелых длинных общеевропейских мечей с более легкими, распространение которых ограничено Восточной Европой. Первыми — могли наносить удары по тяжеловооруженному

meier. 1) *Mittelalterens...*, t. II, табл. XI, b. 2) *From medieval sword to renaissance rapier*. *Gladius*, t. II, Madrid, 1963, стр. 15, рис. 5.

Мечи второй половины XI—XIII в. (размещение)

Район или место находки	I	II	IIA	III	IV	V	VI	VII	Тип неизвестен	Всего
Западная часть Ленинградской обл.	1	—	—	1	—	2	2	—	7	13
Новгород	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Псков и область	—	—	1	—	—	—	1	1	—	3
Костромская обл. (Воздвиженское)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Северная Россия	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Муромщина (Подболотье)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Северо-западная Белоруссия	2	—	—	—	—	1	—	—	1	4
Минск и область	—	1	—	—	—	—	1	—	—	2
Дрогичин	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Калужская обл. (Серенск)	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Чернигов и область	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2
Киев	—	—	—	1	1	1	—	1	4	8
Киевская обл. (в границах бывш. Киевской губ.)	—	2	—	1	—	—	—	—	5	8
Полтавщина	1	—	—	—	—	—	—	—	1	2
Житомирская обл.	—	—	—	—	—	1	—	2	6	9
Хмельницкая обл.	2	1	—	—	—	—	3	—	1	7
Ровенская обл. (Гурбы)	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Львовская обл. (Белз)	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Станиславская обл. (Крыло)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Украина	—	—	—	—	1	3	1	—	—	5
Место находки неизвестно	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Итого	7	6	1	3	2	8	14	4	30	75

противнику, но они были неудобны в быстром конном бою, вторыми — можно было действовать более мобильно, но они кажутся иногда недостаточно тяжелыми для разрубания доспехов. Думаем, что в условиях самой разнообразной борьбы — конной и пешей, с обилием защитных средств или при их недостатке — обе группы мечей находили применение, со существовали и дополняли друг друга. Различия в устройстве лезвий мечей и их тяжести несколько сглаживаются, когда примерно во второй половине XIII в. появляется не рубящий, а колющий клинок.

Латинские имена, надписи и «пассауские волчки» на 11 из найденных клинков указывают на наличие очевидного западного импорта. Некоторые привозные мечи являлись богато украшенным княжеским оружием (меч Довмонта).

Среди исследованных полос не оказалось образцов с достоверными русскими начертаниями, однако нет сомнений в том, что дружинники XII в. по сравнению со своими предшественниками X столетия все чаще вооружались «национальным» белым оружием. В эпоху феодальной раздробленности мечи изготавливались на Руси в некоторых городских мастерских. Так, при раскопках Райковецкого городища вскрыты остатки кузнечной мастерской, где среди наконечников стрел, топоров и долот встречены части меча.²⁸⁷ Имеются

²⁸⁷Ф. Н. Молчановский. Обработка металла на Украине в XII—XIII вв. по материалам Райковецкого городища. ПИДО, М. — Л., 1943, № 5, стр. 85.

ли, однако, убедительные доказательства того, что в городах удельной Руси вырабатывали меченые клинки? Неожиданный ответ на этот вопрос мы увидели не на железе, а на дереве — на иконе второй половины XII в., изображающей Дмитрия Солунского (Третьяковская галерея). Святой представлен держащим на коленях полуобнаженный меч. На доле клинка едва заметны знаки , которые повторяются не менее 9 раз.²⁸⁸ (рис. 51). Эти знаки не просто орнаментальны, они сходны с метой на спинке трона Дмитрия (той же иконы), убедительно определенной Б. А. Рыбаковым как знак Всеволода Большое Гнездо.²⁸⁹ Таким образом, не только трон, но и меч святого были помечены княжескими знаками (лишнее доказательство патронности данного изображения). Для нас важны начертания на полосе. Они расположены именно там, где и должно быть клеймо, напоминая по композиции повторяющиеся черточки, кресты и кружки некоторых клинков и, думается, скопированы с реального ору-

²⁸⁸Знаки местами стерты, они с трудом различаются при натуральном осмотре и на репродукциях иконы вовсе не видны. Факт существования этих знаков на мече, сколько я знаю, не привлекал внимания исследователей древнерусской живописи.

²⁸⁹Б. А. Рыбаков. 1) Знаки собственности в княжьем хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, т. VI, 1940, стр. 235, рис. 18; 2) Окна в исчезнувший мир. Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, вып. 4, М., 1946, стр. 42—43, рис. 3. — Княжеский знак в виде а встречается на знаменах и щитах древнерусских миниатюр.

Мечи второй половины XI—XIII в. (хронология)

Типы	I	II	III	IV	V	VI	VII	Тип неизвестен	Всего	
Количество	7	6	1	3	2	8	14	4	30	75
Дата	XII— XIII вв.	XI— XIII вв.	XII в.	XII— 1-я пол. XIII в.	XII— XIII вв.	XII— XIII вв.	XII— XIV вв.	XIII в. (XIV в ?)	XI— XIII вв.	XI— XIII вв.

жия. Ведь меты мечей были видны не только при выпуске изделия, но и сохранялись заметными взорам современников. Сами княжеские знаки Рюриковичей до сих пор были известны на луках и кистенях и нет ничего удивительного в том, что ими же помечены лезвия, которые княжеские вотчинные ремесленники ковали для своих господ. Если все сказанное верно, то перед нами «иконописное» свидетельство существования в предмонгольскую пору русских клейменных клинков и подтверждение того, что меч первой половины XI в. с русской надписью не одинок.

В XII в. появляется выражение «мечи харалужные». Некоторые исследователи сопоставляли это слово с древневерхненемецким *Karoling*, с понятием «свет-пламя»,²⁹⁰ но большинство переводило «харалуг» как булат, восточная сталь (т. е. металл, принимающий при полировке темный отлив).²⁹¹ Однако в тюркских языках «харалуг» первоначально не означал сталь; «кара», «хара» значит чернота; для «луг» объяснение не было найдено. Впрочем, слово «кара» в сочетаниях (например, «кара-кум», «кара-су») не имеет ничего общего со значением «черный», а переводится как суша, земля.²⁹² Слово «кара» присутствует в названиях восточных булатных клинков: «каратабан», «караخورсан», но эти термины появились позднее XII—XIII вв. и, возможно, также имеют географический смысл. Очень вероятно предположение,²⁹³ что слово «хара-

луг» происходит от «карлук», «харлук», «харлуж» — названия одного из тюркских племен Северного Афганистана, славившегося изготовлением стальных клинков. В источниках X—XII вв. это племя достаточно известно.²⁹⁴ Обозначение средневековых, в особенности азиатских мечей по месту их изготовления было широко распространено. Но в данном случае встает вопрос, обозначало ли слово «харалуг» вообще стальные изделия (оно употреблялось также для копий и цепов) или только восточные, привозные. Зависимость русских мечей от восточных никак не прослеживается, поэтому можно, по-видимому, признать за названием «харалужные мечи» значение «производственного термина», заимствованного с Востока, но обозначавшего местные стальные изделия.

В течение всего домонгольского периода меч оставался характерным оружием феодальной знати²⁹⁵ (на миниатюрах князь вооружен мечом, тогда как остальные воины едут с копьями), но без него, однако, немисливо представить себе дружинную «сечу» и преследование. Мечом были вооружены не только всадники, но и пехотинцы (вероятно, состоятельные).²⁹⁶

Развитие феодальной организации выдвинуло меч в качестве важнейшего военного и государственного символа: «Князь бо не туне мечь носить, в месть злодеем, а в похвалу добро творящим». Меч воплощал власть князя. Роман Галицкий горделиво и воинственно говорил о своем мече папскому послу: «имею мой от Бога данный, и доколе есть при бедре моей, не имею нужды иначе покупать, токмо кровию, как отцы наши и деды распространили и умножили землю Рус-

²⁹⁰С. Гедеонов. *Варяги и Русь*, ч. I, СПб., 1876, стр. 329; В. Арндт. К вопросу о мечах харалужных «Слова о полку Игореве». Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 341.

²⁹¹Н. Е. Бранденбург. О влиянии монгольского владычества на древнее русское вооружение. Оружейный сборник. СПб., 1871, № 2, стр. 91; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1902, стр. 1361; Н. Г. Беляев. О булате и харалуге. *Recueil N. P. Kondakov*, Prague, 1926, стр. 160.

²⁹²А. Н. Кононов. О семантике слова кара и ак в тюркской географической терминологии. Изв. отд. обществ. наук АН Таджикской ССР, вып. V, Сталинабад, 1954, стр. 83—84.

²⁹³А. Zaki Validi. *Die Schwerter der Germanen*, стр. 33—37.

²⁹⁴В. В. Бартольд. Худуд-ал-Алем. Л., 1930, стр. 20; Рашид-эд-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, М. — Л., 1952, стр. 84—85; К. Щанязов. *Узбеки-карлуки*. Ташкент, 1964. — Слово карлук означает обладатель снега, снежный.

²⁹⁵Несколько раз мечи были найдены в богатом доме, около знатных воинов, погибших при защите города или утонувших во время переправы (Записки научного товариства им. Шевченка, т. CLIV, Львів, 1937, стр. 190 и 261; В. И. Довженок. *Землеробство древней Руси*. Київ, 1961, стр. 233).

²⁹⁶Ср.: Ипатьевская летопись под 1151 г.

²⁹⁷Лаврентьевская летопись под 1212 г.; ср.: Троицкая летопись под 1205 г.

скую».²⁹⁸ На миниатюрах Радзивилловской летописи назначение удела, отправление васала в поход, сдача города иллюстрируется передачей клинка.²⁹⁹ Во время переговоров, церемоний, при встречах, дома и в пути феодал неотступно носил меч, выставлял его на показ, опирался рукой, держал на плече. Меч был обязательной принадлежностью рыцарской обрядности (например, инвеститура и постри-

²⁹⁸ В. Н. Татищев. История Российская, кн. 3, М., 1774, стр. 345, под 1204 г.
²⁹⁹ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 34—35.

жение неизменно производились мечом).³⁰⁰ Мечник — чин судебной княжеской администрации — получил свое название от меча, карающего неправду.³⁰¹ В военном обиходе «взимать меч против» означало начинать войну, «зайти мечом» — завоевать и т. д.³⁰² Свое назначение важнейшего оружия воинов-профессионалов меч сохранил до тех пор, пока в развитом средневековье он не будет вытеснен саблей.

³⁰⁰ Там же, стр. 34.

³⁰¹ Правда Русская, т. II, М. - Л., 1947, стр. 47—48.

³⁰² И. И. Срезневский. Материалы..., т. II, СПб., 1902, стр. 132.

ГЛАВА 3

САБЛИ

(с добавлением о скрамасаксах, боевых ножах и кинжалах)

Ту ся саблям потруъяти о шеломы
половецкыя.

Слово о полку Игореве

Сабли впервые появились в евразийских степях в VII—VIII вв. Зона, где встречаются древнейшие искривленные клинки, простирается от Алтая и южной Сибири до Венгрии, Чехии и северного Причерноморья.¹ О едином центре происхождения сабли пока говорить не приходится. В создании нового оружия приняли участие многие племена, в первую очередь азиатские кочевники, а также и те, кто с ними боролся.² Сабля могла родиться только в среде воинов-всадников, действовавших на просторе; по своему назначению сабля — оружие маневренной конной борьбы.

В археологической литературе вопросы, связанные с происхождением и распростране-

нием сабли, дебатировались довольно остро.³ Вероятно, поэтому внимание исследователей больше всего концентрируется на начальном периоде истории раннесредневековой сабли. Русский материал обычно привлекался лишь постольку, поскольку он (уже в относительно более позднее время) как-то отражал развитие позднесарматского, аварского, аланского, венгерского и мордовского оружия. Изученность восточноевропейских сабель VIII—IX вв. немало способствует выяснению путей проникновения этого оружия на Русь. По мнению большинства авторов, сабля появилась в русских землях в IX—X вв. с юга или юго-востока (включая Приазовье, Подонье, Предкавказье), но «потребовалось несколько веков, чтобы она доказала свои преимущества перед мечом».⁴

Восточное происхождение древнерусских сабель отнюдь не свидетельствует о том, что все они были привозными. Местное производство славянских искривленных клинков предположил Б. А. Рыбаков. Он правильно за-

¹ J. Hampel. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, Bd. I, Braunschweig, 1905, стр. 193 и сл.; J. Eisner. *Devínska Nová ves*. Bratislava, 1952, стр. 372—373; W. Arendt. *Türkische Sabel aus dem VIII—IX Jahrhundert*. AN, t. XVI, Budapest, 1935, стр. 48 и сл.; Н. Я. Мерперт. О генезисе Салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, М. — Л., 1951, стр. 20 и сл.; С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1951, стр. 520—521. — Индия, Китай, Малая Азия, Египет, вообще Передний Восток не знали сабли вплоть до XIII—XIV вв. (ср.: А. В. Закі. *Islamic Swords in middle ages*. Bulletin de l'institut d'Egypte, t. XXXVI, Le Caire, 1955, стр. 379).

² Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен восточной Европы в раннем средневековье. СА, т. XXIII, 1955, стр. 165.

³ Рецензия М. А. Артамонова на кн.: А. Zakhargov und W. Arend. *Studia Levedica*. ПИДО, М. — Л., 1935, № 9—10, стр. 224—226; Н. Я. Мерперт. Из истории оружия..., стр. 131 и сл.

⁴ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ, вып. 4, М., 1946, стр. 7.

метил, что считать все сабли кочевническими нет никаких оснований.⁵ Далек продвинула изучение древнерусских сабель Г. Ф. Корзухина.⁶ Она выявила и датировала несколько раннекиевских образцов, со всей тщательностью рассмотрев при этом их орнаментальное убранство. Польза этой работы не снижается от того, что Г. Ф. Корзухина, на наш взгляд, неверно называет известные ей сабли мечами-саблями.⁷ Гибриды клинкового оружия, объединяющие свойства меча и сабли (например, однолезвийная прямая или искривленная полоса с рукоятью, как у меча), действительно существовали в X—XI вв., но не на русской почве, а в Прибалтике и Венгрии.⁸

В итоге краткого обзора интересующей нас литературы следует принять установленными следующие наблюдения: сабли бытуют на Руси приблизительно с X в., они имеют восточное происхождение, датируются некоторые экземпляры X—XI вв. Достигнутые результаты невелики, поэтому история древнерусских сабель в X—XIII вв. требует дальнейшей разработки. Считают, например, что на территории Восточной Европы найдено около 100 раннесредневековых сабель и из них едва ли десятая часть связывается с Русью.⁹ В действительности, на древнерусской территории обнаружено в разные годы 150 сабель X—XIII вв. (считая целые и обломки), что создает достаточную базу для детальных наблюдений (рис. 13; 14).¹⁰

Появление и распространение сабель на Руси объясняется рядом технических и исторических причин. Как средство борьбы сабля характеризуется рядом особых свойств. Благодаря изгибу своей полосы и наклону рукояти в сторону лезвия,¹¹ сабля обладает рубяще-

режущим действием. Удар имеет круговой характер, он получается скользящим и захватывает большую поверхность тела. «Сравнительная легкость сабельной полосы допускает быстрые движения руки, нежели тяжелый меч и, несмотря на разницу в весе, кривой клинок немногим уступает прямому в силе удара, если только изгиб его рассчитан правильно и с соблюдением надлежащего распределения центров тяжести и удара».¹² Основным назначением сабли всегда была рубка, но при ее небольшой кривизне и обоюдоостром конце она годилась и для укола. По сообщению письменных источников, саблей в бою секут, но в одном случае летопись приписывает ей колющий удар.¹³

Применение сабли требует устойчивости воина (в седле и стремях) и представляет ему большую маневренность в движениях, позволяющую дальше и вернее достигать противника. Скорость боя может быть весьма высокой, при этом целенаправленность ударов и поражающие качества оружия только повышаются. Этим объясняется неизменная связь сабли и конника; в руках последнего искривленный клинок является значительно более выгодным и действенным оружием, чем у пехотинца. Высказанная мысль находит археологическое подтверждение. Подсчеты, произведенные на основании сопоставления 48 погребений с саблями X—XIII в., которые описаны и документированы (всего погребений с саблями 87), привели к следующим показателям: 83% погребенных, кроме сабли, имели коня, 50% — были снабжены стрелами, 33% — копьем, 37% — защитным снаряжением. Связь сабли с конем и принадлежностями конного боя, таким образом, не вызывает сомнений. Типичным для всадника можно считать и способ ношения самого оружия. В тех случаях, когда удается определить ее местонахождение в захоронениях, сабля лежит (обычно в ножнах) эфесом у левого или правого плеча и острым концом достигает бедер. Расположение полосы указывает, что она носилась привязанной у пояса или на плечевой перемычке при помощи двух скоб (рис. 54, б) или колец, скрепленных с ножнами (иногда встречаются небольшие пряжки для узеньких португальских ремней). Местоположение скоб в верхней половине ножен указывает на наклонное подвешивание оружия.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М. - Л., 1948, стр. 227-228.

⁶ Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, т. XIII, 1950, стр. 74 и сл.

⁷ Главным признаком сабли-меча Г. Ф. Корзухина считает ширину клинка, равную не 3 см (размер, который принимается как типичный), а 4. 2—5 см (заметим, что эти измерения для тех вещей, на которые ссылается исследователь, преувеличены приблизительно на 1 см). По нашим измерениям, ширина искривленной полосы XI—XIII вв. достигает 4. 4 см, но от этого она не перестает быть саблей.

⁸ P. Paulsen. Einige Säbelschwerter im Ostseeraum. Documenta Archaeologica. Wolfgang La Baume dedicata. Bonn, 1956, стр. 123.

⁹ Н. Я. Мерперт. Из истории оружия..., стр. 144—146.

¹⁰ Из 150 учетных находок, 63 — происходят из поселений, 87 — из погребений, о 41 — можно судить только по упоминаниям в литературе (см. каталог находок).

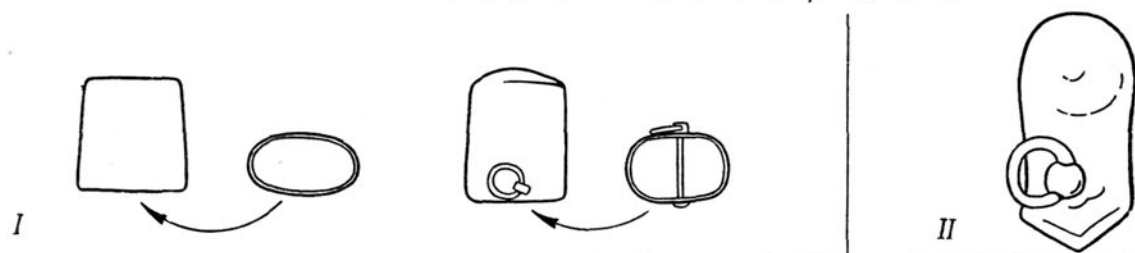
¹¹ «Рукоять, в особенности более древних сабель, часто слегка отогнута к лезвию с тем расчетом, чтобы в момент удара сабельная полоса не образовывала тупого угла к оси протянутой руки, а лежала бы в одной с нею горизонтальной плоскости» (Э. Ленц. Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения, ч. I. Собрание оружия. СПб., 1908, стр. 42). «Эта осо-

бенность устраняла невыгоду нанесения удара под тупым углом (который свойственен мечу), делая руку естественным продолжением клинка, т. е. увеличивая (удлиняя) рычаг» (В. А. Арндт. Сабля, ее происхождение и технический принцип. 1932, Архив ГИМа, III отд., № 176, л. 4).

¹² Э. Ленц. Указатель отделения средних веков..., стр. 42; В. Г. Федоров. Холодное оружие. СПб., 1905, стр. 26.

¹³ Ипатьевская летопись под 1086 г.

Типы наверший

Типы перекрестий

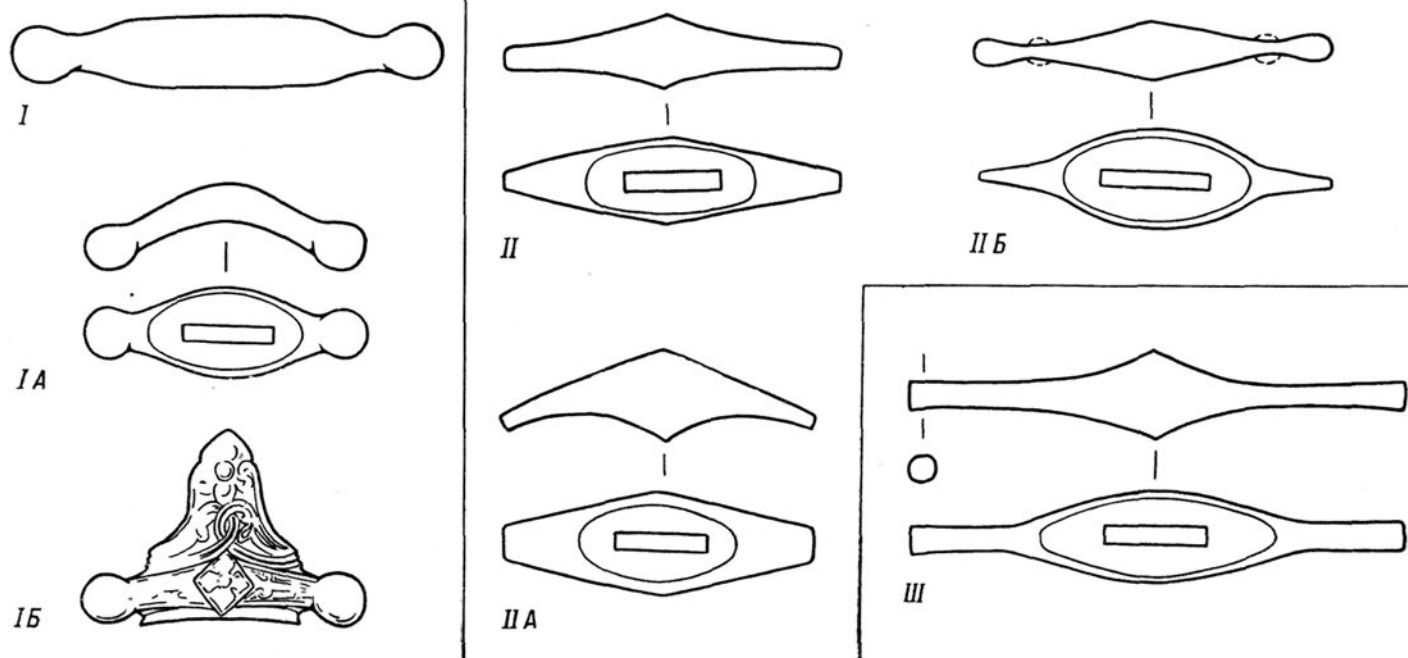

Рис. 13. Сабли X—XIII вв. Типологическая схема.

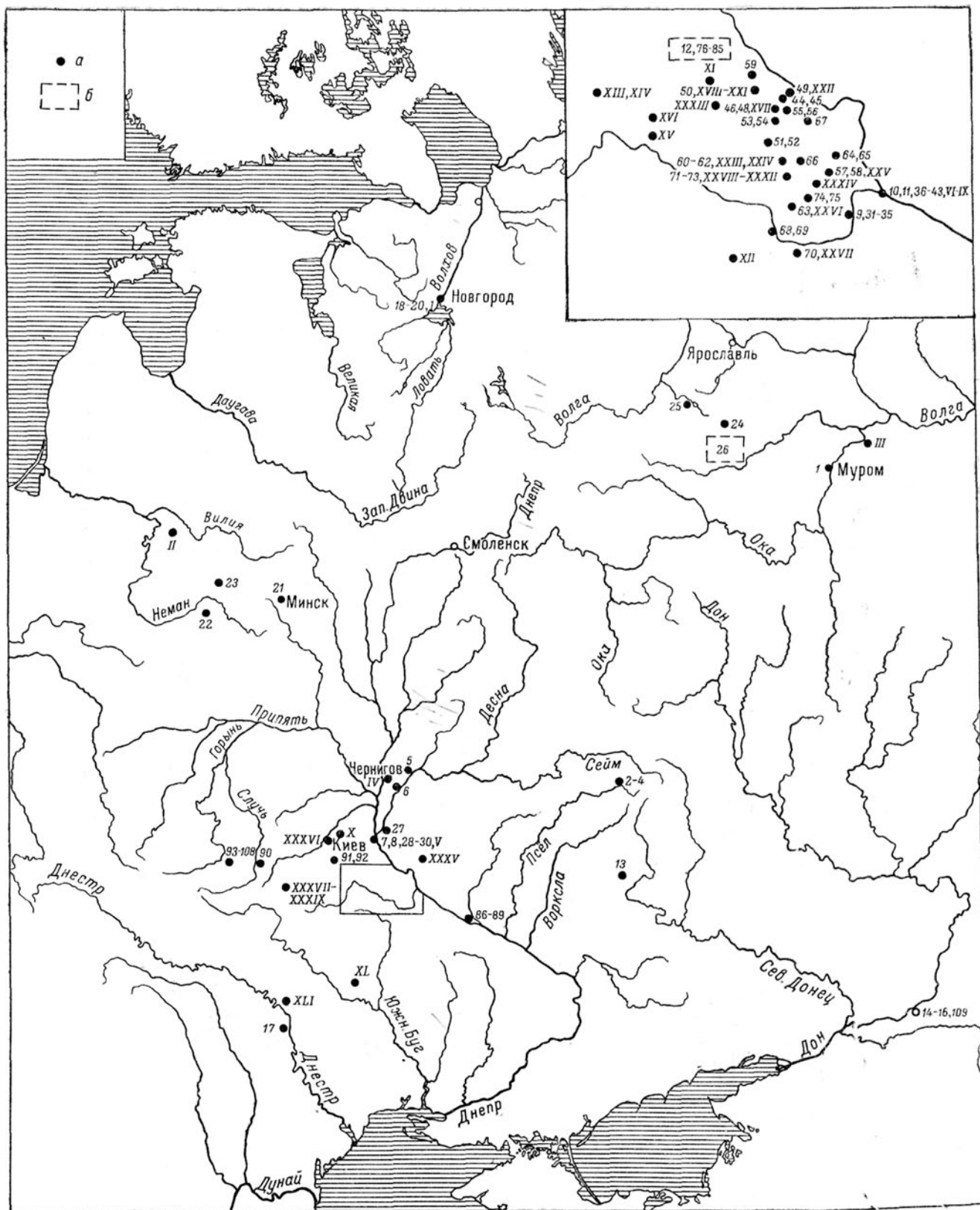

Рис. 14. Сабли X—XIII вв. Карта находок.
Обозначения те же, что на рис. 2.

С изобретением сабли и стремян легкая восточная кавалерия увеличила мощь своего удара и приобрела устойчивость в ближнем бою.¹⁴ Сказались эти преобразования и в последующее время. Внедрение сабли у русских стало возможным в связи с выдвиганием конницы как главного рода войск в эпоху раннего феодализма. Сабля была также необходима против легкоконных и воинственных степняков, вооруженных исключительно искривленными клинками и не употреблявших мечей. Все эти обстоятельства уже действовали в X в. и именно к этому времени относятся первые дошедшие до нас древнерусские сабли; почти все они встречены в южной Руси, но даже в крупных дружинных некрополях Киева и Чернигова весьма редки. Как и меч, сабля у русских и их иноплеменных союзников — признак богатства и знатности. Ее находят в курганах князей или бояр, военачальников, богатырей, наконец, дружинников, укрепившихся на пограничье со степью.

Среди сабель X — первой половины XI в. (всего их 17) встречены роскошные экземпляры, отделанные с применением золота, серебра, бронзы и черни. По своей военно-технической и ювелирно-художественной ценности эти образцы имеют выдающееся значение. Две таких сабли (7, 8) происходят из христианских, очевидно княжеских, погребений Киева [одна (8), сохранившаяся в своей нижней половине, снабжена великолепным серебряным наконечником ножен — рис. 52, 1], третья (2) вынута из самого богатого кургана Гочевского могильника. Хронологическое определение всех трех предметов произведено Г. Ф. Корзухиной, но о датировке сабли из киевских раскопок И. А. Хойновского хотелось бы сказать еще раз. «Сабля Хойновского» (7; рис. 52, 2) преднамеренно согнута пополам (возможно, что при этом уничтожены детали ее рукояти) совсем так же, как некоторые мечи из курганов. Наблюдается, между тем, что оружие XI—XIII вв. попадало в христианские храмовые погребения высшей феодальной знати в неповрежденном виде.¹⁵

Порча клинка в явно христианском погребении (саркофаг и крест) свидетельствуют о том, что само оно состоялось, вероятно, вскоре после крещения, во всяком случае, в пределах княжения Владимира Святославича (980—1015 г.), когда в погребальном ритуале киевских вельмож как-то проявлялась еще языческая обрядность (здесь мы имеем в виду не само включение оружия в состав погребаль-

ного инвентаря, а только его повреждение). Допустимо, что изготовление вещи могло относиться к несколько более раннему времени. На это указывает декоративная отделка клинка. Вдоль лезвия сабли с каждой стороны протя-

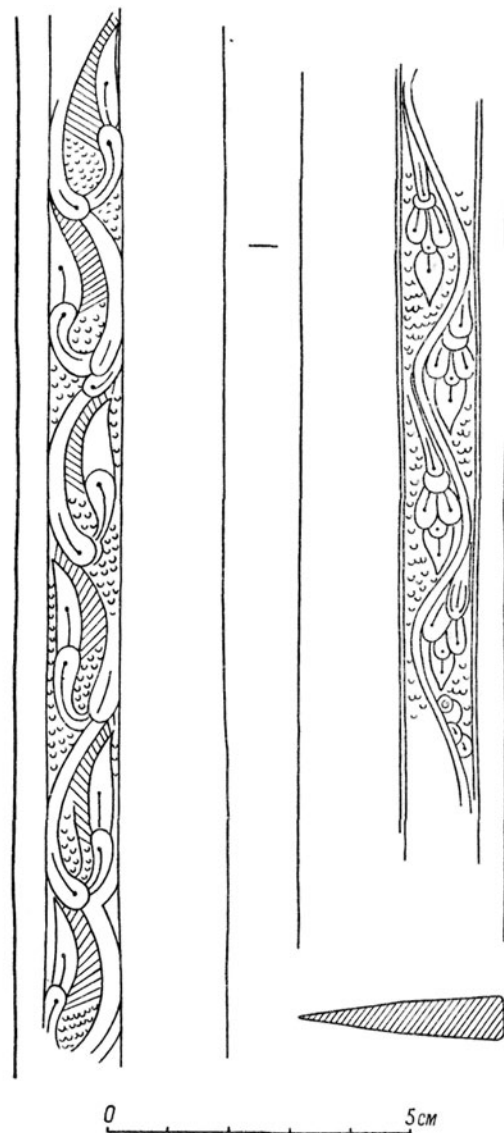

Рис. 15. Орнаментальная, медно-золоченая полоса на сабельном клинке, Киев (7). Схематическая прорисовка Г. Ф. Корзухиной.

нуты золоченые полосы с гравированным орнаментом, встреченном на русских и венгерских памятниках второй половины X в. (рис. 15).¹⁶ Ближайшие изобразительные аналогии демонстрируют обкладка рукояти меча и навершие плети из курганов Киева и Га-

¹⁴ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 113.

¹⁵ Верхняя часть упомянутой выше роскошной сабли (8) из раскопок М. К. Каргера в Десятинной церкви была отломана при повреждении саркофага в позднее время (М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 102).

¹⁶ Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в., стр. 85. — Сердечно благодарим Г. Ф. Корзухину за прорисовку орнамента, различного на обеих сторонах сабли.

лича.¹⁷ По характеру своих украшений клинок Хойновского очень напоминает так называемую саблю Карла Великого, относимую к числу выдающихся произведений киевского или восточноевропейского ремесла не ранее 950 г.¹⁸

Как ни мал археологический материал, он показывает, что в погребениях южнорусских феодалов сабля начинает заменять меч. Видимо, во второй половине X в., а особенно около 1000 г., киевские дружинники располагали и владели новым оружием; времена, когда хазарская и печенежская сабли противоставлялись русскому мечу, уже прошли.¹⁹

В отличие от рассмотренного выше периода вещественный материал XI—XIII вв. значительно обильнее (по нашим подсчетам, сабель этого времени 133 экз.), но выглядит более скромно. Производство сабель, несомненно расширившееся к XII—XIII вв., упрощается (как и мечей). От богато отделанных клинков с многослойной сваркой железных и стальных пластин оружейники переходят к выпуску внешне ничем не отмеченных образцов с технически менее трудоемкой наваркой на железную основу стального лезвия или цементацией цельножелезной полосы.²⁰ Отдельные экземпляры XII—XIII вв., украшенные серебряной и золотой инкрустацией, не меняют общей картины.²¹

В XI—XIII вв. произошли существенные сдвиги в распространении сабель. Территория, где находят искривленные клинки, расширилась на север вплоть до Минска, Новгорода и Суздальского Ополя.

Особую популярность завоевывает сабля у южнорусских конников. Почти половина всех находок происходит из курганов Подорожья (во всей Европе, пожалуй, нет района, археологически столь насыщенного этим оружием) и заметная доля из киевских и волынских городов.²² Сабли из черноклобуцких

могил не отличаются от найденных в близлежащих русских городских центрах. Это сходство указывает на то, что многие из своих клинков кочевники-федераты получали, очевидно, от ремесленников Киева и городов его округи. Распространение сабель в первую очередь в лесостепной полосе подтверждают и письменные источники. 15 раз упоминается этот вид оружия в летописях и в «Слове о полку Игореве» почти исключительно в событиях южнорусской военной истории (XI—XIII вв.). Саблями борются русские и союзные им берендеи.²³ Даниил Галицкий, явившийся на помощь уграм, имел саблю, украшенную золотом, чем особенно поразил немецких послов.²⁴ В «Слове о полку Игореве» саблями рубят и рассекают половецкие и аварские шлемы.

Внедрение сабли не привело, однако, к вытеснению меча (в России наступит это значительно позже, а именно в XVI в.). Даже в эпоху своего широкого распространения, в XII—XIII вв., сабля потеснила меч лишь в ближайших со степью местах. Так, в некоторых киевских и волынских городах сабель найдено в два-три раза больше, чем мечей.²⁵ В Поднепровье имеются памятники, где встречаются только сабли (Сахновка, Воинская Гребля). В целом же в русской военной практике (особенно, в отношении северных и центральных областей) в течение всего домонгольского периода первенство в использовании, пожалуй, принадлежало мечу, что нашло отражение и в источниках. Так, в летописных эпизодах меч упомянут 52 раза, а сабля только 10; на миниатюрах Радзивилловской летописи нарисованы 220 мечей и 144 сабли.²⁶ Дело, конечно, не только в цифровых сравнениях. Меч был более древним европейским оружием, за ним стояло преимущество традиции. Меч годился и конному, и пешему; иногда он был

¹⁷ N. Fettich. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. AN, t. XXI, Tafelband, Budapest, 1937, табл. XXXIX и CXXXV, 20.

¹⁸ А. Н. Кирпичникова. Так называемая сабля Карла Великого. СА, 1965, № 2, стр. 268—276.

¹⁹ Ср. летописный рассказ о полянской дани хазарам (Ипатьевская летопись под 968 г.).

²⁰ В. В. Арндт. О технике древнего клинкового производства. Архив истории пауки и техники, вып. 8, М. — Л., 1936, стр. 166; Б. А. Колчин. Опыт металлографического анализа древнерусских железных вещей. КСИИМК, вып. XXX, М. — Л., 1949, стр. 43—48, рис. 5, 1.

²¹ В каталоге находок, 29, 74, XXIII, XXX и XXXI.

²² Можно предположить, что среди сабель, найденных в русских городах, погибших в 1237—1241 гг., находятся и монгольские (по свидетельству П. Карпини, монгольская знать имела сабли), но опознать их нам не удалось. Вообще специально монгольское оружие XIII в., за исключением стрел, неизвестно, и это не случайно. Оружие завоевателей большей частью, по-видимому, было оружием тех стран, по которым они

проходили, сея смерть и разрушения. Разграничение монгольского и русского оружия хотя и не бесполезно (стрелы), но по крайней мере сейчас кажется мало перспективным.

²³ Ипатьевская летопись под 1146 г.; Никоновская летопись под 1186 г.; В. Н. Татищев. История Российская, кн. 2, М., 1773, стр. 209; ср.: кн. 3, М., 1774, стр. 47.

²⁴ Ипатьевская летопись под 1252 г.

²⁵ На Княжьей Горе найдено 5 мечей и 14 сабель, на городище у с. Городище Хмельницкой области (раскопки М. К. Каргера в 1957—1962 гг.) — 8 мечей и 16 сабель (подсчитывались целые вещи и их обломки). Нужно подчеркнуть приблизительность этих сравнений. Дело в том, что перекрестья и навершия у сабель (а именно по ним часто приходилось вести счет) менее прочно скреплены с клинком, чем у мечей. Поэтому несоответствие в числе сабель и мечей, найденных в городищенских слоях, в известной мере может объясняться разной долговечностью и прочностью самих вещей. Детали сабель чаще, чем у мечей, могли ломаться и теряться даже в мирное время.

²⁶ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 20.

достаточно тяжел для мощного удара, иногда достаточно мобилен для облегченной борьбы. Сабля являлась относительно новым оружием, притом исключительно всадническим; в землях с сильной пехотой и малоподвижными строями ее применение было ограничено. Далее, в XII—XIII вв. наметилось общее утяжеление воинского снаряжения, одновременно растет значение средств пехотного сражения. В этих условиях использование мечей не только не уменьшилось, а скорее увеличилось; они были лучше, чем сабли, приспособлены для целей тяжеловооруженной борьбы. Обращение феодальных дружин к методам конного сражения повлекло около 1000 г. изменение рукоятей мечей. Определенное значение имел здесь и сабельный бой. В XIII в., как будет показано ниже, сабли сами испытали влияние мечей и стали массивней. Это явление можно объяснить важной и активной ролью меча, остававшегося в руках средневекового рыцаря могущественным средством нападения и защиты.

В раннесредневековой Европе существовали две страны, очень сходные по применению клинкового оружия.³⁷ Это Венгрия и Русь. В этих странах сходство военных и тактических условий, столкновения с различными приемами борьбы породили одновременное употребление прямой и искривленной рубящей полосы. Различие состояло в том, что мадьяры, начав с сабли, пришли к мечу, а русские, начав с меча, пришли к сабле. Соседство меча и сабли, возникшее в результате военного и технического соприкосновения тяжеловооруженного европейца и подвижного кочевника, отражает не только взаимодействие влияний Запада и Востока, но и разнообразие условий внутренних и внешних войн, условий, требовавших использовать в нужный момент наиболее эффективное оружие. Этим и было вызвано соперничество мечей и сабель на Руси, определившее на много столетий вперед своеобразие в развитии местного холодного оружия.

Обратимся теперь к систематике конкретного материала, Обследование сабель Восточной Европы выделяет ряд признаков, которые возникли еще в докиевский период и почти не изменились в течение последующих столетий. Таковыми являются: легкий наклон стержня рукояти к лезвию равный $5-8^\circ$,²⁸ обоюдоострая треть или четверть нижней ча-

²⁷ Сабля проникает в Южную и Центральную Европу в эпоху крестовых походов, во Франции она появляется в середине XIII в., в Сербии — в XIV в., и Германии около 1500 г. Интересно, что славянское название этого оружия вошло во многие европейские языки, в том числе во французский и немецкий.

²⁸ Имеется в виду угол, образованный осью верхней трети клинка и осью стержня рукояти. Угол же наклона рукояти (учитывая «склоненность» навершия) к клинку надо представить себе равным не меньше 20° .

сти клинка, доли и елмань (правда, елмань у сабель X—XIII вв. встречается в исключительных случаях).

К числу сабельных частей, которые претерпевали изменения, относится прежде всего сама полоса (рис. 53, 1—4). Клинок X — первой половины XI в., достигающий 1 метра, к XII—XIII вв. удлиняется на 10—17 см. Одновременно увеличивается кривизна полосы (измеряемая в наивысшей точке изгиба) с 3—4. 5 см (X — первая половина XI в.) до 4. 5—5. 5 и даже 7 см (в XI—XIII вв.).²⁹ Ширина клинка, первоначально равная 3—3. 7 см, достигает в XII—XIII вв. 4. 4 см (в среднем 3. 5—3. 8 см). Таким образом, трехвековая эволюция сабельной полосы происходила в сторону удлинения, большего изгиба и увеличения веса. Здесь, по-видимому, действовали военно-тактические причины, в большой мере сходные с теми, которые обусловили изменение меча (утяжеление вооружения, усиление прочности и поражающих свойств клинков, увеличение их «достающей возможности» в бою).

Рассмотрение сабельных клинков выявляет общую тенденцию в развитии этого оружия в раннесредневековой Восточной Европе. Чем древнее сабля, тем меньше ее длина, выгиб полосы и уже лезвие,³⁰ т. е. по своим данным она приближается к палашу.³¹ Длинные, значительно искривленные клинки появляются в XIV—XV вв.,³² с палашом, а тем более с мечом, их уже никак не спутаешь.

Сабли X—XIII вв. (особенно более древние) изогнуты в общем довольно незначительно и притом равномерно. По терминологии нового времени такие изделия принадлежат к числу распрямленных клинков и ближе всего напоминают шашки образца 1881 г.³³ Сходство здесь не только формальное, но и функциональное, теми и другими можно было

²⁹ Мы пользуемся методикой измерения сабельных клинков, предложенной В. В. Арндтом [W. Arndt. Vorschlag zur Beschreibung von Säbelklingen. ZWK, NF, Bd. 4 (13), Heft 2, Berlin, 1932, стр. 43—44; В. В. Арндт. К вопросу об измерении сабельных клинков. Архив АИМ, ф. 3р, оп. 2, № 173, лл. 1—4 и рис. 1. Место наивысшего изгиба сабли X—XIII вв. расположено примерно на середине длины ее клинка.

³⁰ Для сравнения приводим данные о саблях VIII—IX вв.: общая длина 1 м, ширина лезвия 2. 9—3. 3 см, выгиб полосы 3 см, наклон стержня рукояти $15-20^\circ$ (W. Arndt. Türkische Säbel..., стр. 59 и сл.).

³¹ Отсюда происходит частая путаница раннесредневековых сабель с палашами и даже с мечами.

³² Данные о саблях XIV—XV вв. таковы: общая длина 110—119 см, ширина лезвия 3. 5 см, выгиб полосы 6. 5—9 см, наклон стержня рукоятки $5-10^\circ$. Хорошие собрания сабель этого времени имеются в Эрмитаже и ГИМе, изданы они незначительно (ОАК за 1896, стр. 8—10, рис. 53; 54 и 60; ОАК за 1903, стр. 75—76, рис. 154 и 161).

³³ В. Г. Федоров. Холодное оружие, рис. 99—100.

и рубить, и колоть. Правда, шашки были универсальным пехотно-кавалерийским оружием, наши же сабли, как более длинные, могли удобно носить и использовать только всадники.

Подробную классификацию сабель (рис. 13) мы смогли осуществить не по их клинкам, а главным образом по перекрестьям и отчасти по навершиям (из 150 учтенных экземпляров 72 сохранили свои гарды и навершия).

Сабельный эфес отличается от мечевого своей легкостью и более хрупким (в отношении долговечности) соединением своих частей.

ТАБЛИЦА 5

Детали сабельного эфеса X — первой половины XI в.

Место находки	Типы перекрестий			Типы наверший		Всего
	I	IA	IB	I	II	
Курекая обл. (Гочево)	—	—	1	1	1	3
Черниговская обл. (Шестовицы)	—	1	—	—	—	1
Киевская обл. (Сахновка)	—	1	—	—	—	1
Киевская обл. (Княжа гора)	1	—	1	—	—	2
Киевская обл.	—	1	—	—	—	1
Харьковская обл. (Карачевка)	1	—	—	—	—	1
Ростовская обл. (Цимлянская)	1	—	—	—	—	1
Молдавия (Екимауцы)	—	1	—	1	—	2
Итого	3	4	2	2	1	12

К примеру, навершие сабли не могло служить своеобразным противовесом, как у меча; оно представляло собой обычно полый цилиндр, надетый на оконечность деревянной рукояти; для удержания руки к навершию на маленьком колечке прикреплялся темляк. Начиная с X в., самыми распространенными были навершия уплощенно-цилиндрической формы (тип I).³⁴ По своей выделке они, как правило, очень утилитарны³⁵ и по своим пропорциям

³⁴Нами зафиксировано 12 таких наверший (в каталоге, 3, 17 и сл.). В XII—XIII вв. верхняя плоская сторона навершия типа I становится немного выпуклой.

³⁵Исключение представляет серебряное навершие с рельефным растительным орнаментом из Екимауц (в каталоге, 17). По своему узору навершие аналогично сабельному наконечнику пожен из погребения воина-кочевника, у д. Юпитер Восточно-Казахстанской области (курган 4, раскопки С. С. Черникова в 1955 г.). Благодарим С. С. Черникова за сведения об этой находке.

часто соответствуют наконечникам сабельных ножен (рис. 54, 7). Навершие иной, грушевидной формы (тип II), замеченное в аланских и венгерских древностях,³⁶ обнаружено только на одной из гочевских сабель (рис. 53, 1). Можно, пожалуй, уверенно считать, что позже XI в. эта форма не встречается.

Самым подвижным, типологически и хронологически изменчивым элементом сабли была гарда. Способ ее крепления к клинку типичен только для данного оружия. Сабельное перекрестье, снабженное посередине двухсторонними овальными углублениями, удерживалось в горизонтальном положении сверху деревянными обкладками стержня рукояти, снизу плечиками лезвия и специальной обоймой, насаженной на верхнюю часть клинка (рис. 54, 5). По формам перекрестья делятся на несколько компактных групп (типов). Их описание мы начнем с древнейших (см. табл. 5).

Тип I. Перекрестье прямое с шарообразными увенчаниями на концах. Гарды этой формы восходят к аварскому времени, а в IX—XI вв. были распространены от северного Поволжья и Предкавказья до Венгрии.³⁷ Следует отметить, что в X в. перекрестья рассматриваемого типа все настойчивее вытесняются другими формами. Для XI в. они кажутся уже архаичными. Три русских находки относятся, вероятно, к X—XI вв.³⁸ Наибольший интерес представляет клинок с перекрестьем описанного типа из Донецкого городища. Автор раскопок Б. А. Шрамко любезно сообщил нам, что он найден в слоях начала X в. В таком случае это самая древняя из обнаруженных ныне русских сабель.

Развитие сабельных перекрестий идет по пути искривления и загиба их концов книзу. Подобное превращение (известное также на мечах) создавало руке большие удобства при рубке самим клинком. Именно таковы изогнутые перекрестья с шарообразными оконечниками (тип IA), найденные у нас в археологических комплексах второй половины X—XI вв.³⁹ Для указанного времени изогнутое перекрестье с шариками хорошо известно в находках Восточной Европы и, вероятно, преобладало

³⁶J. Hampel. *Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn*, Bd. II, Braunschweig, 1905, табл. 403; A. Zakharow und W. Arendt. *Studia Lavedica*. AN, t. XVI, Budapest, 1935, табл. II.

³⁷B. Posta. *Archaeologische Studien auf russischen Boden*. Budapest—Leipzig, 1905, рис. 40 и 149; Н. Я. Мерперт. Из истории оружия, стр. 148, рис. 4; J. Hampel. *Altertümer...*, Bd. I, рис. 481. — Перекрестье типа I очень точно изображено на персидских миниатюрах XIII в. (A. Ates. *Un vieux poème romanesque persan: récit do Warqah et Gulshah*. *Ars Orientalis*, v. 4, Baltimore, 1961, табл. 9, 24).

³⁸В каталоге, 11, 13, 14.

³⁹В каталоге, 6, 9, 12 и 17.

на клинках древнерусских, мордовских, аланских, адыгейских, венгерских и др.⁴⁰ Именно этот тип гарды изображен на сабле славянского Збручского идола.⁴¹ Вариантом описанной формы являются бронзовые перекрестья нерпой половины XI в. из Гочева (рис. 16) и Княжой Горы (тип ИБ).⁴² ОНИ совершенно одинаковы (состоят из соединенных вместе двух половинок) И, как установил Б. Л. Рыбаков, отлиты в одной форме.⁴³ Русское происхождение этих вещей удостоверяют и их рельефные орнаменты из цветов и плетений. Для лучшего скрепления с рукоятями эти перекрестья имеют сверху мысовидный прилив.

Находки бронзовых гард важны в том отношении, что свидетельствуют о существовании в XI в. в среднем Поднепровье собственного производства, если не самих клинков, то их рукоятей.

Итак, ранняя группа перекрестий с шариками на концах, представленная у разных племен Восточной Европы частично еще в докиевское время, показывает, что сабли, имея в виду оформление их рукоятей, были заимствованы Русью в уже сформировавшемся виде. Начиная с XI в., сабельные эфесы декоративно и стилистически получают местную окраску.

Какими были сабельные гарды в последующее время? В XI—XIII вв. наиболее распространенными были прямые перекрестья с ромбическим расширением на середине их длины, если смотреть сбоку (тип II - рис. 53, 2-4 и рис. 54, 1-3).⁴⁴ Перекрестья этого типа найдены 39 раз (в том числе на клинках и отдельно) в полосе от Новгорода до Цимлянкой.⁴⁵ Больше половины их встречено в среднем Поднепровье. Характерно, что все типологически определе-

мые сабли из поросских курганов были снабжены гардой описанного образца. Популярность перекрестий ромбической формы объясняется их простой и рациональной конструкцией. Боковые стороны такой гарды оформлены в виде щиткообразных расширений. Благодаря этой особенности перекрестье приобретало большую прочность на излом при повреждении, а также более надежно соединялось с рукоятью и плотнее удерживало надетые ножны. Кроме того, боковые мысовидные выступы, выдаваясь несколько над клинком, задерживали неприятельское ору-

Рис. 16. Перекрестье сабли, Гочево (2).

Репродукция из альбома Д. Я. Самоквасова, Археологический кабинет исторического факультета МГУ.

жие, падающее вдоль полосы, и не давали ему соскользнуть на рукоять.⁴⁶ Подобного рода защитные возвышения перекрестья возникли еще у сабель VII—IX вв.⁴⁷ и в отчетливом виде постоянны на образцах второй половины XI—XIII вв. В этом отношении сабли значительно опередили мечи, у которых центральные защитные щитки перекрестья хотя и встречаются в XII в.,⁴⁸ но в основном относятся к эпохе развитого средневековья.⁴⁹ Сабли с «ромбическим» перекрестьем и «останавливающим» щитком, подобно романским

⁴⁰ В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильник Тамбовской губ. МАР, № 10, СПб., 1893, стр. 17, рис. 21; В. Поста. *Archaeologische Studien...*, рис. 52 и 192; В. В. Саханев. Раскопки на северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, в. 56. Пгр., 1914, стр. 196, рис. 50; J. Hampel. *Alterthümer...*, Bd. I, рис. 484; 485 и 487; 488. — Этот тип перекрестья выделен В. Арндтом для венгерских сабель.

⁴¹ Ф. Д. Гуревич. Збручский идол. МИЛ, № 6, 1946, стр. 286—287, рис. 8.

⁴² В каталоге, 2 и 10.

⁴³ Б. А. Рыбаков. *Ремесло...*, стр. 227.

⁴⁴ В каталоге, 19, 26, 29, 33—42, 44, 47—48 (?), 51, 53, 55 (?), 57—58, 62, 65 (?), 72, 74, 76, 86—88, 90—91, 95—101, 109. — У некоторых перекрестий мысовидные возвышения расположены не по центру, а сдвинуты вбок.

⁴⁵ Перекрестья ромбической формы распространены от Прикамья, среднего Поволжья и Подонья до Венгрии (А. Спицын. *Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых.* МАР, № 26, СПб., 1902, табл. XXVII, 15; В. Поста. *Archaeologische Studien...*, рис. 192, 2; Z. Toth. *Attilas Schwert.* Budapest, 1930, рис. 20).

⁴⁶ Э. Ленц. Указатель отделения средних веков.⁴⁷, стр. 42.

⁴⁷ В. В. Саханев. Раскопки на северном Кавказе..., табл. III, 6; А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, М., 1901, табл. XX; 2; Ю. В. Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, вып. XII, 1951, рис. 30; 34 и 36.

⁴⁸ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 122, рис. 8.

⁴⁹ E. Wagner, Z. Drobňá, J. Durdik. *Kroje, zbroja zbraně doby předhusitské a husitské*, č. 5, Praha, 1956, табл. 2, 7; 4, 1.

мечам, были предназначены не только для одноактной рубки, но и для простейших фехтовальных манипуляций. Разница состояла в том, что многократное употребление сабли в быстротечном конном бою сопровождалось, вероятно, большим эффектом, чем подобные приемы с мечом.

Дальнейшее развитие перекрестий ромбической формы заключается в том, что их концы несколько опускаются или, расширяясь, переходят в дисковидные или овальные увенчания. При таком устройстве гарды вражеский удар, с какого бы направления он не приходился, не мог соскользнуть на рукоять и, таким образом, оказывался как бы «запертым» со всех основных сторон. Перекрестья с опущенными концами появляются в первой половине XIII в. (тип ПА).⁵⁰ Во всяком случае к этому времени можно уверенно отнести 4 из 5 известных нам находок. Гарды несколько иной формы, с расширениями на концах (тип ПБ — рис. 54, 4), представлены 5 экземплярами,⁵¹ причем самые ранние — из Новогрудка и Минска — не моложе XII в., поздние — из Грубского и Городища — не старше первой половины

XIII в. Таким образом, перекрестья «запертого вражеского удара» связываются с XII в. и главным образом с первой половиной XIII в.⁵² Они показывают, какое большое значение оружейники того времени стали придавать круговой защите руки при действии саблей.

ТАБЛИЦА 6
Детали сабельного эфеса XI—XIII вв.

Место находки	Типы перекрестий				Типы наверший	Всего
	II	ПА	ПБ	ПШ		
Новгород	4	1	—	—	—	2
Минск	—	—	1	—	—	1
Новогрудок	—	—	1	—	—	1
Суздальское Ополье	1	—	—	—	—	1
Киев	1	1	—	—	—	2
Киевская обл. (Сахновка)	3	—	—	—	—	3
Киевская обл. (Княжа Гора)	7	1	—	—	—	8
Киевское Поросье	13	—	—	—	7	20
Полтавская обл. (Воинская Гребля)	3	—	—	1	—	4
Житомирская обл.	2	—	1	—	—	3
Хмельницкая обл. (Городище)	7	2	2	1	3	15
Ростовская обл. (Цимлянская)	1	—	—	—	—	1
Итого	39	5	5	2	10	61

⁵⁰ В каталоге, 18, 30, 43, 102, 103.

⁵¹ В каталоге 21, 22, 92, 104—105. У некоторых перекрестий типа ПБ перед дисковидными оконечностями расположены еще шарообразные утолщения. Отметим, что перекрестья рассматриваемого типа периодически встречаются на мечах и саблях с XIV по XIX в. (ср.: W. Boehm. Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890, рис. 287; 314 и 316; E. Wagner, Z. Drobna, J. Durdik, Kroje..., ч. 5, табл. 15, 2).

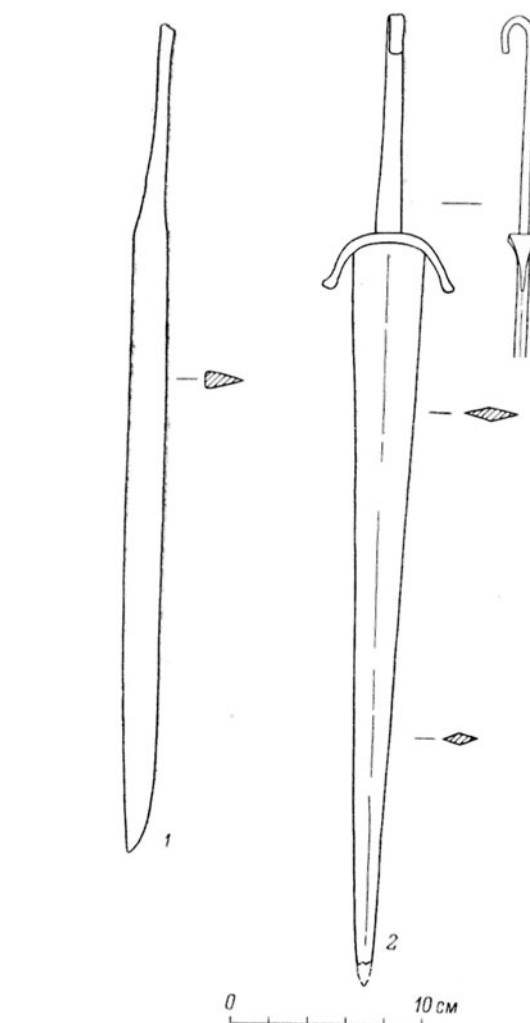

Рис. 17. Скрамасаксы (1) и кинжалы (2).

1 — Михайловское (3); 2 — Торопец (2).

Несколько иначе предохраняла руку гарда с боковым защитным мысиком и круглым вытянутым, как у романского меча, стержнем (тип ПШ).⁵³ Соскакивание неприятельского клинка предотвращалось здесь не приданием перекрестью изгиба или задерживающими расширениями на концах, а длиной и прочно-

⁵² Перекрестья обоих описанных выше типов, кроме Руси, встречены также в Волжской Болгарии (ср.: Н. Я. Мерперт. Из истории оружия..., стр. 137, рис. 2, 2; В. Posta. Archaeologische Studien, рис. 192, 4, 5).

⁵³ В каталоге, 89 и 108.

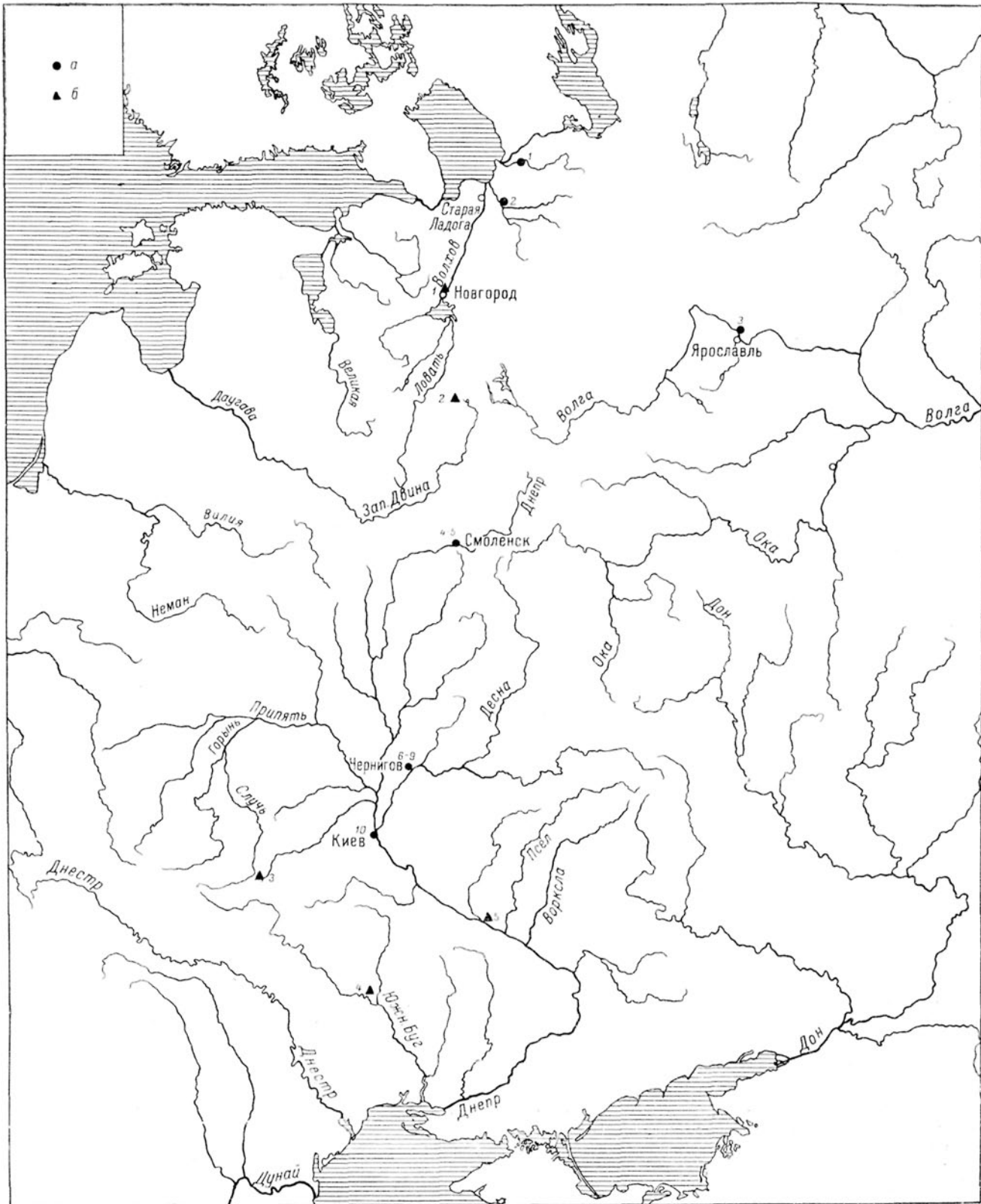

Рис. 18. Скрамасаксы и кинжалы X—XIII вв. Карта находок.
 а — скрамасаксы, б — кинжалы.

стью самого бруска. Перекрестье этого типа, в сущности, очень сходно с мечевым. Можно усмотреть здесь хотя и выраженное в деталях влияние меча на саблю. Хронологически это явление можно приурочить к XIII в., когда замечается утяжеление сабли и развивается массивность ее отдельных частей. К этому же времени относятся два перекрестья типа III из Воинской Гребли и Городища.⁵⁴

Итак, развитие перекрестий XI—XIII вв. обнаруживает постоянное конструктивное усовершенствование сабельного эфеса и, следовательно, всего оружия в целом. В процессе этого развития появились устройства, обеспечивающие круговую защиту руки воина (типы IIА, IIБ, III; см. табл. 6). Наряду с формами, общими для Восточной Европы (тип II), в русских городах найдены гарды в большинстве, вероятно, местного происхождения (типы IIА, III и, очевидно, IIБ). Развитие русских клинков XII—XIII вв. не несет на себе явных признаков зависимости от кочевнических образцов. Более того, ни одно из новообразованных перекрестий XII—XIII вв. не встречено у степняков, а сходные находки из Волжской Болгарии можно, пожалуй, рассматривать как использование или заимствование русских форм. Таким образом, русские оружейники не только перестали копировать восточные образцы, но и сами выступили в роли изобретателей. Остается добавить, что перекрестья, которые начали использовать в XII—XIII вв., оказались настолько целесообразными, что неоднократно в течение многих последующих столетий они повторялись на мечах и саблях разных стран.

Несколько замечаний о боевых ножах и кинжалах (рис. 17 и 18). Большие боевые ножи или скрамасаксы (9 экз.) обнаружены в богатых погребениях X в.⁵⁵ почти всегда вместе с мечами. По отношению к последним скрамасаксы выступают, следовательно, как подсобное, дополнительное оружие с режуще-колющей функцией. Длина их достигает 50 см, обычная ширина 2—3 см (рис. 17, 1). На Руси и в Скандинавии эти ножи носились в ножнах с характерными городчатыми обоями с Т-образными прорезями. Скрамасаксы унаследо-

⁵⁴ Кроме Руси, перекрестья типа III происходят из волго-болгарских городов (два экземпляра находятся в ГИМе, хр. 119/54а, один — в Государственном музее Татарии в Казани) и встречаются (иногда в несколько видоизмененном виде) на саблях XIV—XVI вв. (Г. Шкриванич. Оружье у средневековой Сербии, Босни и Дубровнику. Београд, 1957, рис. 23 и 24, 5, 6).

⁵⁵ См. каталог находок. Десятый однолезвийный прямой клинок мы не решаемся безоговорочно отнести к скрамасаксам. Может быть, это обломок сабли или палаша.

ваны от эпохи Меровингов, когда они являлись типичным оружием франков (в VI—VII вв. кое-где на севере Европы они даже вытеснили двулезвийные мечи).⁵⁶ На Руси скрамасаксы появились, наверно, вместе с мечами как западное (или северо-западное) европейское заимствование. Для X в. это оружие уже архаично, а в XI в., очевидно, и вовсе исчезает.⁵⁷

Непременной принадлежностью воина XI—XII вв. был нож, носился он в чехле у пояса (это видно по погребениям). Воинские ножи в большинстве случаев не отличаются от обычных бытовых. И те и другие были разного размера, однако всегда меньше, чем скрамасаксы. Для воина нож являлся универсальным хозяйственным и походным инструментом. Специально боевые ножи (включая скрамасаксы) изготовлялись, по-видимому, довольно редко (возможно, к боевым следует отнести некоторые ножи длиной свыше 20 см). Можно согласиться с А. В. Арциховским, который пишет: «Ножи нельзя причислять к оружию, хотя бы и массовому. Летопись только в показание неслыханной ожесточенности боя при осаде татарами Козельска говорит: „Козляне же ножи резахуся с ними“. В таком бою шла в ход вся домашняя утварь». ⁵⁸ По летописи употребление ножей, как правило, связано не с борьбой организованных масс людей, а с единоборством богатырей, убийством или увеченном поверженного и безоружного человека.⁵⁹ Все известное о тактике сражения XI—XII в. тоже не свидетельствует о регулярном боевом использовании ножей. Не подтверждается такое использование и упоминанием в «Слове о полку Игореве», засапожников.⁶⁰ Эта ссылка в данном контексте подчеркивает отсутствие или недостаток оружия, а само название «засапожники» указывает всего лишь на ношение ножей за голенищами сапог в конном передвижении (что археологически еще не подтверждено).

Нехарактерным оружием домонгольской Руси был и кинжал (рис. 18). В состав снаряжения европейского, в том числе и русского

⁵⁶ Н. Salmo. Die Waifen der Merowingerzeit in Finnland. SMYA, XLII: 1, Helsinki, 1938, стр. 156—157; Pär Olsén. Die Saxe von Valsgärde. Uppsala, 1945.

⁵⁷ Скрамасаксы не следует смешивать с так называемыми жертвенными ножами, найденными в курганах Гнездова, Чернигова и Пересопницы (Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, гтр. 41, рис. 14; Е. И. Тимофеев. Славянские языческие могильники Волыни X—XIII вв. Уч. зап. Хабаровск. пед. инст., т. VI, 1961, стр. 93).

⁵⁸ А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв., стр. 4—5.

⁵⁹ Лаврентьевская летопись под 1015, 1022, 1097 и 1128 гг.

⁶⁰ «Тии (кочевники, вассальные черниговскому князю, — А. К.) бо бесшитов с засапожники кликом плекы побеждают» (А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М. — Л., 1946, стр. 72).

рыцаря, кинжал вошел примерно в XIII в., что не исключает существования отдельных образцов (например, найденного в Новгороде)⁶¹ и в более раннюю пору. Кинжалы закономерно распространились лишь в эпоху утяжеления вооружения как средство поражения бронированного противника в тесном бою. Русские кинжалы XIII в. сходны с западноевропей-

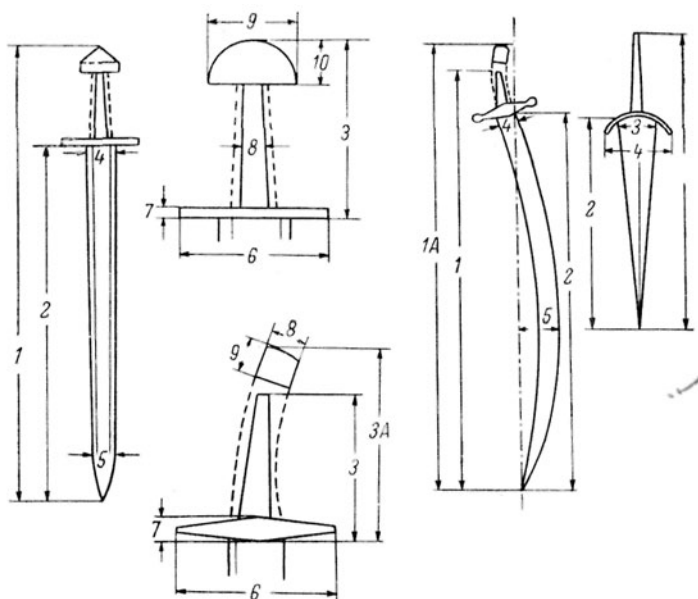
⁶¹Каталог находок, 1. Еще один ранний кинжал недавно найден в Белоозере (КСИА, вып. 96, 1963, стр. 64, рис. 19, 1).

скими;⁶² они удлиненно-треугольной формы с изогнутым пластинчатым перекрестьем. Лучшим является кинжал из Торопца (2; рис. 17, 2), имеющий точные вещественные и иллюстративные аналогии.⁶³

⁶²H. Schneider. Untersuchungen an mittelalterlichen Dolchen aus dem Gebiete der Schweiz. Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte, Bd. 20, Heft 3, Basel, 1960, стр. 91 и сл., табл. 35; 36; 37.

⁶³В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1884, табл. LXIX, 4; London museum catalogues, № 7. London, 1954, табл. VI, 4.

КАТАЛОГ

Наименование населенных пунктов и областное под которыми они уже опубликованы. В графе «Источник» и номер рисунка. Год и место издания приводятся метов, использованная при составлении каталога, числены в каталоге особо. Нумерация предметов для

Рис. 19. Система измерений.
Графическое пояснение к каталогу находок.

МЕЧИ IX—XIII ВВ.

№ п. п.	Место находки	Обстоятельства находки			Тип	Дата	общая длина	длина клинка	высота рукояти	ширина лезвия у перекрестья
		руководитель раскопок	год	комплекс						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

Мечи IX — первой

1	Бор, Юго-Восточное Приладожье.	Случайная находка.	1928	Из кургана (?).	В	IX в.	79.3	63.7	15.6	4.5
2	Новоселки, Смоленская обл.	Е. А. Шмидт.	1954	Курган 5.	В	2-пол. IX в.	94.2	80.6	13.6	5
3	Неизвестно.	Из бывш. колл. А. Бобринского.	—	—	В	IX в. (?).	97.5	81	16.5	5.3
4	Михайловское, бывш. Ярославская губ.	В. А. Городцов.	1902	Курган 1.	Д	2-я пол. X в.	58	43.7	14.3	5.9
5	Гнездово, Смоленская обл.	Д. А. Авдусин.	1950	Курган 2, 4-2	Д	X в.	92	74	18	5.8
6	Залющик, Юго-Восточное Приладожье.	Д. Европеус.	1874	Курган 1.	Н	2-я пол. X в.	97	81.7	15.3	5.7
7	Пиркинское, там же.	»	1876	Из кургана.	Н	X в.	94	78.6	15.4	5
8	Юго-Восточное Приладожье.	—	ок. 1813	Из кургана (?).	Н	X в. (?).	—	—	—	—

НАХОДОК

деление, приведенное в каталоге, соответствуют существовавшим в момент обнаружения предметов и тем данным, «ник информации» указывается, если возможно, наименование периодического или серийного издания, страница один раз и при повторных ссылках опускаются. Тире обозначает отсутствие сведений. Система измерений расшифровывается на схеме (рис. 19). Вещи, тип которых по тем или иным причинам не был установлен, пере-

(ТИП ИЗВЕСТЕН)

Измерения в см						Источник информации о находке	Место хранения	Примечания
ширина лезвия в 3 см от оконечности	ширина перекрестья	высота перекрестья	ширина стержня рукояти	ширина наверхия	высота наверхия			
12	13	14	15	16	17	18	19	20

ПОЛОВИНЫ XI В.

3.4	6.2	1.5	1.7	5.2	3.7	W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit. . . , Stockholm, 1930, стр. 113—114, рис. 123.	Гос. Эрмитаж, ОИПК, 700/457.	На лезвии дамаскированный узор.
2.4	8.7	2.5	2.3	6.2	—	МИСО, в V, Смоленск, 1963, стр. 126, рис. 17, 1.	Смоленский музей.	На лезвии дамаскированный узор, наверхие частью обломано.
2.5	8.2	2	1.5	7.4	4.2	Сведения БИМа.	КИМ, 21753, с-69016, в-2592.	На лезвии дамаскированный узор.
—	11	3	2.3	9	2.2	НАК, прибавление к вып. 6. СПб., 1903, стр. 17—18; МНА, № 32, 1953, рис. 108.	ГИМ.	Верхушка наверхия и часть клинка отломаны, на лезвии знаки.
3	10	2.8	2.6	9	6.2	КСИИМК, в. XLIV, М., 1952, рис. 26, 1 на стр. 96.	Смоленский музей.	Лезвие погнуто.
3	11	1.6	2	7.2	4	ESA, t. IV, Helsinki, 1929, стр. 240—245, рис. 2.	Национальный музей Финляндии, 1675:1.	На клинке надпись Ulfberht.
—	9.2	1.9	1.9	8.5	4	Там же, стр. 231.	Там же, 2002:1.	Лезвие дамаскировано.
—	—	—	—	—	—	А. Оленин. Литографированные рисунки к Опыт о славянах. СПб., 1833, стр. 7, табл. X.	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
9	Бывш. С.-Петербур- бургская губ.	Л. К. Иванов- ский.	1872— 1891	Из кургана.	И	XI в. (?)	71	56,1	14,8	5,5
10	Там же.	То же	1872— 1891	» »	И	XI в. (?)	70	56	13,8	5,5
11, 12	Подболотье, ок. Мурома.	Случайные рас- копки.	1900-е	Из погребений.	И	X—XI вв.	—	—	—	—
13	Новоселки, Смо- ленская обл.	Е. А. Шмидт.	1954	Курган 4.	И	Конец IX—нач. X в.	94,8	79,8	15	5,8
14	Там же.	»	1958	Курган 13.	И	Конец IX—нач. X в.	—	—	15	5,5
15	Гнездово, ок. Смо- ленска.	Случайные рас- копки.	1898	Из кургана. ^{87?}	И	X в.	40,8	23	17,8	5
16	Там же.	В. П. Сизов.	1880 или 1885	Курган 11 или 20.	И	X в.	—	—	—	—
17	» »	Д. А. Авдусин.	1949	Курган 35.	И	X в.	87	69,5	17,5	5,5
18	Неизвестно.	Дар П. С. Ува- ровой в ГИМ.	—	—	И	X в. (?)	—	—	13,6	6
19	Шестовицы, ок. Чернигова.	П. П. Смоличев.	1925	Курган II.	И	Середина X в.	96,8	82	14,8	5
20	Там же.	Д. И. Блифельд.	1948	Курган IX/61.	И	2-я пол. X в.	95,5	80,3	15,2	6
21	» »	» »	1957	Курган 35 (41).	И	2-я пол. X в.	94,2	77,7	16,5	6,3
22	Красный Рог, Киевская обл.	Случайная на- ходка.	—	Найден в бо- лоте.	И	X в. (?)	91	78,5	13	5,5
23	Киев.	Случайные рас- копки.	1872	Из кургана или из «братской мо- гилы».	И	X в. (?)	—	—	—	—
24	Леонова, Юго-Вос- точное Приладожье.	Н. Е. Бранден- бург.	1878— 1886	Курган СХII, комплекс 6.	S	2-я пол. X в.	100	82	18	7
25	Заозерье, там же.	В. П. Равдонн- кас.	1928	Курган 6, ком- плекс VI.	S	Конец X в.	29,5	12,9	16,6	5,6
26	Селюковщина, там же.	А. М. Ливнев- ский.	1949	Из кургана.	S	Конец X в.	80	64	16	6,5
27	Харлапова, Смо- ленская обл.	Е. А. Шмидт.	1952— 1953	Курган 4.	S	1-я пол. XI в.	83	68	15	5,6

12	13	14	15	16	17	18	19	20
3	11.3	1.3	1.5	7.8	4.1	МАР, № 20, СПб., 1896, табл. XIX, I.	Гос. Эрмитаж, Арсенал, 30/1556.	Лезвие обломано.
—	12.4	1.2	2.5	6.6	2.5	Гос. Эрмитаж.	Там же, 30/6490.	То же.
—	—	—	—	—	—	Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. XII, Владимир, 1910, стр. 9, табл. 26, I, 5, I.	—	—
3	9.7	2.1	2.1	8	5.2	МПСО, в. V, стр. 126, рис. 17, 2.	Смоленский музей.	—
3	10.5	2	2.1	8.5	5	Там же, рис. 17, 3.	Там же.	Лезвие разрушено.
—	10	2.5	2.5	8.8	6	ПАК, в. 15, СПб., 1905, рис. 107, стр. 54.	ГПМ, № 195.	Лезвие обломано, на нем орнаменты и знаки.
—	—	—	—	7.3	3	МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 8—11, 21, 22.	ГПМ, хр. 117/86.	Сохранилась только верхняя часть навершия.
3	10.2	2.4	2.8	8.9	6	МПСО, в. I, Смоленск, 1952, стр. 360—361.	Смоленский музей.	Переломан на 3 части, на лезвии знаки — крест и круг.
—	10.4	2.2	1.8	8	1.8	Каталог В. Арндта, III отд. ГИМа, 1956, № 40, рис. 6.	Утрачен из колл. ГИМа.	Навершия нет, размер клинка неизвестен.
3	8.5	1.8	2	7.5	4	АА, в. II, I, 3, Копенгаген, 1931, рис. 27, стр. 290.	Черниговский музей.	На лезвии остатки надписи и знак из перекрещенных полос.
2.5	10	2.4	2	8.4	4.4	Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, рис. II, I на стр. 129.	ИА АН УССР.	Согнут пополам, на лезвии дамаскированный узор.
3.2	11.2	2	2.2	10.3	5.6	Сведения Д. П. Блифельда.	Там же.	Лезвие переломано, рукоять сбитая.
3	9.5	1.8	2	8.1	1.7	Сведения КИМа.	КИМ, 19340.	Верхушка головки отсутствует, на клинке надпись Ulfberht.
—	—	—	—	—	—	М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М. — Л., 1958, рис. 46.	Утрачен из колл. КИМа.	—
4.6	13	2.5	2.3	9.5	6	МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 59—60, рис. 18.	Гос. Эрмитаж, ОИШК, 895/3.	Обмерен вместе с ножнами.
—	13.2	1.7	2	8.9	5	W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit..., рис. 43.	Там же, ОИШК, 700/762.	Клинок почти не сохранился, на нем знаки.
3.8	15.3	3.5	2	10	3.8	Архив ИА АН СССР, № 400, л. 195 (рис.).	Петрозаводек.	Клинок разломан на 6 частей, верхушка навершия сбитая.
3	9.6	2	1.3	9	5.5	МПСО, в. II, Смоленск, 1957, табл. XX, I и 2.	Смоленский музей.	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
28	Киев (?).	Из бывш. колл. И.А. Хойновского.	—	—	S	X в. (?)	93	79	14	5
29	Подгорцы, Львовская обл.	Т. Земенцкий.	1881	Большой курган.	S	Конец X—нач. XI в.	70	51.5	18.5	6
30	Днепровские пороги, о. Хортица.	—	1928	Со дна реки.	S	X в.	93.3	77.3	16	5.4
31	Там же.	—	1928	» » »	S	X в.	93	77	16	5.6
32	Райки, Житомирская обл.	Ф. Н. Молчановский.	1929—1936	Из слоя городища.	S	X в.	92	74	18	5.8
33	Дуниковка, бывш. Полтавская губ.	Из бывш. колл. Скаржинской.	1883	Урочище «Ракиты».	S	XI в. (?)	67.5	—	—	—
34	Новгород.	Отдельная находка.	—	При срытии дома «Марфы Посадницы».	T-1	X в.	—	—	18.8	—
35	Монастырище, Орловская губ.	То же.	—	—	T-1	X в.	61	47.7	13.3	5.8
36	Днепровские пороги, о. Хортица.	—	1928	Со дна реки.	T-1	X в.	95.4	75	20.4	5.2
37	Там же.	—	1928	» » »	T-1	X в.	91.2	75	16.2	5.5
38	Харьковская обл.	Отдельная находка.	—	—	T-1	X в.	—	—	—	—
39	Вахрушева, Юго-Восточное Приладожье.	Н. Е. Бранденбург.	1878—1886	Курган CXVI, комплекс 8.	T-2	X в.	91	74	17.3	5.5
40	Заозерье, там же.	В. П. Равдоникас.	1928	Курган 6, комплекс V.	T-2	X в.	93.2	77	15.2	6
41	Чернигов.	Д. Я. Самоквасов.	1872—1873	Черная могила.	T-2	960-е годы.	82	65	17	5.3
42	Днепровский проток между Херсоном и Алешками.	Отдельная находка.	1932	Со дна реки.	T-2	X в.	94.5	78	16.5	5.5
43	Усть-Рыбежна, Юго-Восточное Приладожье.	Н. Е. Бранденбург.	1878—1886	Курган XIX, комплекс 1.	E	X в.	85.4	67	18.4	5.3
44	Михайловское, бывш. Ярославская губ.	И. А. Тихомиров.	1897	Курган 18.	E	2-я пол. X в.	96	80	16	5.5

12	13	14	15	16	17	18	19	20
—	11.5	—	—	8	6	W. Dziewanowski. Zarys dziejów urbrojenia w Polsce. Warszawa, 1935, стр. 21, табл. 21, I.	Находится в Военном музее Варшавы.	Обмер приблизителен.
—	11	2.2	1.7	10.3	7.5	Biblioteka prehistoryczna, t. 1. Poznań, 1930, табл. XLV.	Археологический музей в Кракове, 3809.	То же.
3	11.3	1.5	1.5	9.1	5.5	Изв. ГАИМК, в. 100, М.—Л., 1933, стр. 599—601, табл. I, I.	Утрачен из Днепропетровского музея.	На клинке надпись Ulfberht.
3	11.8	1.8	2	8.7	5.4	Там же, табл. I, 2.	То же.	То же.
—	12.9	2.5	1.7	10	6.8	В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XI, I.	Житомирский музей, хр. 271.	Конец клинка обломан.
—	—	—	—	—	—	Архив ЛОИА, ф. 5, № 410, л. 499 (рис. А. Спицына).	Находился в Полтавском музее.	Клинок, вероятно, обломан.
—	11.5	2.2	2	8.5	6	А. С. Уваров. Каталог собрания древностей. Отд. III—VI, М., 1907, рис. 72.	ГИМ.	Сохранилась только рукоять.
—	12.5	2.8	1.8	9.4	4.3	Древности, т. III, М., 1873, стр. 178, табл. XIV.	Гос. Эрмитаж, ОИПК, 998/1.	На лезвии надпись NRED . . . , часть клинка и основание навершия утрачены.
2.3	13	3	2	11	8	Изв. ГАИМК, в. 100, стр. 602—603, табл. I, 4.	Утрачен из Днепропетровского музея.	На клинке надпись Ulfberht.
2.8	10.5	1.8	2.2	7.5	5	Там же, стр. 603—604, т. I, 3.	То же.	На клинке крестообразные знаки.
—	—	—	—	12.5	4	Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 353, рис. 144, I.	Харьковский исторический музей.	Сохранилось только основание навершия.
1.7	10	1.8	2.1	8.4	5	МАР, № 18, табл. XI, 4.	ГИМ.	Клинок сильно испорчен.
3	11	1.6	1.9	9.5	4.5	W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit..., рис. 38, в, 39.	Гос. Эрмитаж, ОИПК, 700/456.	На лезвии надпись Cerolt.
—	9	2.2	2.2	7.7	6.1	Д. Я. Самоквасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916, рис. 25.	ГИМ.	Клинок сломан.
—	12.4	2	2	8.5	5.5	ПНДО, М.—Л., 1935, № 5—6, стр. 130—131, рис. 1—4.	Херсонский музей.	На клинке надпись Ulfberht.
3	11.2	2.3	2	8.5	6.5	МАР, № 18, стр. 102.	ГИМ, хр. 12/1.	На лезвии костыльные кресты и подковообразные знаки.
—	11.2	1.8	2	8.8	4.8	Архив ЛОИА, ф. 1, 1897, № 52, л. 44 (рис.).	ГИМ, хр. 125/456.	Сохранился частично.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
45	Гнездово, ок. Смоленска.	М. Ф. Кусцинский.	1874	Из кургана.	Е	Ок. 900-х годов.	99	82	17	6.5
46	Там же.	Д. А. Авдусин.	1949	Курган 13.	Е	Середина X в. <i>Фрагмент</i>	97.8	79.6	18.2	6
47	Рокот, Смоленская обл.	Случайная находка.	1950	Из кургана.	Е	X в.	100	82.8	17.2	6.3
48	Бывш. Повгородская губ. (?).	Из бывш. колл. Н. С. Уваровой в ГИМе.	—	—	Е	X—XI вв.	—	—	14	6.2
49	Ростов-Ярославский.	—	—	Из кургана в окрестностях города.	Е	X—XI вв.	92.5	75.3	17.2	5.8
50	Чернигов.	Д. Я. Самоквасов.	1872	Курган Гульбище.	Е	X в.	125.3	104	21.3	6.5
51	Киев, бывш. усадьба Марра.	Случайные раскопки.	1876	Из кургана.	Е	X в.	35.5	19	16.5	5.6
52	Цимлянская, Ростовская обл.	М. П. Артамонов.	1949—1951	Из слоя городища.	Е	X—XI вв.	—	—	—	—
53	Кашина, Юго-Восточное Приладожье.	Н. Е. Бранденбург.	1878—1886	Курган VII, комплекс 1.	V	X в.	95.4	79.1	16.3	6
54	Там же.	То же.	1878—1886	Там же.	V	X в.	57.5	40	17.5	6.2
55	Вахрушева, Юго-Восточное Приладожье.	» »	1878—1886	Курган CXVI, комплекс 1.	V (?)	X в.	101	83	18	5.3
56	Михайловское, бывш. Ярославская губ.	П. А. Тихомиров.	1898	Курган 1.	V	X в.	—	56	—	5.2
57	Там же.	То же.	1898	Курган 34, комплекс 2.	V (?)	X в.	—	32	—	4.5
58	» »	Случайные раскопки.	1899	Из кургана.	V	2-я пол. X в.	96.5	80	16.5	6
59	Гнездово, ок. Смоленска.	В. П. Сизов.	1880 или 1885	Курган 11 или 20.	V	X в.	—	—	—	—
60	Там же.	С. П. Сергеев.	1901	Курган 86.	V (?)	X в.	95	60	—	6.2
61	» »	Случайные раскопки.	1899	Из кургана.	V	X в.	94	77	17	6
62	» »	Случайная находка.	ок. 1895	То же.	V	X в.	70	52	18	5.4

12	13	14	15	16	17	18	19	20
3.5	10	2.7	2	8	6.4	Древности, т. IX, в. 1, М., 1881, стр. 5.	ГИМ, хр. 12а/1.	На лезвии надпись Ulfberht.
3.2	10.4	2.7	2.1	8.7	6.2	КСИМБ, в. XXXVIII, М.—Л. 1951, рис. 33, стр. 74.	Смоленский музей.	Клинок сломан пополам, на нем изображение человеческой фигуры и круг.
3.2	10.5	2.2	2.5	9.2	2.2	Сведения Смоленского музея.	Там же.	Верхушки навершия нет, на лезвии надпись Ulfberht.
—	11.2	2.4	1.8	8	2.2	Каталог В. Арендта, III отд. ГИМа, 1956, № 40, рис. 5.	Находился в ГИМе.	О размерах лезвия сведений нет.
3	9.3	2	2.5	8.7	5.1	Сведения Ростово-Ярославского музея.	Музей Ростово-Ярославского.	—
—	13.3	3	2.8	8.5	7.5	Д. Я. Самогвасов. Могильные древности. . ., рис. 46, стр. 39.	ГИМ.	Разломан на части.
—	9.7	2	2.1	8.2	5.1	М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, стр. 190—191.	—	Сохранилась рукоять с частью клинка, на нем знаки из перекрещенных полос.
—	12	—	5.4	—	—	МПА, № 75, 1959, стр. 201 и рис. 3.	Гос. Эрмитаж.	Сохранилось только перекрестье.
3	9.4	1.7	2.3	7.4	4.7	МАР, № 18, табл. XI, 2.	ЛИМ, хр. 108/124.	На клинке надпись Ulfberht.
—	10.5	1.7	2.8	8	5.2	Там же, стр. 98—99.	Гос. Эрмитаж, ОИПБ, 895/70.	Клинок обломан, на нем надпись Ulfberht (?).
3.2	10.2	2.3	2	7.4	5.5	Там же, табл. XIV.	ГИМ, хр. 70/2.	Клинок согнут в дугу, рукоять повреждена, на лезвии знаки в виде кругов.
—	—	—	—	7.5	5.5	Архив ЛОИА, ф. 1, 1898, № 197, л. 65 об.	ГИМ, хр. 22/1, № 5.	Сохранилась часть лезвия и навершие.
—	—	—	—	6	3.5	Там же, л. 68 об.	ГИМ, хр. 125/39а.	Сохранилась часть лезвия и навершие, лезвие дамаскировано.
3	11.2	2.3	2.6	8.3	5.8	МПА, № 6, 1941, стр. 77, табл. VI, I.	Ярославский музей.	Перекрестье сбито, клинок сломан пополам.
—	—	—	—	7.5	5	МАР, № 28, стр. 8—11, 21, 22.	ГИМ, хр. 117/8б.	Сохранилось только навершие.
3.4	—	—	—	8	5	ПАК, в. 15, рис. 120 на стр. 64.	ГИМ, хр. 117/55б.	Сохранилась часть лезвия и навершие.
—	10.2	1.8	2	8	5	Там же, рис. 104 на стр. 62.	ГИМ, хр. 117/52 аб.	Сохранились две части лезвия, на них остатки надписи Ingelrii.
—	11.5	2	2.5	8.4	6	МАР, № 28, рис. 21 на стр. 70.	ГИМ, хр. 22/2.	Лезвие обломано, на нем надпись Ulfberht.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
63	Полоцк.	Случайная находка.	1957	Из кургана (?).	V	X в.	97	79.7	17.3	5.5
64	Шестовицы, ок. Чернигова.	П. И. Смоличев.	1925	Курган XXV.	V	2-я пол. X в.	55.5	37.5	16	5.7
65	Киев, ок. Золотых ворот.	Случайные раскопки.	1900	Из кургана.	V	2-я пол. X в.	81.5	75	16.5	5
66	Подгорцы, Львовская обл.	Т. Земенцкий.	1882	Большой курган.	V	Конец X — нач. XI в.	90	77	17	6
67	Ручьи, бывш. Олонецкая губ.	Случайные раскопки.	Ок. 1899	Из кургана.	U особый.	X в.	93	78	15	5.2
68	Шестовицы, ок. Чернигова.	П. И. Смоличев.	1925	Курган X.	W	X в.	89	73.5	14.5	6
69	Новгород, окрестности.	—	—	—	X	X в.	92	78	14	5.5
70	Михайловское, бывш. Ярославская губ.	П. А. Тихомиров.	1897	Курган 10.	X	2-я пол. X в.	77.2	63	14.2	6
71	Гнездово, ок. Смоленска.	—	1868	Из клада.	X	То же	59.5	47	—	5.5
72	Там же.	Д. А. Авдусин.	1953	Из разрушенного кургана.	X	X в.	—	—	11	—
73	Таманский полуостров.	—	—	—	X	X в. (?)	—	—	—	—
74	Горка Никольская, Юго-Восточное Приладожье.	Д. Европеус.	1877	Курган 2.	Y	2-я пол. X в.	84.5	—	15.5	5.8
75	Гнездово, ок. Смоленска.	С. И. Сергеев.	1901	Курган 88.	Y	X в.	91	76	15	5.5
76	Киев, «Город Владимира».	М. К. Каргер.	1946	Из кургана.	Y	X в.	98	83	15	5.6
77	Бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский.	1872—1881	» »	Z	XI в. (?)	29	16	13	4
78	Неизвестно.	Из бывш. колл. Д. Я. Самоквасова.	—	—	Z	X — нач. XI в.	88	73	15	4.2
79	Щуковщина, Юго-Восточное Приладожье.	Н. Е. Бранденбург.	1878—1886	Курган XLV, комплекс 1.	Z особый.	2-я пол. X в.	26	17	—	4.8
80	Новгород, Рюриково городище.	—	—	Из слоя городища.	То же.	X в. (?)	—	—	14	5.4

12	13	14	15	16	17	18	19	20
3.2	10.8	2	1.8	7.7	5.6	Сведения Полоцкого музея.	Полоцкий музей.	На клинке надпись Ulfberht.
—	10.5	1.6	2.4	7.4	4.7	АА, в. II, f. 3, стр. 293—294.	Черниговский музей.	Сохранился частично, на клинке надпись Ulfberht.
—	10.8	1.9	2.4	6.8	4.5	ЗОРСА, т. VII, в. 1, СПб., 1905, стр. 143—146, рис. 94 и 98.	ГИМ, хр. с-20757, 13349; ср. 329.	Часть лезвия утрачена.
—	10.5	1.8	1.7	6.5	4.5	P. Paulsen. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, рис. 73.	Археологический музей в Кракове.	—
3.4	10.7	1.5	1.5	7.7	4.2	ОАК за 1899, СПб., 1902, стр. 107—108.	Гос. Эрмитаж, Арсенал, 30/6491.	—
3.2	8.5	1.7	1.2	6	3.5	АА, в. II, f. 3, рис. 1, стр. 288.	Черниговский музей.	—
3.5	11.6	1.3	2	8.4	4.1	Mannus, Bd. 25, Heft 2, Leipzig, 1933, стр. 164.	ГИМ.	На клинке надпись Ulfberht.
—	12.1	1.2	1.5	6	3.5	Архив ЛОИА, ф. 1, 1897, № 52, л. 44 (рис.).	ГИМ, хр. 125/40а.	Сломан и согнут. На лезвии дамаскированный узор.
—	12.8	0.8	—	—	—	А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М., 1936, табл. I, 4.	Гос. Эрмитаж, ОИШК.	Сохранилась часть клинка с перекрестьем и надписью Ulen.
—	—	—	1.6	5	3	Вестник МГУ, № 11, 1953, стр. 112.	Музей МГУ.	Сохранились стержень рукояти и навершие.
—	—	—	—	—	—	Mannus, Bd. 25, Heft 2, стр. 164.	Новороссийский музей, № 41007.	Неизвестно, сохранился ли этот меч.
—	16	1	2.2	9	5	ESA, t. IV, стр. 233—235.	Национальный музей Финляндии, 1914: 11.	Навершие обломано, на лезвии надпись Inglii feci.
3	10.5	2	—	5.5	3.5	ПАК, в. 15, рис. 119, стр. 64.	ГИМ, хр. 117/20б.	Сохранились навершие и часть лезвия.
3	12	2	2.5	8	4	М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, рис. 34 и табл. XXV.	КИМ, хр. КБЖ-46, 3221/в-6.	—
—	9.4	1.8	1.8	7.8	4.3	МАР, № 20, табл. XIX, II.	Гос. Эрмитаж, Арсенал, 30/6498.	Клинок обломан.
3	11	1.5	2.5	9.9	5.3	Сведения ГПМа.	ГИМ.	На лезвии костыльные кресты и подковообразные фигуры.
—	11.5	1.5	—	—	—	МАР, 18, табл. XI, 3.	ГИМ.	Сохранилась часть клинка, на нем остатки надписи.
—	12	1	2	7.8	4	Каталог В. Арента, III отд. ГПМа, 1956, № 40, рис. 18а.	Был в ГИМе.	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
81	Чернигов.	Д. Я. Самоквасов.	1872—1873	Черная могила.	Z особый.	960-е гг.	105	90	15.4	5.3
82	Красянка, бывш. Харьковская губ.	Случайная находка.	1900	—	A местный.	Конец X в.	33.5	16.5	17	5.7
83	Глуховцы, ок. Бердичева.	То же.	—	Из кургана (?).	То же.	Нач. XI в.	29.5	13	16.5	4.8
84	Старая Рязань.	» »	—	—	A местный.	Нач. XI в.	—	—	—	—
85	Киев.	» »	—	—	То же.	Ок. 1000 г.	26.4	10.7	15.7	4.4
86	Карабчиев, ок. Каменец-Подольского.	» »	—	—	» »	1-я пол. XI в.	50.9	35.5	15.4	5.5
87	Фощеватая, ок. Миргорода, бывш. Полтавская губ.	» »	1890-е	—	«Скандинавский».	То же	85.3	67.3	18	5

Мечи второй

1	Мануйлова, Ленинградская обл.	Случайная находка.	1959	Из кургана.	I	XII—XIII вв.	45	31	14	4
2	Новогрудок, Гродненская обл.	Ф. Д. Гуревич.	1961	Из слоя города.	I	XII в.	—	—	—	—
3	Гурковичи, бывш. Виленская губ.	—	1899 (?)	Из погребения.	I	XII—XIII вв.	84	70	14	4.5
4	Бывш. Полтавская губ.	Отдельная находка.	—	—	I	XII—XIII вв.	98	84	14	4.5
5	Городище, Хмельницкая обл.	М. Г. Каргер.	1958—1959	Из слоя городища.	I	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—
6	Вербична, Хмельницкая обл.	—	—	То же.	I	XII—XIII вв.	42	28	14	4.5
7	Крылос, Станиславская обл.	Я. Пастернак.	1930	» »	I	XII—XIII вв.	—	—	—	—
8	Воздвиженское (?), бывш. Костромская губ.	Отдельная находка.	—	—	II	XII—XIII вв.	86.4	70.7	15.6	4.4

12	13	14	15	16	17	18	19	20
—	12.2	1.9	2.6	8.7	5.5	Д. Я. Самоквасов. Могильные древности. . ., рис. 26, стр. 22.	ГИМ.	—
—	9.6	2.8	2.3	6.6	6.1	Е. К. Редиг. Альбом выставки XII АС, в г. Харькове. М., 1903, стр. 6, табл. IV, 8.	Музей Харьковского университета, № 403.	Лезвие сохранилось частично.
—	9.2	2.5	2	6.8	5	Biblioteka prehistoryczna, t. I, табл. XLIII—XLIV, рис. 1—3.	Археологический музей в Кракове.	То же.
—	—	—	—	6.7	4.5	А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, рис. 147.	ГИМ, хр. 14/15а.	Сохранилось только навершие.
—	10.4	2.1	2.2	—	—	КИМ. Каталог Ф. Ф. Кундеревича (рукописный), раздел VI, стр. 102, № 9.	КИМ.	Сохранились рукоять без навершия и часть клинка.
—	10.3	2.1	2.3	6.2	4.4	Światowit, t. XXI, Warszawa, 1955, стр. 316—318.	До 1939 г. находился в Военном музее Варшавы.	Лезвие сохранилось частично.
—	9.6	4	2.2	8	5	Естественноисторический музей Полтавского губернского земства. Полтава, 1900, стр. 65—66.	КИМ.	Лезвие обломано, на нем русская надпись «Коваль» и имя мастера.

половины XI—XIII в.

—	9.2	1.5	2.5	—	—	Сведения Кингисеппского музея.	Кингисеппский музей.	Лезвие обломано, навершие утрачено.
—	9.3	2.3	—	—	—	Сведения Ф. Д. Гуревич.	ЛОИА.	Сохранилось только бронзовое перекрестье.
2.4	10	1.5	2.2	5.8	3.4	Wilno i ziemia wileńska. Wilno, 1930, рис. 16 на стр. 116.	Историко-этнографический музей АН Литовской ССР, 249:39.	Клинок сломан.
2	9.9	1.6	2.4	5	3.2	Каталог КИМа (рукописный), 19339.	КИМ, с = 20769.	На лезвии надпись INI-CINI.
—	8.7	1.3	—	5.5	2	Сведения М. К. Каргера.	ЛОИА.	Сохранились бронзовые перекрестья и навершие, отнесение которых к одному мечу предположительно.
—	10	1.5	2	5.5	3.2	Światowit, t. XXI, рис. 37 на стр. 318.	До 1939 г. находился в Варшаве.	Клинок обломан.
—	—	—	—	4.7	3	Сведения Г. Ф. Корзухиной.	ЛИМ (?), 25144.	Сохранилось только бронзовое навершие.
2.1	14.5	0.7	1.7	7.8	4.6	Архив ЛОИА, ф. 5, № 447, л. 120.	Костромской музей.	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
9	Подболотье, ок. Мурома.	Случайная находка.		Из погребения.	II	XI в.	—	—	—	—
10	Минск.	Э. М. Загоруйский.	1958	Из слоя города.	II	XII—XIII вв.	—	—	—	—
11	Стайки, бывш. Киевская губ.	Случайная находка.	—	—	II	XII—XIII вв.	77.5	63.5	14	4.8
12	Пастырское, бывш. Киевская губ.	—	—	Из слоя городища.	II	XII—XIII вв.	—	—	—	—
13	Городище, Хмельницкая обл.	М. К. Каргер.	1962	То же.	II	XII—1-я пол. XIII в.	110	94	16	5
14	Малы, бывш. Псковская губ.	И. К. Липдеман.	1912	—	IIA	XII в.	47.5	32	15.5	4.8
15	Хотыицы, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский.	1879	Курган 11.	III	XII в.	71	55.6	15.4	4.1
16	Киев.	М. К. Каргер.	1939	Тайник Десятиной церкви.	III	XII—1-я пол. XIII в.	95	81	14	5.5
17	Княжа Гора, бывш. Киевская губ.	И. Беляшевский.	1890-е годы	Из слоя городища.	III	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—
18	Киев.	—	—	Со дна Днепра.	IV	XII—XIII вв.	83	70.5	12.5	5
19	Украина (?).	—	—	—	IV	XIII в (?)	109.6	94.3	15.3	5.4
20	Тяглино, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский.	1874	Курган 7.	V (?)	XII—XIII вв.	19	13	—	—
21	Гатчина, там же.	То же.	1872—1891	Из кургана.	V	XII—XIII вв.	—	—	12.3	5.2
22	Гурковичи, бывш. Виленская губ.	—	1899 (?)	Из погребения.	V	XII—XIII вв.	101	85	16	5.5
23	Киев.	Отдельная находка.	1898—1899	Со дна Днепра.	V	XII—XIII вв.	102.5	88.5	14	5
24	Райки, Житомирская обл.	Ф. Н. Молчановский.	1929—1935	Из слоя городища.	V	XII—1-я пол. XIII в.	75	60	15	4.8
25	Украина (?).	—	—	—	V	XII—XIII вв.	87.7	75.7	12	4.5
26	»	—	—	—	V	XII—XIII вв.	38.8	24.6	14.2	4.3
27	»	—	—	—	V	XIII в. (?)	106.2	88.2	18	5.6

12	13	14	15	16	17	18	19	20
—	—	—	—	—	—	Древности, т. XIV, М., 1914, рис. 23 на стр. 71.	—	—
—	9.3	2.2	—	7.7	4	Сведения Э. М. Загорюльского.	Минский музей.	Найдены только перекрестье и навершие.
2.4	6.5	1.5	2	5.8	2	Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, в. V, Киев, 1902, табл. I, 1а.	КИМ, 3286, с-69148.	Основания навершия нет, на лезвии надпись Etclin me fecit.
—	—	—	—	—	—	Там же, в. II, Киев, 1899, табл. II, 58.	КИМ (?).	Сохранились только навершие и наконечник ножен.
2.5	—	—	2.3	8.5	1.7	Сведения М. К. Каргера.	ЛОИА.	Перекрестья и верхней части навершия нет, клинок сломан.
—	9.7	2.5	2.4	6.4	4.6	Тр. ПАО, в. 9, Псков, 1913, стр. 2.	ГИМ.	Лезвие обломано, на нем растительный орнамент.
—	13.3	1.5	2	7	4	МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 94.	Гос. Эрмитаж, Арсенал, 30/6489.	Клинок обломан.
2.5	12	2.4	2.6	6	4	М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева, 1951, рис. 86.	КИМ (?).	—
—	—	—	—	5.5	3.2	Каталог КИМа, (рукописный), 20877.	КИМ.	Сохранилось только навершие.
—	9.2	0.8	2	4.4	2.2	Там же.	КИМ, с-20771.	Клинок обломан, на нем латвиские надписи.
3.2	22.2	1.1	1.4	6.6	3.2	Сведения ЛНМа.	ЛНМ, 3403.	—
—	20	1	—	—	—	Сведения ГИМа; МАР, № 20, стр. 59.	ГИМ, хр. 150/1.	Сохранились часть лезвия и перекрестье.
—	10.5	1	2	6	3.2	J. R. Aspelin. Antiquité du nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877—1884, № 1131.	—	—
2	10.8	1.4	2.5	7.5	3.3	Wilno i ziemia wileńska рис. 16 на стр. 116.	Историко-этнографический музей АН Литовской ССР, А, 249:42.	Клинок сломан.
2.3	18	1	2.5	6	4	Архив АИМ, фонд 30, он. 1, ед. хр. 119 (рис.).	КИМ.	Перекрестье утрачено после находки вещи, на лезвии дамаскированный узор.
—	—	—	—	5.5	4	В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XI, 2.	Житомирский музей.	Перекрестья нет, клинок обломан.
—	17	1.1	2	7.6	3.3	Сведения ЛНМа.	ЛНМ, 2205.	Клинок обломан, на нем надпись Ingelri . . .
—	13.8	1.2	1.9	6.5	3.9	Там же.	Там же, 890.	Клинок обломан.
2.9	19.1	0.9	1.7	7	5	Сведения КИМа.	КИМ, в-1405.	На клинке орнаментальное клеймо.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
28	Бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский.	1872—1891	Из кургана.	VI	XII в.	77	62	15	4.4
29	Там же.	То же.	1872—1891	» »	VI	XII в.	33	17.5	15.5	4.6
30	Новгород.	А. В. Арциховский.	1952	Из городекого слоя.	VI	Ок. 1300 г.	—	—	—	—
31	Псков.	—	—	Из погребения в соборе.	VI	2-я пол. XIII в.	90	75	15	5.3
32	Северная Россия.	—	—	—	VI	XIII—XIV вв.	66	49.3	16.7	4.8
33	Старая Дорога, бывш. Минская губ.	—	—	—	VI	—	105	81	24	4
34	Макорецкая дача (урочище Борки), бывш. Черниговская губ.	Отдельная находка.	1886	—	VI	XIII в.	106	88	18	5
35	Украина.	—	—	—	VI	XII—XIII вв.	104.5	89	15.5	4.8
36—37	Городище, Хмельницкая обл.	М. К. Каргер.	1959	Из слоя городища.	VI	XII—1-я пол. XIII в.	100—117	85—98	15—19	5.2
38	Там же.	» »	1958 и 1961	То же.	VI	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—
39	Белз, Львовская обл.	—	1935	Из городского слоя.	VI	XIII в. (?)	—	—	—	—
40	Неизвестно.	—	—	—	VI	XIII—XIV вв.	91.6	73.9	17.7	6.3
41	»	—	—	—	VI	XIII—XIV вв.	86	64.5	21.5	6
42	Псков.	—	—	Из погребения в соборе.	VII	—	140	110	30	5
43	Киев.	—	—	Со дна Днепра.	VII	—	112	86	26	6
44	Райки, Житомирская обл.	Ф. Н. Молчановский.	1929—1935	Из слоя городища.	VII (?)	XIII в.	32	18	14	5
45	Там же.	То же.	1929—1935	То же.	VII	XIII в.	120	97	23	5.5

12	13	14	15	16	17	18	19	20
—	12.5	1	1.8	5.4	5	МАР, № 20, табл. XIX, 10.	Гос. Эрмитаж, Арсенал, 30/6487.	Клинок обломан.
—	10	0.5	2.5	5	5	Сведения ГИМа.	ГИМ, хр. 150/1.	То же.
—	—	—	—	5.2	4.7	МПА, № 65, 1959, рис. 1, 10.	—	Сохранилось только на- вершие.
1	25	2	3.5	5.5	4.8	Н. Ф. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913, рис. 6, 8 и 9.	Псковский му- зей.	Приписывается князю Довмонту. На клинке клеймо «пассауский вол- чок».
—	15.3	0.9	2.7	4.2	4.2	Сведения Псковского музея.	Там же.	Клинок обломан.
1.7	21.3	1	1.8	5.2	5.1	М. М. Денисова, М. Э. Пор- нов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. М., 1953, табл. I, 2.	ГИМ, 14/1.	На лезвии клеймо «пас- сауский волчок».
2.5	16	1.5	2	6	5.5	Э. Ленц. 1) Указатель от- деления средних веков. СПб., 1908, стр. 302, № 7164; 2) Аль- бом изображений выдающихся предметов. СПб., 1908, табл. XXI.	Гос. Эрмитаж, Арсенал, 30/6485.	На клинке латинская надпись.
2.3	—	—	2.2	4.8	4.8	Сведения ГИМа.	КИМ, В-1410.	Перекрестья нет, на лез- вии крест в круге.
2.5	14—20	1	2.1	4—5.2	4—5	Сведения М. К. Каргера.	ЛОИА.	На лезвии № 37 крест.
—	16.7	1	—	5	4.5	Там же.	—	Сохранились перекре- стье и навершие, отнесе- ние которых к одному ме- чу предположительно.
—	—	—	—	—	—	О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки . . . , Київ, 1957, табл. X, 4.	ЛИМ.	—
2.5	17	0.8	2.8	5.2	5.2	Сведения Гос. Эрмитажа.	Гос. Эрмитаж, Арсенал, 30/6484.	На клинке остатки орна- мента.
—	21.5	1	2	5	5	Э. Ленц. Указатель . . . , стр. 302, № В-581.	Там же, 30/6486.	На клинке надпись SOS, клинок обломан.
1	25	1.8	2.5	5.8	5.5	Н. Ф. Окулич-Казарин. Спутник по древнему Пскову, рис. 6 и 7.	Псковский му- зей.	Приписывается князю Всеволоду-Гавриилу.
1.5	25	1	2	5.5	5	Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, табл. I, 4.	—	—
—	19	1	1.5	3.5	3.5	В. К. Гончаров. Райковец- кое городище, табл. XI, 5	Житомирский музей.	Клинок обломан.
3.5	—	—	2.5	4.9	4.5	Там же, табл. XI, 3.	Там же, хр. 270.	Перекрестья нет.

МЕЧИ IX—XIII вв. (ТИП НЕИЗВЕСТЕН)

№ п. п.	Место находки	Обстоятельства находки			Дата	Источник информации о находке и примечания	Место хранения
		руководитель раскопок	год	комплекс			
1	2	3	4	5	6	7	8
Мечи IX — первой половины XI в.							
I	Сязнега, Юго-Восточное Приладожье.	Н. Е. Бранденбург.	1878—1886	Курган LX, комплекс 2.	X в.	МАР, № 18, СПб., 1895 стр. 113—114.	—
II	Низовья р. Паши, там же.	Отдельная находка.	—	—	XI в. (?)	Сведения Гос. Эрмитажа. На клинке с обеих сторон гравированная надпись.	Гос. Эрмитаж, ОИПК.
III	Бывш. Весьегопский и Вышневолоцкий уезды, Тверская губ.	Н. А. Ушаков.	1843—1844	—	X—XI вв.	Вестник Общества древнерусского искусства, 1874—1876 гг., №№ 1—12, М., 1876, стр. 96; В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 478 и сл.	—
IV	Залужье, там же.	Д. Евронеус.	1870	Курган 2.	X в.	Вестник Общества древнерусского искусства... стр. 97.	—
V	Бывш. Владимирская губ.	А. С. Уваров и П. С. Савельев.	1851—1854	Из кургана.	X—XI вв.	Архив ЛОИА, ф. 8, № 49, л. 29, рис. наверху (?)	—
VI	Михайловское, ок. Ярославля.	И. А. Тихомиров.	1898	Курган 39.	X в.	Там же, ф. 1, 1898, № 187, д. 68 об. Конец меча или стрелы (?)	—
VII	Средняя Россия (?)	Из бывш. колл. Д. Я. Самоквасова.	—	—	X в.	Сведения ГИМа. На лезвии знаки.	ГИМ
VIII	Гнездово, ок. Смоленска.*	С. П. Сергеев.	1899	Курган 55.	X в.	МИА, № 32, М., 1953, рис. 105, 11.	Там же
IX	Там же.	Раскопки на средства М. К. Тенишевой.	1901	Из кургана.	X в.	Нижняя половина клинка. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 79. Меч был согнут вокруг урны.	—
X	» »	С. П. Сергеев.	1899	Из разрушенного кургана.	X в.	Архив ЛОИА, ф. 1, № 106, л. 42. Скипевшиеся обломки копий и железного меча из вала городища ок. ручья Свинок.	—
XI	» »	Случайные раскопки.	—	Из кургана.	X—XI вв.	Смоленская старина, в. III, ч. II, Смоленск, 1916, стр. 39. Лежал ок. костяка (?) вместе с топором.	—
XII	» »	Д. А. Авдусин.	1953	Из слоя центрального гнездовского городища.	X в. (?)	Сведения музея МГУ. Перекрестье меча.	Музей МГУ.
XIII	Вшияк, Брянская обл.	Дар в ГИМ Щукина.	—	Из слоя городища.	X—XI вв. (?)	МИА, № 32, рис. 105, 12.	ГИМ
XIV	Шестовицы, ок. Чернигова.	Любительские раскопки.	ок. 1874.	Из кургана.	X в.	КИМ, Книга для записи вещей музея древностей университета св. Владимира (рукописная), № 1406, л. 43 об. «Железная головня от рукоятки меча».	—
XV	Киев (?)	Из бывш. собрания В. Б. Антоновича.	—	—	X в. (?)	Указатель выставки Киевского общества древностей и искусств. Киев, 1897, № 159, стр. 77. Меч «славянского типа».	—
XVI	Там же.	Случайные раскопки.	1872	Из братской могилы.	X в.	В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 31.	—

XVII	Киев (?).	И. А. Хойновский.	1892	Из кургана.	X в.	И. А. Хойновский. Распки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 40—41.	—
XVIII— XIX	Там же	Случайные находки.**	1890— 1900	—	X в.	М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958, стр. 217.	—
XX	Безпечна, бывш. Киевской губ.	Случайные раскопки.	1889	Из кургана.	X в. (?)	В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ., стр. 128. Меч стоял отвесно ок. костяка.	—
XXI	Днепровские пороги, о. Хортица.	—	1928	Со дна Днепра.	X в.	Изд. ГАИМК, М.—Л., 1933, в. 100, стр. 608, табл. II, 3. На лезвии костыльные кресты.	Днепропетровский музей.
Мечи второй половины XI—XIII в.							
I—VI	Бывш. С.-Петербургская губ. (Мутаколя, Яблоницы, Смердовицы, Хотынцы, Горка, Старо-Сиверская, Межно).	Л. К. Ивановский.	1873— 1883	Из курганов.	XI—XII вв.	МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 57 и сл.	Два из шести сохранились в ГИМе. Их тип неопределен.
VII	Мануйлова, Ленинградская обл.	—	1959	Из кургана.	XII— XIII вв.	Сведения Кингисеппского музея. Сохранились часть клинка и перекрестье.	Кингисеппский музей.
VIII	Высокое, бывш. Виленская губ.	Случайная находка.	—	Из кургана.	XI—XII вв.	Swiatowit, t. III, Warszawa, 1901, стр. 47.	—
IX	Серенск, Калужская обл.	Т. Н. Никольская.	1955	Из слоя городища.	XII— XIII вв.	МИА, № 72, 1959, стр. 124 и рис. 44, I. Сохранились перекрестье и часть клинка.	—
X—XI	Дрогичин.	—	—	Из слоя городища.	XI— XIII вв.	Труды IV АС, т. I, Киев, 1901, стр. 68.	—
XII	Чернигов.	—	1796	Из погребения в Спасском соборе.	XI в. (?)	А. Е. Ефимов. Черниговские кафедральные соборы. Чернигов, 1908, стр. 23.	—
XIII— XVI	Киев (?).	Случайные находки.	Разные годы	Из городского слоя.	XII— XIII вв.	Каталог КИМа (рукописный), 14433; 958, с-69148; 6060; 4213, в-1409. Все четыре клинка без рукоятей. На клинке XV надпись и знак с крестом.	КИМ
XVII— XX	Квяжа Гора, бывш. Киевская губ.	Н. Беляшевский.	1890-е	Из слоя городища.	XII — 1-я пол. XIII в.	Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898, стр. 18, № 755; К. Мельник. Каталог коллекции А. Н. Поль. Киев, 1899, стр. 110; Каталог КИМа (рукописный) 6636 и 10436.	—
XXI	Флерковка, там же.	—	—	—	XII— XIII вв.	Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, 1902, стр. 26.	—
XXII	Лицлява, бывш. Полтавская губ.	—	—	Из слоя городища.	XII— XIII вв.	Каталог КИМа (рукописный), 6645.	—
XXIII— XXVII	Райки, Житомирская обл.	Ф. Н. Молчановский.	1929— 1930	То же.	XII — 1-я пол. XIII в.	В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 90.	—
XXVIII	Колодежное, там же.	В. К. Гончаров и Р. А. Юра.	1948— 1953	» »	XII — 1-я пол. XIII в.	Сведения Р. А. Юры. Найден обломок клинка.	ИА АН УССР.
XXIX	Городище, Хмельницкая обл.	М. К. Каргер.	1960	» »	XII — 1-я пол. XIII в.	Сведения М. К. Каргера. Найдено лезвие; перекрестья и навершия нет, на лезвии надпись <i>snex · nex · nex · ns</i> .	ЛОИА.
XXX	Гурбы, бывш. Волынская губ.	—	—	—	XIII в. (?)	Труды XI АС, т. I, М., 1901, стр. 68.	—

*Несколько мечей из Гнездова утрачены из Смоленского музея во время фашистской оккупации.

**Мечей из некрополя X в. найдено в Киеве, вероятно, больше, чем здесь указано, но отчетливых сведений о них нет.

САБЛИ X—XIII вв. (СОХРА)

№ п. п.	Место находки	Обстоятельства находки			Дата	Измерения				
		руководитель раскопок	год	комплекс		общая длина	длина лезвия	высота рукояти	ширина лезвия	наибольший выгиб лезвия
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Муром.	Случайная находка.	—	Из погребения.	IX—X вв.	—	30	—	3	—
2	Гочево, бывш. Курская губ.	Д. Я. Самоквасов.	1909	Курган 1.	1-я пол. XI в.	99.5 *	85	14.5 *	3	50/3
3	Там же.	То же.	1909	Курган 2.	XI в.	106 *	92.5	13.5 *	3.5	45/4
4	» »	П. С. Рыков.	1912	Курган 40.	XI в.	103.4	92.4	11	—	—
5	Чернигов.	Д. Я. Самоквасов.	1872—1873	Черная могила.	960-е годы	—	—	—	—	—
6	Шестовицы, ок. Чернигова.	Д. П. Блифельд.	1957	Курган 52 (51).	X в.	94	84	10	3.1	50/4
7	Киев.	И. А. Хойновский.	1892	Из гробницы.	2-я пол. X—нач. XI в.	92	82	10	3.3	50/4
8	»	М. К. Каргер.	1939	То же.	1-я пол. XI в.	—	59	—	—	—
9	Сахновка, бывш. Киевская губ.	В. Гезе.	1901	Из слоя городища.	XI в. (?)	—	—	—	—	—
10	Княжа Гора, там же.	Н. Беляшевский.	1890-е	То же.	XI в.	—	—	—	—	—
11	Там же.	То же	1890-е	» »	XI в. (?)	—	—	—	—	—
12	Киевская обл.	—	—	—	XI в. (?)	—	—	—	—	—
13	Карачевка, Харьковская обл.	Б. А. Шрамко.	1956	Из слоя городища.	Нач. X в.	95	85	10	3.7	—
14	Цимлянская, Ростовская обл.	М. И. Артамонов.	1951	Из славянского слоя городища.	X—XI вв.	—	12	—	3.5	—
15	Там же.	А. П. Круглов.	1934—1935	Курган 16.	X—XI вв.	91	79	12	4	—
16	» »	С. А. Плетнева.	1951	Курган 34.	X в.	86	73	13	3.8	—

Сабли X—первой

*Произведены по шкале измерений 1А и 3А (см. рис. 19).

НИЛИСЬ ПОЛНОСТЬЮ ПЛИ ЧАСТИЧНО)

в см				Тип перекрестья	Тип навершия	Источник информации о находке	Место хранения	Примечание
ширина перекрестья	высота перекрестья	ширина навершия	высота навершия					
12	13	14	15	16	17	18	19	20

половины XI в.

—	—	—	—	—	—	Сведения ГИМа.	ГИМ, хр. 23/596.	Обломок клинка.
8	5.2	3.1	6.3	IB	II	Атлас гоцевских древностей. М., 1915, табл. IX.	—	Сохранились перекрестье из бронзы, разломанный клинок и остатки наконечника ножен.
—	—	3	4.5	—	I	Там же, табл. IX.	—	Наконечник ножен.
—	—	—	—	—	—	Архив ЛОИА, ф. 1, 1912, № 116, л. 39.	—	Клинок сломан, отмечен наконечник ножен.
—	—	—	—	—	—	Д. Я. Самоквасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916, стр. 20, рис. 23, № 3290.	ГИМ.	Клинок распался на много частей.
8	1	—	—	IA	—	Сведения Д. И. Блифельда.	ИА АН УССР.	Сохранился клинок, разломан на четыре части, с ним наконечник ножен.
—	—	—	—	—	—	И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 36—40, табл. XX.	ГИМ.	Клинок согнут пополам, на нем орнаментированные накладки.
—	—	—	—	—	—	М. К. Каргер. Древний Киев. М.—Л., 1958, т. 1, табл. XLII.	КИМ.	Сохранились нижняя часть клинка и наконечник ножен.
8.7	1.7	—	—	IA	—	Фотоархив ЛОИА, III-8276.	КИМ.	—
8	5.2	—	—	IB	—	Б. И. и В. П. Ханенко. Древности Приднепровья, в. V, Киев, 1902, табл. VI, 212.	—	Перекрестье из бронзы.
6.2	0.7	—	—	I	—	Сведения ГИМа.	КИМ.	—
8.1	1.4	—	—	IA	—	—	Кременецкий музей, А-1681.	Перекрестье из бронзы.
12	1.9	—	—	I	—	Сведения Б. А. Шрамко.	Музей Харьковского университета.	То же.
5.2	1.5	—	—	I	—	МИА, № 75, 1959, стр. 188, рис. 31, 3 и 17.	Гос. Эрмитаж.	Сохранились, по-видимому, перекрестье и обломок лезвия от двух разных экземпляров.
12	—	—	—	—	—	Сведения С. А. Плетневой.	—	—
12	—	—	—	—	—	МИА, № 62, 1958, стр. 157, рис. 3, 6.	Там же.	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
17	Екимауцы, Молдавская ССР.	Г. Б. Федоров.	1951	Из слоя городища.	X—нач. XI в.	—	—	—	—	—
Сабли										
18	Новгород.	А. В. Арциховский.	1954	Из городского слоя.	Середина XIII в.	—	—	—	—	—
19	»	То же.	1957	То же.	2-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
20	»	» »	1948	» »	XII—XIII вв.	—	10	—	—	—
21	Минск.	Э. М. Загоруйский.	1957—1961	» »	XII в.	—	—	—	—	—
22	Новогрудок, Гродненская обл.	Ф. Д. Гуревич.	1957	» »	XII—XIII вв.	—	—	—	—	—
23	Меркенты, бывш. Виленская губ.	—	—	Из погребения.	XIII в.	59	—	9	3.5	40/4.7
24	Юрьев-Польской, бывш. Владимирская губ.	К. Тихонравов.	1852	Из кургана.	XII—XIII вв.	101.8	—	—	—	—
25	Городище, там же.	П. С. Савельев.	1853	Курган 3039.	XI—XIII вв.	96	89.4	6.6	3	50/3.8
26	Бывш. Владимирская губ.	А. С. Уваров, П. С. Савельев.	1851—1854	Из кургана.	XI—XIII вв.	65.5	—	—	2 (?)	—
27	Выгуровщина, бывш. Черниговская губ.	Отдельная находка.	—	Из слоя городища.	XI—XIII вв.	63.5	—	6	2.5	40/4
28	Киев.	То же.	1893—1894	Из городского слоя.	XII—XIII вв.	104	98	6	3	—
29	»	» »	1893—1894	То же.	XII—XIII вв.	—	—	—	—	—
30	»	М. К. Каргер.	1946	Из жилища 2.	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
31—32	Сахновка, бывш. Киевская губ.	В. Гезе.	1901	Из слоя городища.	XII—1-я пол. XIII в.	35	—	—	3	—
33—35	Там же.	»	1901	То же.	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
36—42	Княжа Гора, бывш. Киевская губ.	Н. Беляшевский.	1890-е	» »	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
43	Там же.	То же.	1890-е	» »	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	3	—
44—45	Краснополка—Гадомка, бывш. Киевская губ.	И. А. Хойновский.	1888	Из двух курганов.	XII—XIII вв.	—	80	—	—	60/4.5

12	13	14	15	16	17	18	19	20
11	2	2.5	3.5	IA	I	Сведения Г. Б. Федорова.	Кишиневский музей.	Перекрестье и навершие, возможно, от двух разных экземпляров.
XI—XIII вв.								
9.6	2	—	—	IIA	—	МПА, № 65, 1959, стр. 126, рис. 3, 8.	—	—
11	1.4	—	—	II	—	Сведения А. Ф. Медведева.	—	На перекрестье насечка «в елочку».
—	—	—	—	—	—	КСИИМК, в. XXX, М.—Л., 1949, стр. 43—48, рис. 5, 1.	—	Сохранилась только нижняя часть лезвия.
11	1.7	—	—	IIБ	—	Сведения Э. М. Загоруйского.	Минский музей.	—
5.3	1.8	—	—	IIБ	—	СА, 1962, № 1, рис. 4, 2.	ЛОИА.	Перекрестье из бронзы, концы обломаны.
—	—	—	—	—	—	Сведения Ист.-эти. музея Лит. ССР.	Историко-этнографический музей АН Лит. ССР, А-24036.	Конец обломан.
8.8	—	—	—	—	—	ИАК, в. 15, СПб., 1905, стр. 78, рис. 1.	ГИМ.	Обнаружена вместе с ножнами.
—	—	—	—	—	—	Атлас к Трудам I АС, М., 1871, табл. XXX, 31.	—	—
9	1	—	—	II	—	ИАК в. 15, рис. 392 на стр. 156.	—	Измерения приближительны.
—	—	—	—	—	—	Сведения КИМа.	КИМ, 660.	Клинок обломан.
—	—	—	—	—	—	И. А. Хойновский. Археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 163, № 803.	КИМ.	—
9.5	2	—	—	II	—	Сведения Г. Ф. Корзухиной.	КИМ, с-608.	На перекрестье инкрустированный серебром орнамент.
9.7	2	—	—	IIA	—	Сведения КИМа.	КИМ.	—
—	—	—	—	—	—	Фотоархив ЛОИА, ИИ-8276.	КИМ, 291, 602.	Обломки клинков.
7—10.8	3	—	—	II	—	Там же.	КИМ, 227, 426.	—
6.2—10.1	1—2.6	—	—	II	—	Сведения КИМа.	КИМ, 32004—32007, 6292, 6689, 25, 2840.	—
6.7	1.5	—	—	IIA	—	Там же.	КИМ, б/н.	—
7.5	2.2	—	—	II	—	W. Dziewanowski. Zarys dziejów uzbrojenia w Polsce. Warszawa, 1935, стр. 40, табл. 6, 2.	До 1939 г. находилась в Военном музее Варшавы.	Одна опубликована.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
46	Краснополка — Гадомка, бывш. Киевская губ.	Н. Е. Бранденбург.	1890	Курган 222.	XII в.	—	95.5	—	3.8	—
47	Там же.	То же.	1893	Курган 271/2.	XII—XIII вв.	108	98	10	3.7	60/7
48	» »	» »	1893	Курган 277/2.	XII—XIII вв.	17	—	8	—	—
49	Кагарлицкая слобода, бывш. Киевская губ.	» »	1895	Курган 336.	XII—XIII вв.	108	104	4	3.9	60/5
50	Кагарлык, там же.	Отдельная находка.	1890	Из кургана.	XII—XIII вв.	103.5	97.5	6	3.2	—
51	Липовец, там же.	О. П. Макаревич и Краузе.	1892	Курган 1.	XII—XIII вв.	109	101	8	3.7	60/7
52	Там же.	Отдельная находка.	1890	Из кургана.	XII—XIII вв.	84	76.5	9.5	3.7	—
53	Бурты, бывш. Киевская губ.	Н. Е. Бранденбург.	1892	Курган 261.	XII—XIII вв.	106 *	93	13 *	3.8	60/4.5
54	Там же.	То же.	1892	Курган 262.	XII—XIII вв.	—	28	—	—	—
55	Цозаровка, бывш. Киевская губ.	» »	1891	Курган 250/1.	XII в.	104	88	15	4.4	50/5.5
56	Там же.	» »	1891	Курган 250/2.	XII в.	117.5	—	—	3.7	—
57	Степанцы, бывш. Киевская губ.	» »	1890	Курган 215.	XI—XII вв.	105	94	11	3.7	60/4.5
58	Там же.	» »	1890	Курган 216.	XI—XII вв.	104	94	10	4	60/5
59	Юзефовка, бывш. Киевская губ.	» »	1891	Курган 248.	XI—XII вв.	105	—	—	3	—
60	Зеленки, там же.	» »	1894	Курган 312.	XI—XII вв.	113.5	99.7	13.8	3.2	55/6
61	Там же.	» »	1895	Курган 367.	XI—XII вв.	—	81	—	3	—
62	» »	» »	1894	Курган 314.	XII—XIII вв.	119.3	105.8	13.5	3.5	60/4
63	Пешки, бывш. Киевская губ.	» »	1894	Курган 323.	XII—XIII вв.	116	103.3	12.7	3.7	60/6
64	Ковали, там же.	» »	1897	Курган 394.	XII в.	85	76.5	8.5	3.8	60/4?
65	Там же.	Е. А. Зноско-Боровский.	1897	Курган 53.	XII—XIII вв.	110	97	13	3.5	60/6
66	Поток, бывш. Киевская губ.	Н. Е. Бранденбург.	1899	Курган 452/3.	XI—XII вв.	100	86.5	14.5	3.7	—
67	Николаевка, там же.	Отдельная находка.	1896	Из кургана.	XII—XIII вв.	99	86	12	3.1	—

*Произведены по шкале измерений 1А и 3А (см. рис. 19).

12	13	14	15	16	17	18	19	20
—	—	—	—	—	—	Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок . . . , СПб., 1908, стр. 40.	Гос. Эрмитаж, ОИПК, 922/5.	Остатки ножен.
7.1	4.5	—	—	II (?)	—	Там же, стр. 44.	Там же.	То же.
6.1	1.7	—	—	II (?)	—	Там же, стр. 47.	Гос. Эрмитаж, ОИПК, 921/23.	Рукоять с частью клинка.
—	—	—	—	—	—	Там же, стр. 16.	Там же, 926/6.	Остатки ножен.
—	—	—	—	—	—	Сведения Гос. Эрмитажа.	Гос. Эрмитаж, ОИПК, 924/22.	—
9	2.3	—	—	II	—	Н. Е. Бранденбург. Путеводитель по СПб. артиллерийскому музею. СПб., 1902, стр. 54, № 132.	Там же, 904/29.	—
—	—	—	—	—	—	Сведения Гос. Эрмитажа.	Там же, 904/30.	Клинок сломан.
8	2	2.8	3.8	II	I	Сборник ИМ АИМ, в. IV, Л., 1959, стр. 220, рис. 1, 10.	АИМ.	Клинок с ножнами.
—	—	—	—	—	—	Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок . . . , стр. 70.	Гос. Эрмитаж, ОИПК.	Обломок клинка с частью ножен.
10?	2.6	2.8	3.7	II (?)	I	Там же, стр. 64—65.	Там же, 910/5.	Остатки ножен.
—	—	3	1.5	—	I	Там же.	Там же, 910/17.	То же.
9.5	2.5	—	—	II	—	Там же, стр. 2—3.	Там же, 911/6.	» »
13	2	—	—	II	—	Там же, стр. 3.	Там же, 911/5.	» »
—	—	3.4	4	—	I	Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок . . . , стр. 62—63.	Там же, 927/1.	Остатки и наконечник ножен.
—	—	3	1.7	—	I	Там же, стр. 30—31.	Там же, 916/44.	Наконечник ножен и остатки ножен из бересты.
—	—	—	—	—	—	Там же, стр. 38—39.	Там же, 914/23.	Несколько обломков лезвия.
7	2 (?)	3	3.8	II	I	Там же, стр. 31—32.	Там же, 916/58 и 918/5.	Обломки лезвия и наконечник ножен.
—	—	—	—	—	—	Там же, стр. 87—89.	Там же, 898/52.	—
—	—	—	—	—	—	Там же, стр. 107.	Там же, 903/4.	Клинок с обломанным концом и остатки ножен.
13.5	3	—	—	II (?)	—	А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы, т. III. СПб., 1901, стр. 122—124.	КИМ (?).	—
—	—	3.6	5	—	I	Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок . . . , стр. 113—114.	Гос. Эрмитаж, ОИПК, 919/11.	Остатки ножен.
—	—	—	—	—	—	Сведения Гос. Эрмитажа.	Там же, 932/24.	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
68—69	Драчи, там же.	Случайные раскопки.	1904	Из курганов.	XII—XIII вв.	113—120	104—107	9—13	3	50—60/5—6
70	Яблоновка, там же.	Д. Я. Самоквасов.	1876	Курган 2.	XII в.	104	100	4	3.5	60/4.5
71	Россава, там же.	Э. К. Витковский.	1858	Курган 5.	XII—XIII вв.	—	—	—	—	—
72	Там же.	Случайные раскопки.	1858—1860	Из кургана.	XII—XIII вв.	112.5	104	6.5	3	60/4
73	» »	Д. Я. Самоквасов.	1877	Курган 3.	XII—XIII вв.	115	103	12	3	50/3
74	Таганча, бывш. Киевская губ.	Случайные раскопки.	1894	Из кургана.	XII—XIII вв.	110	101	9	3.7	60/5
75	Там же.	То же.	—	То же.	XII—XIII вв.	116.5	106.5	10	3.5	60/5.5
76	Киевщина.	—	—	—	XII—XIII вв.	—	—	—	—	—
77—85	Там же.	—	—	—	XI—XIII вв.	96—101.5	—	—	3—3.8	50—60/4—6
86—88	Воинская Гребля, Полтавская обл.	ИА АН УССР.	1956—1959	Из слоя городища.	XI—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
89	Там же.	»	1956—1959	То же.	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
90	Колодежное, Житомирская обл.	Р. А. Юра.	1949	» »	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
91	Грубское, там же.	П. А. Раппопорт.	1951	» »	XII—XIII вв.	—	—	—	—	—
92	Там же.	То же.	1951	» »	XII—XIII вв.	—	—	—	—	—
93	Городище, Хмельницкая обл.	М. К. Баргер.	1957 и 1960	» »	XII—1-я пол. XIII в.	49	34	15	3.2	—
94	Там же.	»	1961	» »	XII—1-я пол. XIII в.	70	60.5	9.5	4.2	60/5.5
95—101	» »	»	1957—1961	» »	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
102—103	Городище, Хмельницкая обл.	»	1958 и 1961	Из слоя городища.	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
104—105	Там же.	»	1957 и 1959	То же.	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
106—107	» »	»	1957 и 1960	» »	XII—1-я пол. XIII в.	—	12	—	3.3	—
108	» »	»	1960	» »	XII—1-я пол. XIII в.	—	—	—	—	—
109	Цимлянская, Ростовская обл.	М. И. Артамонов.	1951	Из славянского слоя городища.	XI в. (?)	—	—	—	—	—

12	13	14	15	16	17	18	19	20
—	—	—	—	—	—	ЗОРСА, т. VII, в. 1, СПб., 1905, стр. 151—153, рис. 111.	—	—
—	—	—	—	—	—	Ист. фак. МГУ, Кабинет археологии, Альбом Д. Я. Самоквасова, № 4416.	ГИМ (?).	—
8.9	1.6	—	—	II	—	Archeologia, VIII, zesz. 1, Warszawa-Wrocław, 1958, стр. 127, рис. 2, I.	—	Опубликован рисунок без масштаба.
—	—	—	—	—	—	Там же, стр. 134—135, рис. 6, 7.	Археологический музей г. Кракова.	—
—	—	—	—	—	—	Ист. фак. МГУ, Кабинет археологии, Альбом Д. Я. Самоквасова, № 4022.	ГИМ (?).	—
9	2.5	—	—	II	—	И. А. Хойновский. Археологические сведения о предках славян и Руси, табл. VII.	До 1939 г. находился в Военном музее Варшавы.	Клинок с посеребренными ножнами.
—	—	—	—	—	—	Б. П. и В. П. Ханенко. Древности Приднепровья, в. V, Киев, 1902, табл. I, 5.	КИМ, 3287.	—
9	1.8	—	—	II	—	Сведения ЛИМА.	ЛИМ, Ш-3445.	—
—	—	—	—	—	—	Каталоги КИМа (рукописные), 6637, 6823, 7214, 9347, 14474.	КИМ, б/н и 69177.	У многих обломаны рукояти и концы лезвий.
8.1—13	1—2.8	—	—	II	—	Сведения Р. А. Юры.	ИА АН УССР.	—
8.8	1	—	—	III	—	» »	Там же.	—
7 (?)	1.5	—	—	II	—	» »	» »	Перекрестье обломано.
9.7	1.8	—	—	II	—	Сведения П. А. Рапиопорта.	» »	—
10.5	2	—	—	IIБ	—	» »	» »	—
—	—	—	—	—	—	Сведения М. К. Каргера.	ЛОИА.	Конец лезвия обломан.
—	—	3.5	4	—	I	» »	»	Сохранились остатки ножен, конец лезвия обломан.
7.3—11.5	1.3—2.3	—	—	II	—	» »	»	—
6.9—9	1.7—2.5	—	—	IIА	—	» »	»	—
12.2—12.6	1.4—1.7	—	—	IIБ	—	» »	»	—
—	—	2.5—3.4	1.4—3.5	—	I	» »	»	Обломок клинка и два навершия.
13.5	2.5	—	—	III	—	» »	»	—
9	1.7	—	—	II	—	МИА, № 75, 1959, стр. 189, рис. 31, 16.	Гос. Эрмитаж.	—

САБЛИ XI—XIII вв. (НЕ СОХРАНИЛИСЬ)

№ п. п.	Место находки	Обстоятельства находки			Дата	Источник информации о находке	Примечание
		руководитель раскопок	год	комплекс			
1	2	3	4	5	6	7	8
I	Новгород.	А. В. Арциховский.	—	Из городского слоя.	XI в.	МПА, № 65, 1959, стр. 125.	—
II	Орлишки, бывш. Виленская губ.	Э. А. Вольтер.	1889	Погребение 4.	XIII в.	Архив ЛОИА, ф. 1, 1889, № 43, л. 115.	—
III	Малое Терюшево, бывш. Нижегородская губ.	П. Д. Дружкин.	1882	Курган 2.	XII—XIII вв.	РИМ. Указатель памятников, М., 1893, стр. 319—320, № 55.	—
IV	Андреевка, бывш. Черниговская губ.	—	1870	Из кургана.	XI—XII вв. (?)	КИМ, Книга для записи вещей музея древностей университета св. Владимира (рукописная), № 410.	—
V	Киев.	—	1893—1894	Из городского слоя.	XII—XIII вв. (?)	И. А. Хойновский. Археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 163, № 803.	—
VI—IX	Княжа Гора, бывш. Киевская губ.	И. Бедашевский и др.	1890-е	Из слоя городища.	XII—1-я пол. XIII в.	К. Мельник. Каталог коллекций А. Н. Поля. Киев, 1893, стр. 109, № 82; КС, т. 45. Киев, 1894, стр. 314; т. 36, Киев, 1892, стр. 101; Каталог украинских древностей коллекции В. В. Тарновского. Киев, 1898, стр. 18, № 756.	Одна с оковками от ножен.
X	Нежиловичи, там же.	—	1858	Из кургана.	XI—XII вв.	В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 13.	—
XI	Германовская слобода, там же.	—	1880—1890	» »	XII—XIII вв. (?)	Там же, стр. 26.	—
XII	Пальчик, там же.	—	1845	» »	XII—XIII вв. (?)	Там же, стр. 124.	Вероятно, по ошибке названа мечом.
XIII—XIV	Трилесы, там же.	Хмелевский.	1865—1866	Из курганов.	XII—XIII вв.	И. А. Хойновский. Археологические сведения о предках славян и Руси, стр. 107.	—
XV	Блошинцы, там же.	»	1868	Из кургана.	XII—XIII вв.	В. Б. Антонович. Археологическая карта. . . , стр. 51.	Рукоять сабли.
XVI	Антоновка, там же.	—	1870	» »	XII—XIII вв.	Там же, стр. 51.	Вероятно, по ошибке названа мечом.
XVII	Краснополка, там же.	И. Е. Бранденбург.	1893	Курган 280.	XI—XII вв.	И. Е. Бранденбург. Журнал раскопок. . . , СПб., 1908, стр. 47.	Остатки ножен.
XVIII	Кагарлык, там же.	Троцкий.	Ок. 1840	Из кургана.	XII—XIII вв. (?)	В. Б. Антонович. Археологическая карта. . . , стр. 28.	—
XIX—XX	Там же.	—	1851	Из курганов.	XII—XIII вв. (?)	Там же, стр. 28.	—
XXI	» »	—	1890	Из кургана.	XII—XIII вв. (?)	Там же.	—
XXII	Кагарлицкая слобода, бывш. Киевская губ.	—	1831	» »	XII—XIII вв. (?)	» »	Вероятно, по ошибке названа мечом.

XXIII	Зеленки, там же.	—	1887	Курган «Болганы».	XII—XIII вв.	Каталог выставки XI АС в Киеве. Киев, 1899, стр. 103—104, № 501.	На клинке узор, выложенный золотом.
XXIV	Там же.	Н. Е. Бранденбург.	1894	Курган 310/2.	XI—XII вв.	Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок . . . , стр. 27—28.	Остатки ножен.
XXV	Степанцы, бывш. Киевская губ.	Е. А. Звоско-Боровский.	1898	Курган 103.	XII—XIII вв. (?)	А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы, т. III, СПб., 1901, стр. 143.	
XXVI	Пешки, там же.	—	1874	Из кургана.	XII—XIII вв. (?)	Каталог выставки XI АС в Киеве, стр. 106—107, № 603.	
XXVII	Яблоновка, там же.	—	1865	» »	XII—XIII вв. (?)	В. Б. Антонович. Археологическая карта . . . , стр. 90.	Вероятно, по ошибке названа мечом.
XXVIII	Россава, там же.	Д. Я. Самоквасов.	1877	Курган «Панская могила».	XII в.	Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, М., 1908, стр. 237—238.	—
XXIX	Там же.	Э. К. Витковский.	1858	Курган 2.	XII—XIII вв.	Archeologia, VIII, zes. 1, Warszawa-Wrocław, 1958, стр. 124—125.	Остатки ножен.
XXX	» »	»	1858	Курган 4.	XIII в.	Там же, стр. 126—127.	Остатки ножен, на клинке надпись «золотом».
XXXI	» »	»	1860	Курган 7 (2).	XII—XIII вв.	Там же, стр. 129—130.	На клинке орнамент, инкрустированный золотом.
XXXII	» »	»	1860	Курган 9 (4).	XII—XIII вв.	Там же, стр. 132—133.	Остатки ножен.
XXXIII	Мировка, бывш. Киевская губ.	Дар П. О. Книповича в КИМ.	—	Из кургана.	XII—XIII вв.	Каталог КИМа (рукописный), 18324.	Разломана на три части.
XXXIV	Емчихи, там же.	Н. Е. Бранденбург.	1896	Курган 373.	XI—XII вв. (?)	Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок . . . , стр. 93.	—
XXXV	Войницы, бывш. Подольская губ.	Д. Я. Самоквасов.	1877	Курган «Острая могила».	XII—XIII вв.	Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 238.	—
XXXVI	Городек, Житомирская обл.	ИА АН УССР.	1946—1947	Из слоя городища.	XII—XIII вв.	КСИА АН УССР, вып. 10, Киев, 1960, стр. 134.	Обломок клинка.
XXXVII—XXXIX	Райки, там же.	Ф. Н. Молчановский.	1929—1935	То же.	XII—1-ая пол. XIII в.	В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 91—92.	—
XL	Межеречки, бывш. Подольская губ.	А. М. Абаза.	1895	Курган 2.	XIII—XIV вв.	ЗРАО, т. VIII, нов. сер., СПб., 1896, стр. 171.	Клинок в ножнах.
XLI	Севериновка, там же.	—	—	Из кургана.	XII—XIII вв.	Каталог выставки XI АС в Киеве, стр. 155—156, № 555.	Остатки ножен.

СКРАМАСАКСЫ

№ п. п.	Место находки	Обстоятельства находки			Дата	Измерения (в см)				Источник информации о находке	Место хранения	Примечание
		руководитель раскопок	год	комплекс		общая длина	длина лезвия	ширина лезвия	ширина перекрестья			
1	Горка Никольская, Юго-Восточное Приладожье.	Д. Е. Европеус.	1877	Курган 2.	2-я пол. X в.	—	14	3.8	—	Finskt Museum, t. XXIII, Helsinki 1916, рис. 31, 10, 16.	Национальный музей в Хельсинки.	Сохранились обломок клинка и ножен.
2	Залюцик, там же.	»	1874	Курган 1.	2-я пол. X в.	27	23	2	—	ESA, t. IV, Helsinki, 1929, стр. 241, рис. 2.	Там же.	Остатки ножен.
3	Михайловское, бывш. Ярославская губ.	П. А. Виноградов (?).	1899	Из кургана.	X в.	43	33	2	—	МПА, № 6, 1941, табл. VI, 2.	Ярославский музей.	—
4	Гнездово, бывш. Смоленская губ.	—	1890	То же.	X в.	—	—	—	—	МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 71.	—	—
5	Там же.	С. П. Сергеев.	1901	Курган 86 (18).	X в.	48	—	3.3	—	Там же, стр. 99, рис. 69.	ГИМ.	—
6	Шестовицы, Черниговская обл.	П. П. Смоличев.	1925	Курган II.	X в.	48	39	3	—	AA, v. II, f 3, København, 1931, стр. 290—291.	Черниговский музей.	То же.
7	Там же.	То же.	1925	Курган XII.	X в.	51	42	2.5	—	Там же, стр. 292—293, рис. 44a.	Там же.	» »
8	» »	Д. П. Блительд.	1948	Курган 9.	X в.	44	33	2.4	—	Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, табл. II, 4.	ИА АН УССР.	Конец обломан.
9	» »	Я. В. Станкевич.	1946	Курган 6.	X в.	41	35	2.1	—	КСИА АН СССР, вып. 87, М., 1962, стр. 26, рис. 10, 2.	» »	То же.
10	Киев.	В. А. Богусевич.	1948	Из полуземлянки.	ок. 1240 г.	50	42	4	—	Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, стр. 68—69, табл. II, 10.	» »	Рукоять отломана, по-видимому, сабля.

КИНЖАЛЫ

1	Новгород.	А. В. Арциховский.	1950	Из городского слоя.	X в.	33	23	3.3	—	МПА, № 65, 1959, стр. 129, рис. 4, 14.	—	—
2	Торопец, Калининская обл.	Я. В. Станкевич.	1958	Из слоя городища.	XIII в.	50.5	39	3.8	7	Сведения Я. В. Станкевича.	ЛОИА.	Перекрестье сбито.
3	Городище, Хмельницкая обл.	М. К. Каргер.	1962	То же.	1-я пол. XIII в.	21.3	14	3.2	—	Сведения М. К. Каргера.	»	—
4	Каменка, бывш. Каменец-Подольская губ.	П. Е. Бранденбург.	1899	Курган 441.	XII—XIII вв.	18	15.5	2.7	—	П. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 172.	Гос. Эрмитаж, ОИПК, 349/105.	—
5	Воинская Гребля, Полтавская обл.	ИА АН УССР.	1958	Из слоя городища.	XII—XIII вв.	—	—	—	8.5	Сведения Р. А. Юры.	ИА АН УССР.	—

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ В КАТАЛОГЕ НАХОДОК

- Алешки, см. Днепровский проток.
 Андреевка, сабли, IV.¹
 Антоновка, сабли, XVI.
- Безпечна, мечи, а, XX.
 Белз, мечи, б, 39.
 Блошинцы, сабли, XV.
 Бор, мечи, а, I.
 Бурты, сабли, 53—54.
- Вахрушева, мечи, а, 39, 55.
 Вербична, мечи, б, 6.
 Бывш. Вєсьгонский и Вышнево-
 лоцкий у. Тверской губ., мечи,
 а, III.
- Бывш. Владимирская губ., мечи,
 а, V; сабли, 26.
- Воздвиженское, мечи, б, 8.²
 Воинская Гребля (Воин), сабли,
 86—89; кинжалы, 5.
 Войницы, сабли, XXXV.
 Вщиж, мечи, а, XIII.
 Выгуровщина, сабли, 27.
 Высокое, мечи, б, VIII.
 Бывш. Вышневолоцкий у. Тверской
 губ., см. Вєсьгонский и Вышне-
 волоцкий у.
- Гадомка, см. Краснополка.
 Гатчина, мечи, б, 21.
 Германовская слобода, сабли, XI.
 Глуховцы, мечи, а, 83.
 Гнездово, мечи, а, 5, 15—17, 45, 46,
 59-62, 71-72, 75, VIII—XII;
 скрамасаксы, 4, 5.
 Горка Никольская, мечи, а, 74;
 скрамасаксы, 1.
 Городище, бывш. Владимирской губ.,
 сабли, 25.
 Городище, Хмельницкой обл. (Изя-
 славль), мечи, б, 5, 13, 36—38,
 XXIX; сабли, 93—108; кинжалы, 3.
 Городск, сабли, XXXVI.
 Гочево, сабли, 2—4.
 Грубское, сабли, 91, 92.
 Гурбы, мечи, б, XXX.
 Гурковичи, мечи, б, 3, 22.
 Днепровские пороги, о. Хортица,
 мечи, а, 30, 31, 36, 37, XXI.
- Днепровский проток между Херсо-
 ном и Алешками, мечи, а, 42.
 Драчи, сабли, 68, 69.
 Дрогичин, мечи, б, X, XI.
 Дуниковка, мечи, а, 33.
- Екимауцы, сабли, 17.
 Емчихи, сабли, XXXIV.
- Залужье, мечи, а, IV
 Залющик, мечи, а, б; скрамасаксы, 2
 Заозерье, мечи, а, 25, 40.
 Зеленки, сабли, 60—62, XXIII,
 XXIV.
- Кагарлык, сабли, 50, XVIII—XXI.
 Кагарлыкская слобода, сабли, 49,
 XXII.
- Каменка, кинжалы, 4.
 Карабчиев, мечи, а, 86.
 Карачевка (Донец), сабли, 13.
 Кашина, мечи, а, 53, 54.
 Киев, мечи, а, 23, 28, 51, 65, 76, 85,
 XV—XIX; мечи, б, 16, 18, 23, 43,
 XIII—XVI; сабли, 7, 8, 29, 30,
 V; скрамасаксы, 10.
 Бывш. Киевская губ., сабли, 12,
 76—85.
- Княжа Гора (Родня), мечи, б, 17,
 XVII—XX; сабли, 10, 11, 36—
 43, VI-IX.
- Ковали, сабли, 64, 65.
 Колодежное (Колодяжин), мечи,
 б, XXVIII; сабли, 90.
 Краснополка—Гадомка, сабли, 44—
 48, XVII.
- Красный Рог, мечи, а, 22.
 Краснянка, мечи, а, 82.
 Крылос (Галич), мечи, б, 7.
- Леонова, мечи, а, 24.
 Липлява, мечи, б, XXII.
 Липовец, сабли, 51, 52.
- Макарецкая Дача, мечи, б, 34.
 Малое Терюшево, сабли, III.
 Малы, мечи, б, 14.
 Мануйлова, мечи, б, 1, VII.
 Маркененты, сабли, 23.
 Межерички, сабли, XL.
- Минск, мечи, б, 10; сабли, 21.
 Мировка, сабли, XXXIII.
 Михайловское, мечи, а, 4, 44, 56—
 58, 70, VI; скрамасаксы, 3.
 Монастырище, мечи, а, 35.
 Муром, сабли, 1.
- Нежиловичи, сабли, X.
 Николаевка, сабли, 67.
 Новгород, мечи, а, 34, 69, 80; мечи,
 б, 30; сабли, 18—20, 1; кинжалы, 1.
 Бывш. Новгородская губ., мечи,
 а, 48.
 Новогрудок, мечи, б, 2; сабли, 22.
 Новоселки, мечи, а, 2, 13, 14.
- Орлишки, сабли, II.
- Пальчик, сабли, XII.
 Пастырское, мечи, б, 12.
 Паша, река, мечи, а, II.
 Пешки, сабли, 63, XXVI.
 Пиркинское, мечи, а, 7.
 Подболотье, мечи, а, 11, 12; мечи,
 б, 9.
 Подгорцы (Плеснеск), мечи, а, 29, 66.
 Бывш. Полтавская губ., мечи, б, 4.
 Полоцк, мечи, а, 63.
 Поток, сабли, 66.
 Псков, мечи, б, 31, 42.
- Райки, мечи, а, 32, мечи, б, 24,
 44, 45, XXIII—XXVII; сабли,
 XXXVII—XXXIX.
 Рокот, мечи, а, 47.
 Россава, сабли, 71—73, XXVIII—
 XXXII.
 Ростов-Ярославский, мечи, а, 49.
 Ручьи, мечи, а, 67.
 Бывш. С.-Петербургская губ., мечи,
 а, 9, 10, 77; б, 28, 29, I-VI.
- Сахновка, сабли, 9, 31—35.
 Севериновка, сабли, XLI.
 Северная Россия, мечи, б, 32.
 Селюковщина, мечи, а, 26.
 Серенск, мечи, б, 13, IX.
 Средняя Россия, мечи, а, VII.
 Стайки, мечи, б, 11.

¹Римские и арабские цифры после названия обозначают номер, которым предмет помечен в каталоге и на карте. Мечи IX — первой половины XI в. обозначены буквой «а», мечи второй половины XI—XIII в. — буквой «б».

²В скобках — древние исторические названия.

Старая Дорога, мечи, б, 33.
Старая Рязань, мечи, а, 84.
Степанцы, сабли, 57, 58, XXV.
Сязнега, мечи, а, I.

Таганча, сабли, 74, 75.
Таманский полуостров, мечи, а, 73.
Терюшево, см. Малое Терюшево.
Торопец, кинжалы, 2.
Трилесы, сабли, XIII, XIV.
Тяглино, мечи, б, 20.

Украина, мечи, б, 19, 25—27, 35.
Усть-Рыбежна, мечи, а, 43.

Флерковка, мечи, б, XXI.
Фощеватая, мечи, а, 87.

Харлапова, мечи, а, 27
Харьковская обл., мечи, а, 38.
Херсон, см. Днепровский проток.
Остров Хортица, см. Днепровские пороги.
Хотынцы, мечи, б, 15

Цимлянская, мечи (Саркел—Белая Вежа), а, 52, сабли, 14—16, 109.
Цозаровка, сабли, 55, 56.

Чернигов, мечи, а, 41, 50, 81, мечи, б, XII; сабли, 5

Шестовицы, мечи, а, 19—21, 64, 68.
XIV; сабли, б; скрамасаксы, 6—9,

Щуковщина, мечи, а, 79.

Юго-Восточное Приладожье, мечи, а, 8.
Юзефовка, сабли, 59.
Юрьев-Польской, сабли, 24

Яблоновка, сабли, 70, XXVII.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	— Артиллерийский Исторический музей.	МАР	— Материалы по археологии России.
АС	— Археологический съезд.	МГУ	— Московский государственный университет.
ВИ	— Вопросы истории.	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ВИС	— Военно-исторический сборник.	МИСО	— Материалы по изучению Смоленской области.
ВОРАО	— Восточное отделение Русского археологического общества.	ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.	ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.	ПАО	— Псковское археологическое общество.
ЗОРСА	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.	ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.	ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР.	РИМ	— Российский Исторический музей.
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук УССР.	СА	— Советская археология.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.	ЧИОНЛ	— Чтения в Историческом обществе Нестора летописца.
ИБ	— Институт Востоковедения Академии наук СССР.	АА	— Ada Archaeologica.
ИМ АИМ	— Исследования и материалы Артиллерийского Исторического музея.	АН	— Archaeologia Hungarica.
КИМ	— Киевский Исторический музей.	ЕА	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.	НФ	— Neue Folge.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук УССР.	ПАУ	— Polska Akademia Umiejetnosci.
ЛИМ	— Львовский Исторический музей.	СМЯ	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.	ВА	— Wiadomosci Archeologiczne.
		ZDMG	— Zeitschrift der deutsche morgenlandischen Gesellschaft.
		ZWK	— Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde.

LES ARMES DE LA RUSSIE MÈDIEVALE

PREMIER VOLUME LES ÉPÉES ET LES SABRES

RESUMÉ

Le présent ouvrage est consacré à l'étude des armes blanches russes du IXe au XIIIe siècle. Il offre un tableau aussi complet que possible des matériaux archéologiques, arrangés systématiquement et datés. Il décrit l'apparition, le développement, l'extension et l'utilisation au combat des épées et des sabres, ainsi que des coutelas et des poignards. Cet ouvrage contient aussi des schémas typologiques des épées et des sabres qui montrent leur évolution du Xe au XIIIe siècle, et des tables précisant la répartition géographique des trouvailles et leur datation. A la fin de cette étude se trouve un catalogue détaillé des objets.

Chapitre 1

SOURCES, TECHNIQUES ET MÉTHODES DE L'ÉTUDE DES MATÉRIAUX ARCHÉOLOGIQUES

Ce chapitre contient une étude critique des objets, des inscriptions, des motifs décoratifs et autres. Il fait des suggestions d'ordre méthodologique. Il analyse des sources concernant les armes du combat corp à corps et il apporte une contribution valable non seulement à ce présent volume, mais encore au volume suivant du même auteur consacré aux piques, aux haches de guerre, aux massues etc.

Chapitre 2

LES ÉPÉES (183 exemplaires)

L'auteur a lui-même nettoyé à l'aide d'un acide, nommé le réactif Gein ($\text{CuCl}_2\text{NH}_4\text{Cl}$), les lames de façon à faire apparaître les divers poinçons. Ces poinçons, fort nombreux, constituent une nouvelle source historique de grande importance, car ils permettent de localiser les centres de fabrication des armes blanches et

de tracer l'évolution de l'idéologie de la chevalerie féodale. 60% de toutes les épées de la fin du IXe jusqu'au début du XIe siècle, à en juger d'après leurs poinçons (noms de forgerons, divers signes en forme de croix, de cercle ou de fer à cheval) ont été fabriquées très probablement dans les ateliers carolingiens de la région du Rhin. La provenance des autres épées, de même époque, reste à établir. Certaines portent des signes alphabétiques, des figures géométriques jusqu'ici uniques, des motifs en damasquinage, sur d'autres ces caractéristiques ont disparu ou bien n'y ont jamais figuré. Aux environs de l'an 1000 on fabriquait en Russie même des lames portant le nom de l'artisan, la preuve en est une épée avec l'inscription suivante en russe: «ЛЮДОТА (ou ЛЮДОША) КОВАЛЬ». Ce fait est affecté également par la typologie des épées (pour leur classification est adopté le schéma de J. Petersen devenu international). Vers l'an 1000 on voit apparaître des formes indubitablement locales (type A local), qui témoignent de la modification de la poignée d'épée traditionnelle des Francs. Après une époque de tâtonnement et de recherches dans le domaine de formes originales dans les années 1000—1100, le développement de l'épée russe au cours des deux siècles suivants, se conformera de nouveau — avec quelques modifications — au «standard» européen. Aux XIIe et XIIIe siècles on utilisait en Russie des épées de tous les types connus à cette époque en Europe Centrale et Occidentale. Dans leur majorité il s'agissait d'épées ayant des pommeaux en forme de disque (type VI). Cependant à côté d'épées proprement romanes, il y avait alors en Russie des exemplaires comportant des poignées tout à fait particulières d'inspiration probablement locale (types I, II, IIA). Au cours du nettoyage des épées du XIe au XIIIe siècle on a découvert onze pièces indubi-

tablement importées présentant des noms d'artisans occidentaux, des formules latines et des marques de contrôle. L'interprétation hypothétique des abréviations sur trois épées du XIIe—XIIIe siècle permet d'affirmer leur caractère religieux. L'hypothèse de la fabrication locale d'épées au XIIe—XIIIe siècle est confirmée également par l'analyse typologique, par certains poinçons (ornements, figures et signes, motifs en damasquinage) ainsi que par une icône du XIIe siècle portant l'image d'une épée aux signes d'un prince russe. Au cours de toute la période pré-mongole l'épée était employée par des soldats de métier en premier lieu comme arme d'estoc et de taille.

Chapitre 3

SABRES

(150 exemplaires)

La lame courbe a apparu en Russie au Xe siècle comme une arme d'origine orientale.

Dans les régions avoisinantes de la steppe, c'est le sabre qui était particulièrement populaire comme arme de combat à cheval. Au cours de Xe—XIIIe siècle il n'a cependant pas éliminé l'usage de l'épée. L'évolution de la lame du sabre présente les caractéristiques suivantes: elle s'est allongée, sa courbure s'est accentuée et son poids a augmenté. La classification détaillée des sabres a été effectuée non d'après leurs lames, mais essentiellement d'après leurs gardes. Aux XIe—XIIIe siècles étaient surtout répandues des gardes en forme de losange (type II). L'évolution de la garde tendait à assurer la protection circulaire de la main et à neutraliser les coups de l'ennemi de quelque côté qu'ils ne viennent (types IIA, IIB, III). Le perfectionnement de la garde a eu lieu aux XIIe—XIIIe siècles d'abord dans les villes du Sud de la Russie et ne présente aucun signe de dépendance à l'égard du sabre des nomades. A la fin de ce chapitre sont étudiés des scramasaxes (10 exemplaires), des coutelas et des poignards (5 exemplaires). Au combat ils étaient utilisés comme armes auxiliaires d'estoc et de taille.

ТАБЛИЦЫ I-XV. МЕЧИ IX - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI в.

Т а б л и ц а I.

1 - Гнездово (45), 2 - Усть-Рыбежна (43), 3 - Гнездово (62), 4 — Новгород (69),
5 - Вахрушева (39).

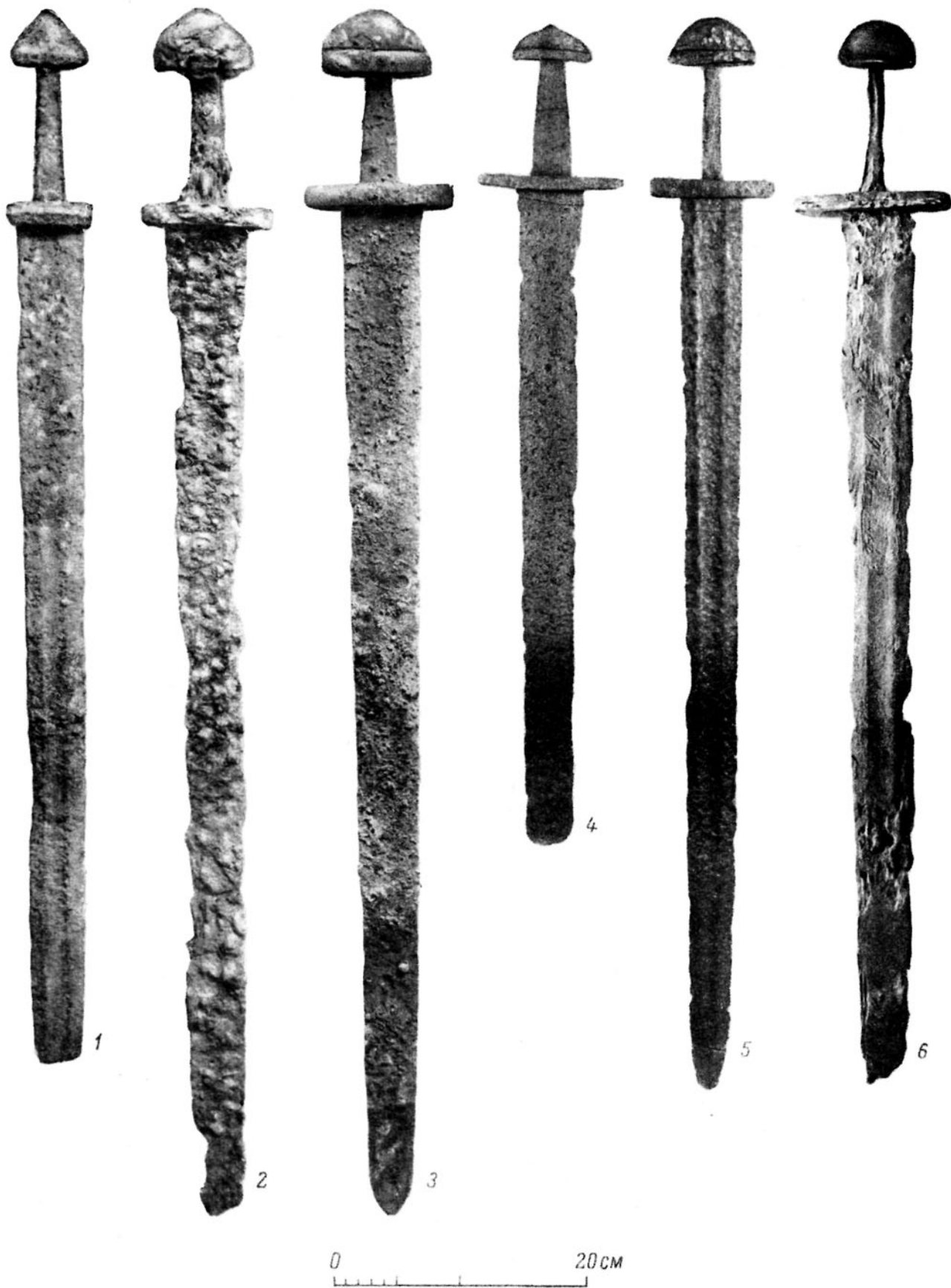

Таблица II.
1 - Бор (1); 2 — Кашина (54), 3 - Заозерье (40), 4 - Ленинградская область (10), 5 - Ручьи (67), 6 — Михайловское (70).

Таблица III.
1 — Гнездово (5), 2 — Монастырище (35).

Таблица IV.
1 — Михайловское (4), 2 — Чернигов (50).

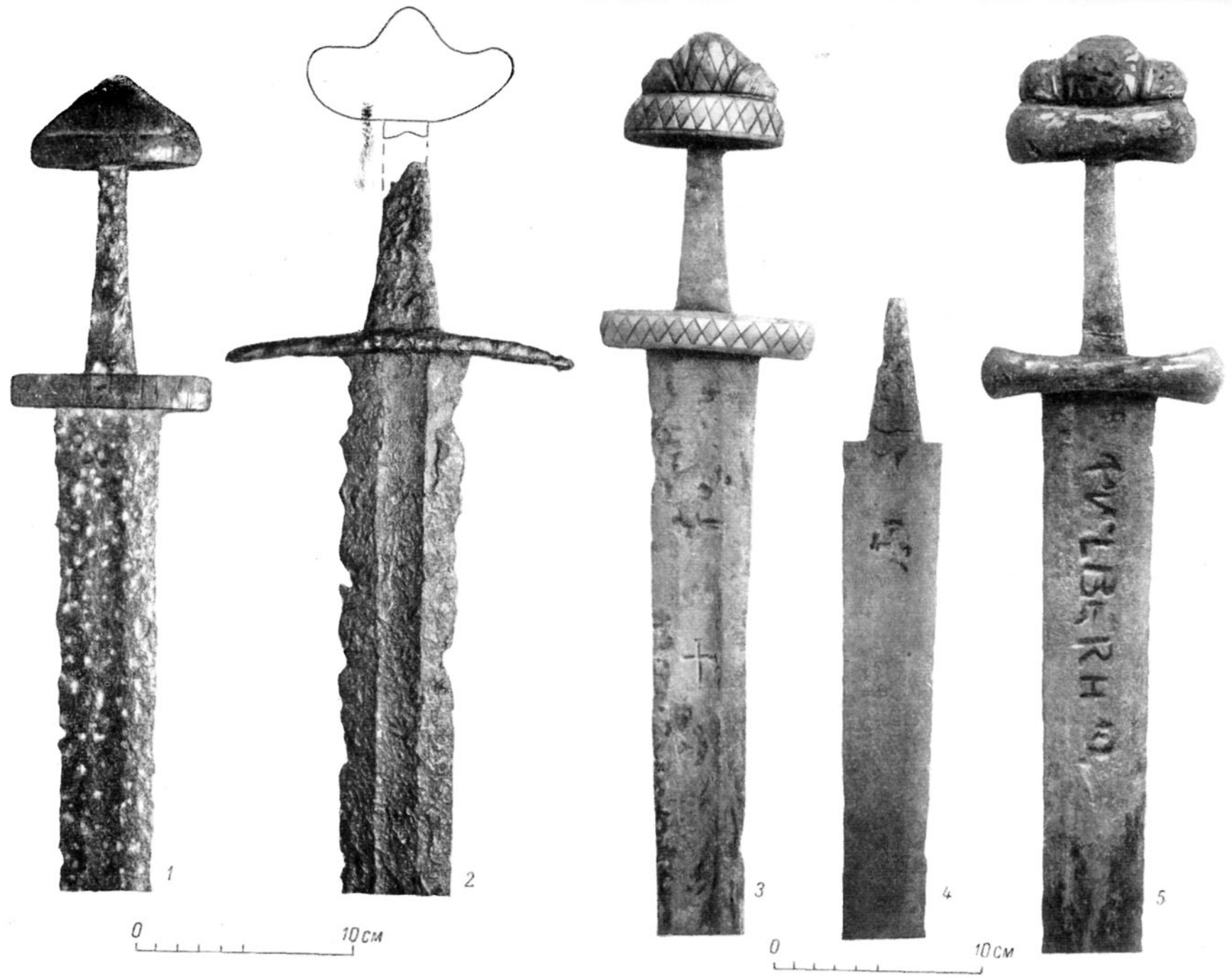

Таблица V.

1 — Пиркинское (7) (фотография Национального музея Финляндии), 2 — Горка Никольская (74) (фотография Национального музея Финляндии), 3 — Днепровские пороги, о. Хортица (37), 4 — там же (XXI), 5 — там же (30).

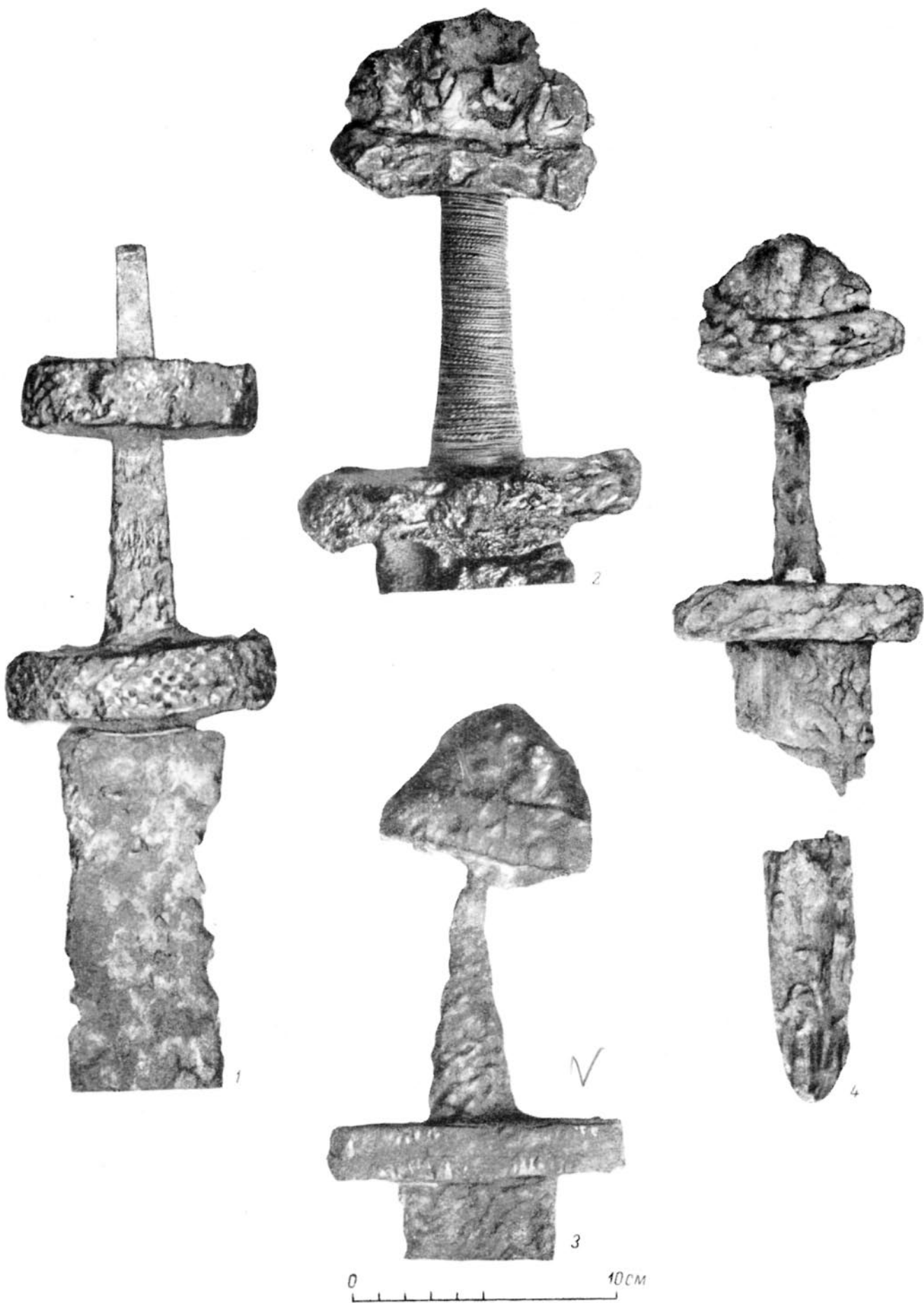

Таблица VI.

1 — Рокот (47), 2 — Леонова (24), 3 — Полоцк (63), 4 — Харлапова (27).

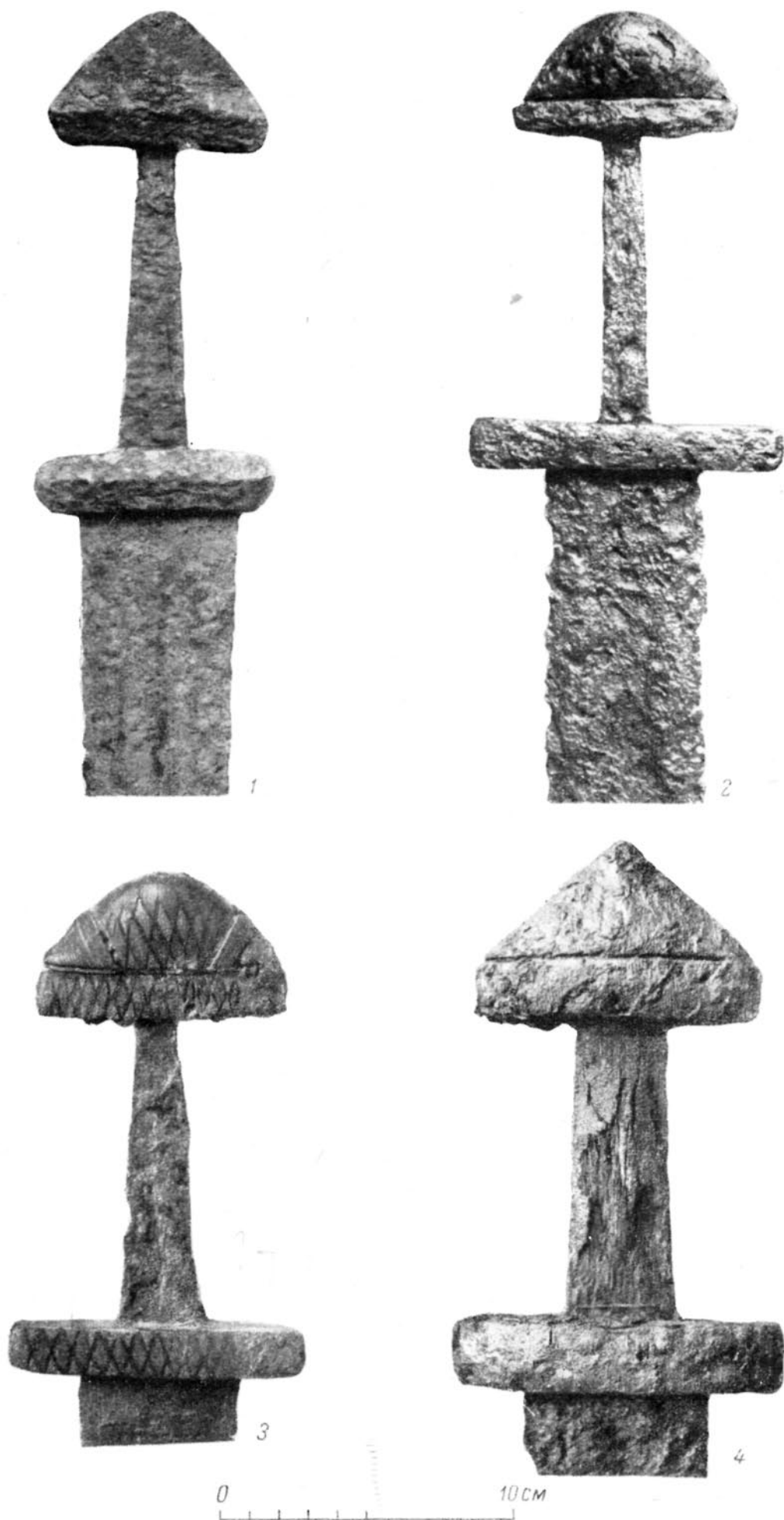

Таблица VII.

1 — Кашина (53), 2 — Гнездово (46), 3 — Шестовицы (64), 4 — Усть-Рыбейна (43).

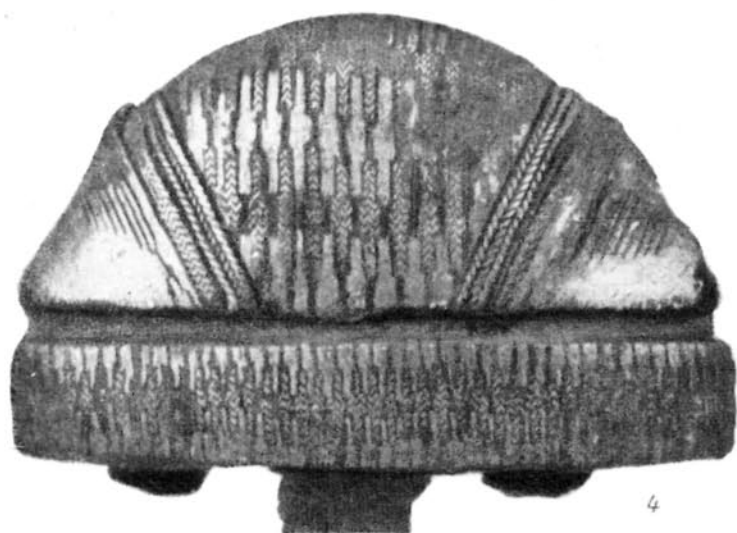
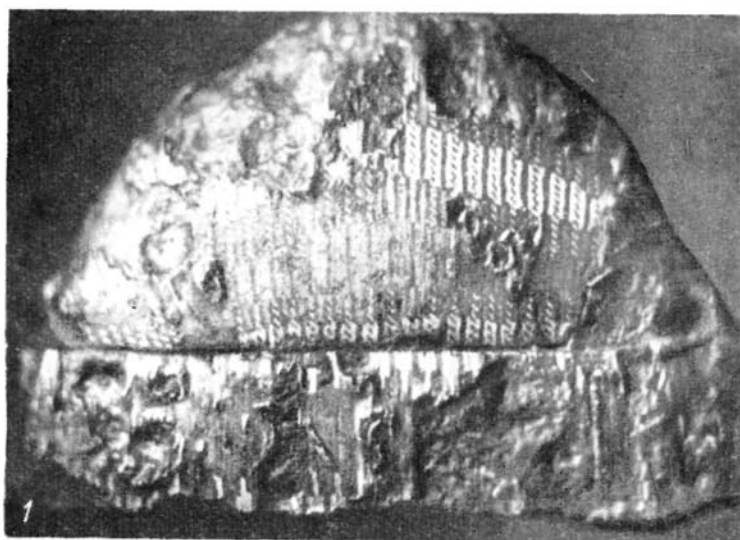

Т а б л и ц а VIII.

1 — Место находки неизвестно (3), 2 — Ручьи (67), 3 — Вахрушева (39), 4 — Гнездово (17).

Таблица IX.
1 — Подгорцы (29), 2 — Глуховцы (83).

Т а б л и ц а X.

1 — Кашина (53), 2 — Вахрушева (39), 3 — Усть-Рыбежна (43), 4 — Шестовицы (64).

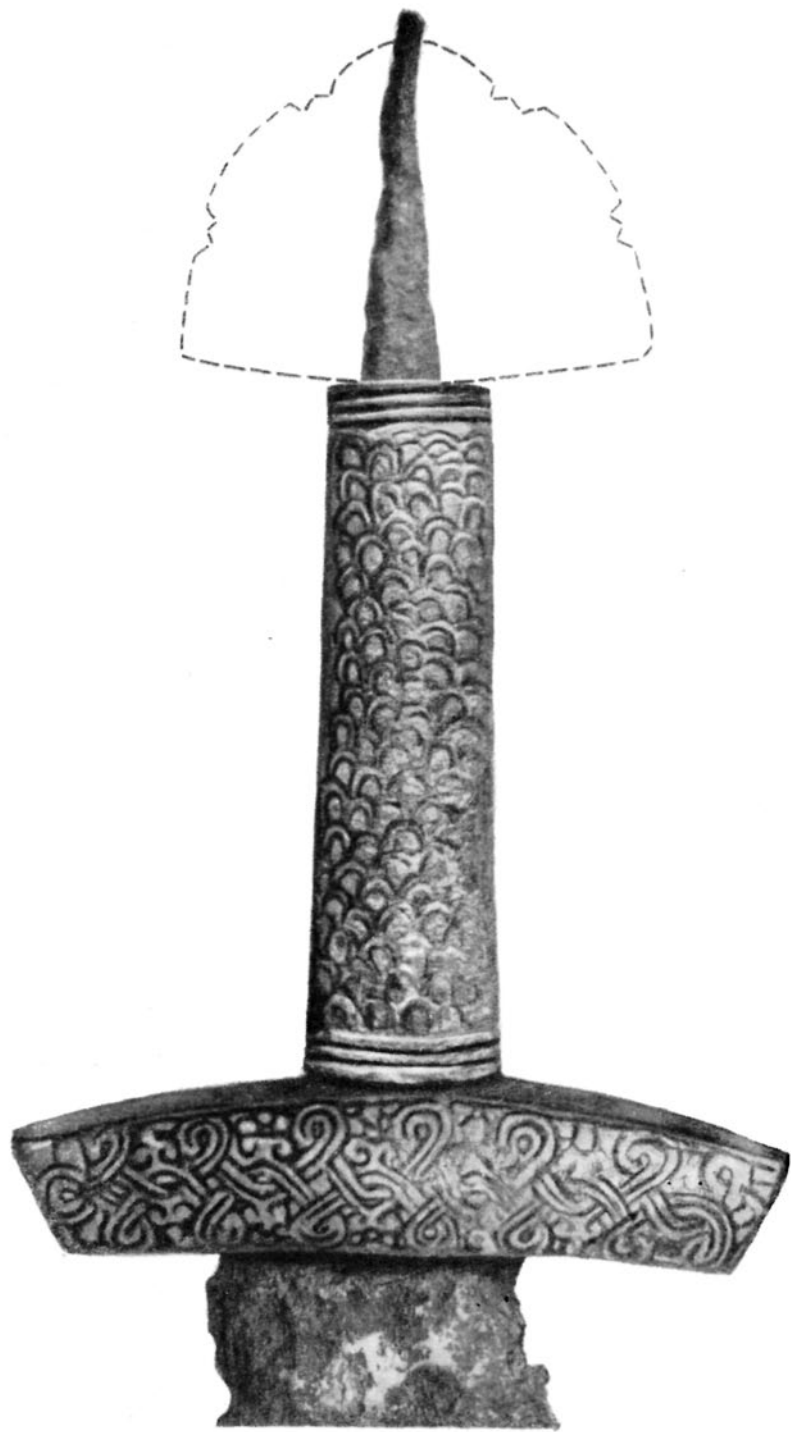

Таблица XI.
Киев (85).

0 5 cm

Таблица XII.
Карабчиев (86).

Таблица XIII.
Фощеватя (87).

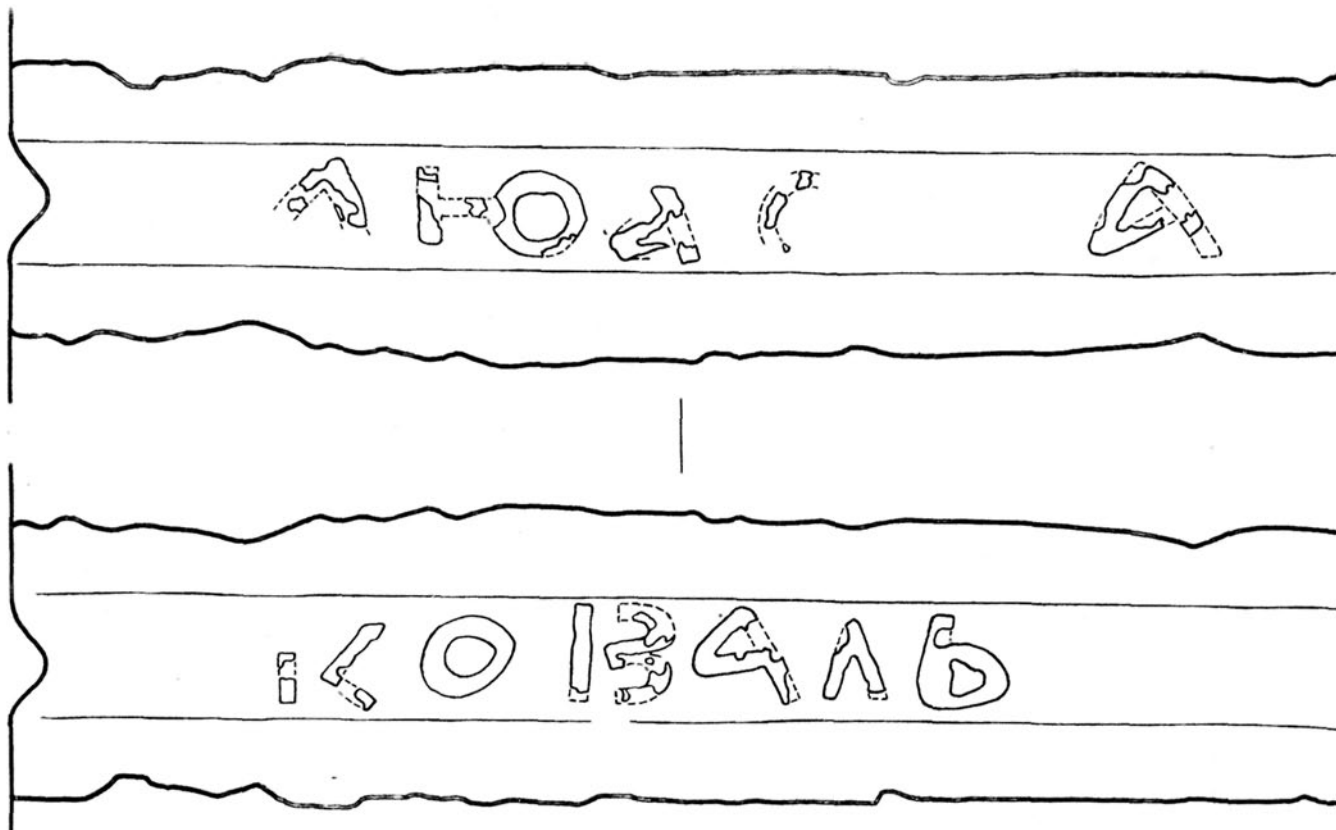

Таблица XIV.
Фощеватая (87), клеймо на лезвии.

Л Ю А (

1

2

А

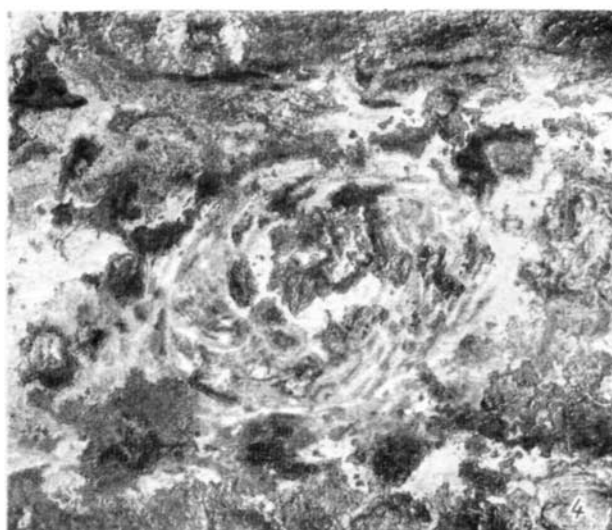
3

О В А Б

4

5

6

2cm
0

Таблица XV.
Фощеватая (37). Съемка Киевского научно-исследовательского института судебной экспертизы.
1—6 — Л, Ю, А, О, В, Б — буквы клейма.

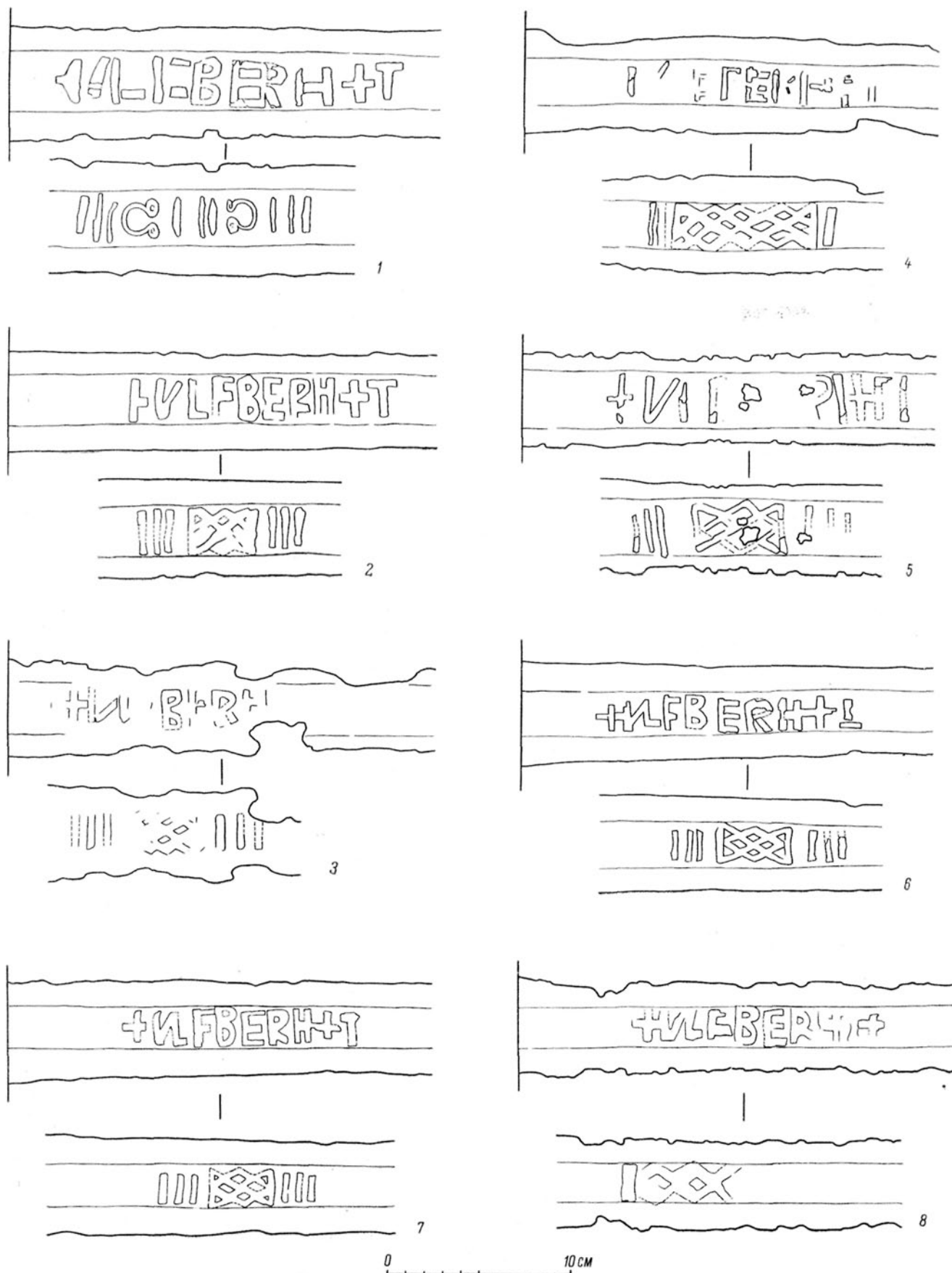

Таблица XVI.

1 — Гнездово (45); 2 — Гнездово (62); 3 — Кашина (53); 4 — Рокот (47); 5 — Новгород (34); 6 — Болгарское городище, бывш. Казанская губ. (тип. Н, X в., ГИМ); 7 — Шестовицы (64); 8 — Красный Рог (22).

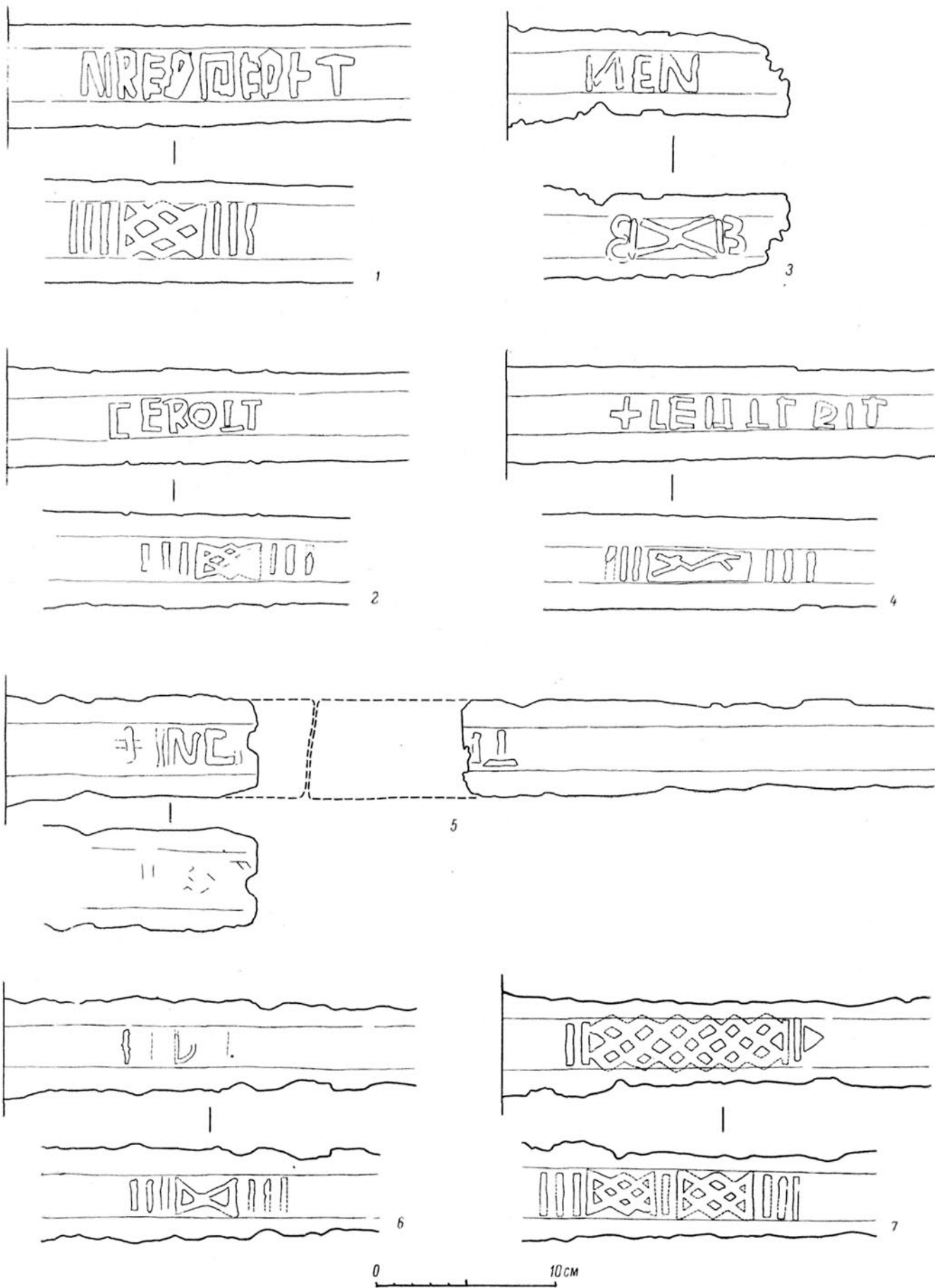

Таблица XVII.

1 — Монастырище (35); 2 — Заозерье (40); 3 — Гнездово (71); 4 — Альметьево, бывш. Чистопольский у. Казанской губ. (тип Н, X в., ГИМ, хр. 12/1); 5 — Гнездово (61); 6 — Шестовицы (19); 7 — Киев (51).

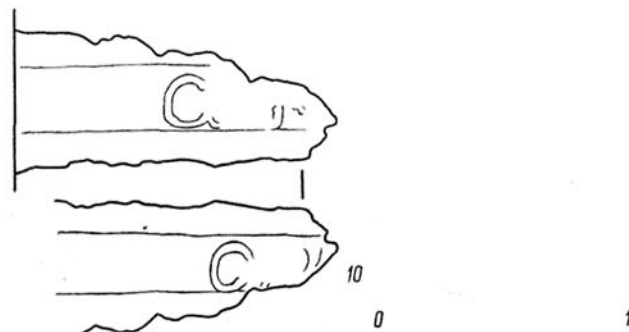
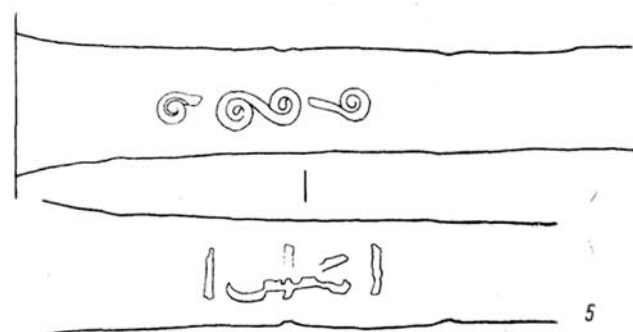
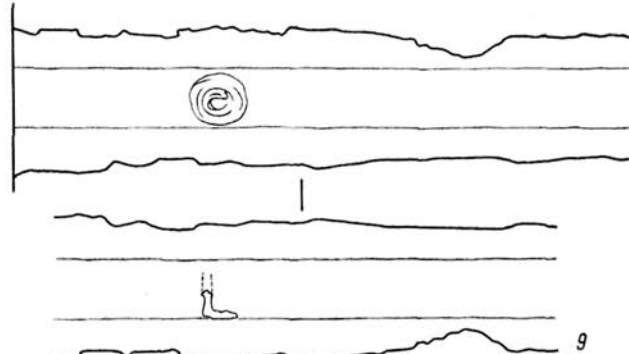
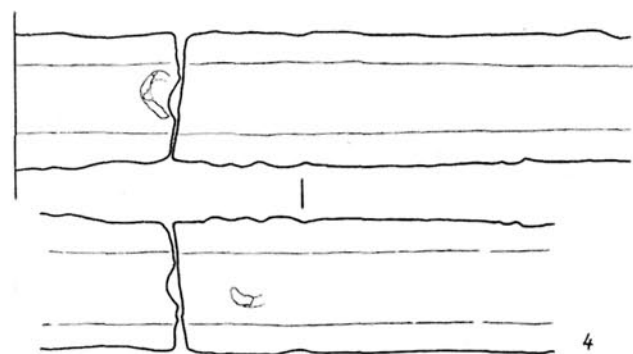
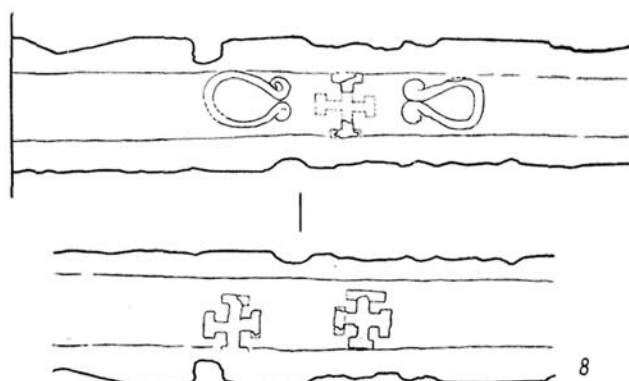
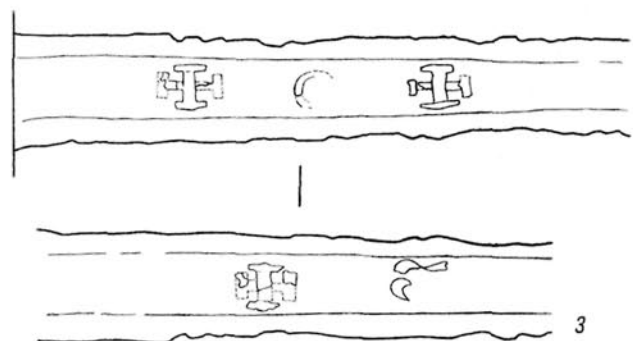
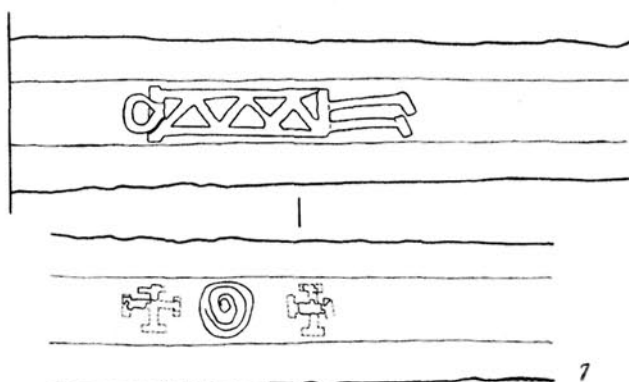
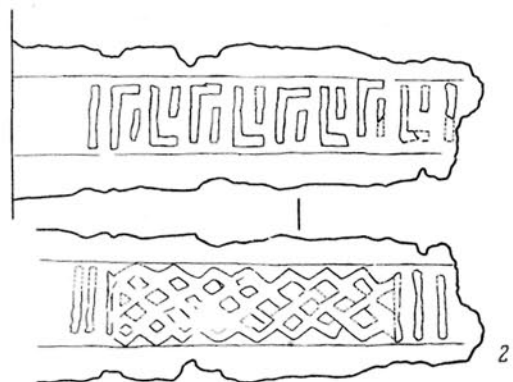
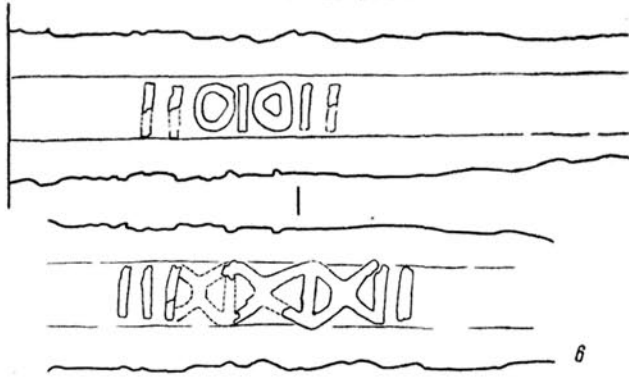
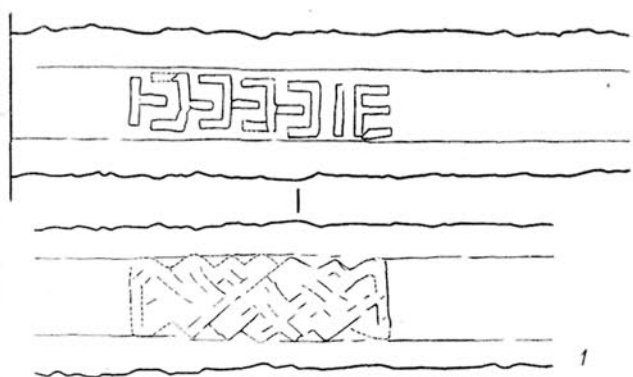
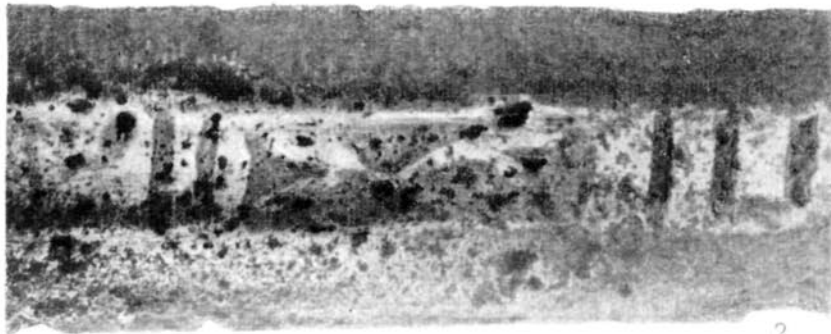
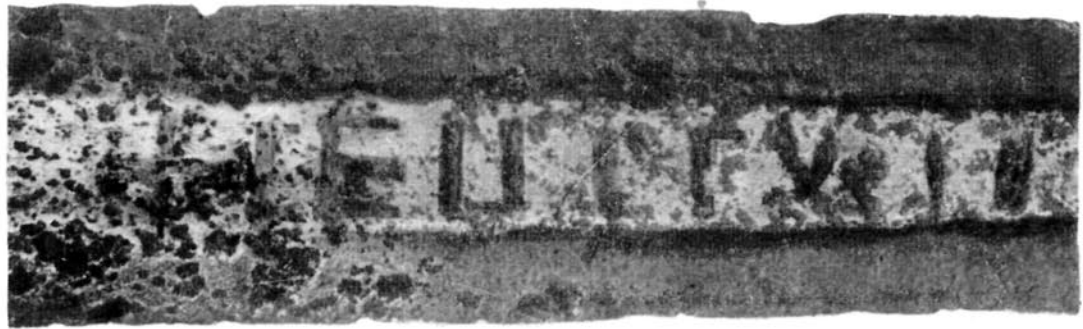

Таблица XVIII (подпись на след. стр.)

2

3

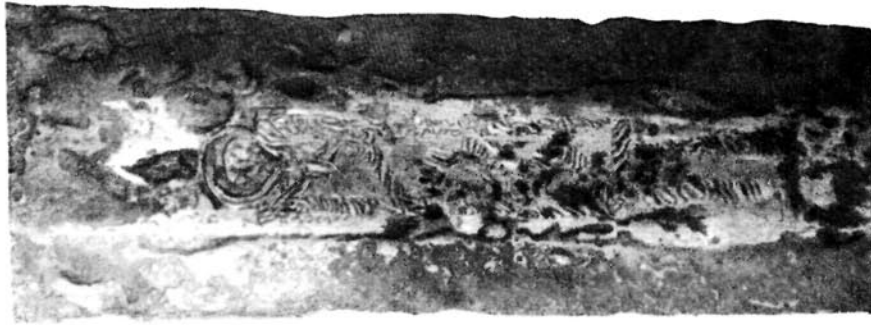
1

Таблица XIX.

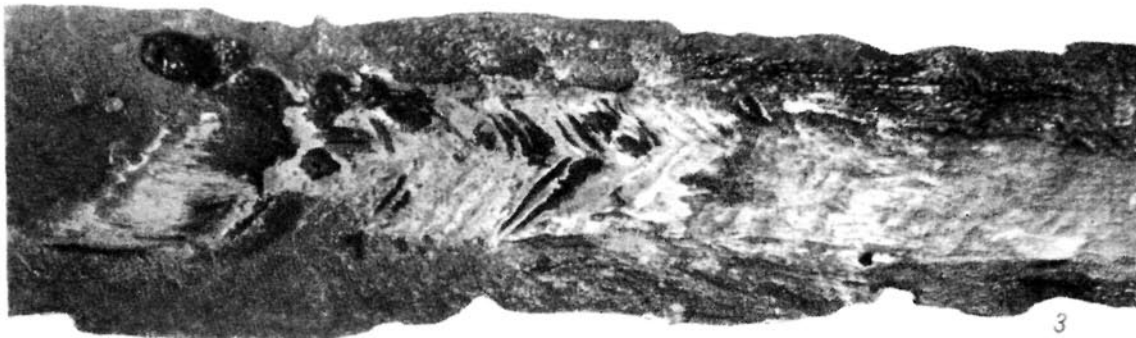
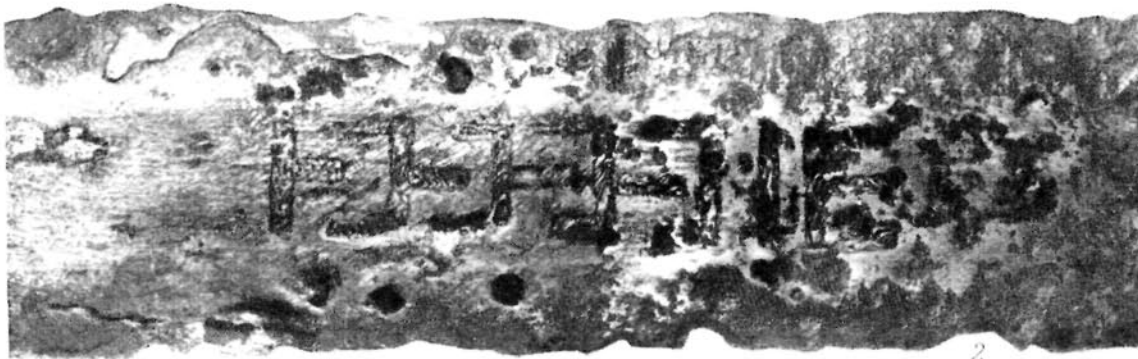
1, 2 — Альметьево (тип. Н, X в., ГИМ, хр. 12/1); 3 — Болгарское городище (тип. Н, X в., ГИМ).

Подпись к таблице XVIII.

1 — Средняя Россия (VII); 2 — Гнездово (15); 3 — место находки неизвестно (78); 4 — Вахрушева (55); 5 — Альметьево, бывш. Чистопольский у. Казанской губ. (тип. Е, X в., ГИМ, хр. 14/1); 6 — Михайловское (4); 7 — Гнездово (46); 8 — Усть-Рыбейна (43); 9 — Гнездово (17); 10 — Заозерье (25).

0 5 CM

0 5 CM

Таблица XX.

1 — Гнездово (46); 2 — Средняя Россия (VII); 3 — Михайловское (70).

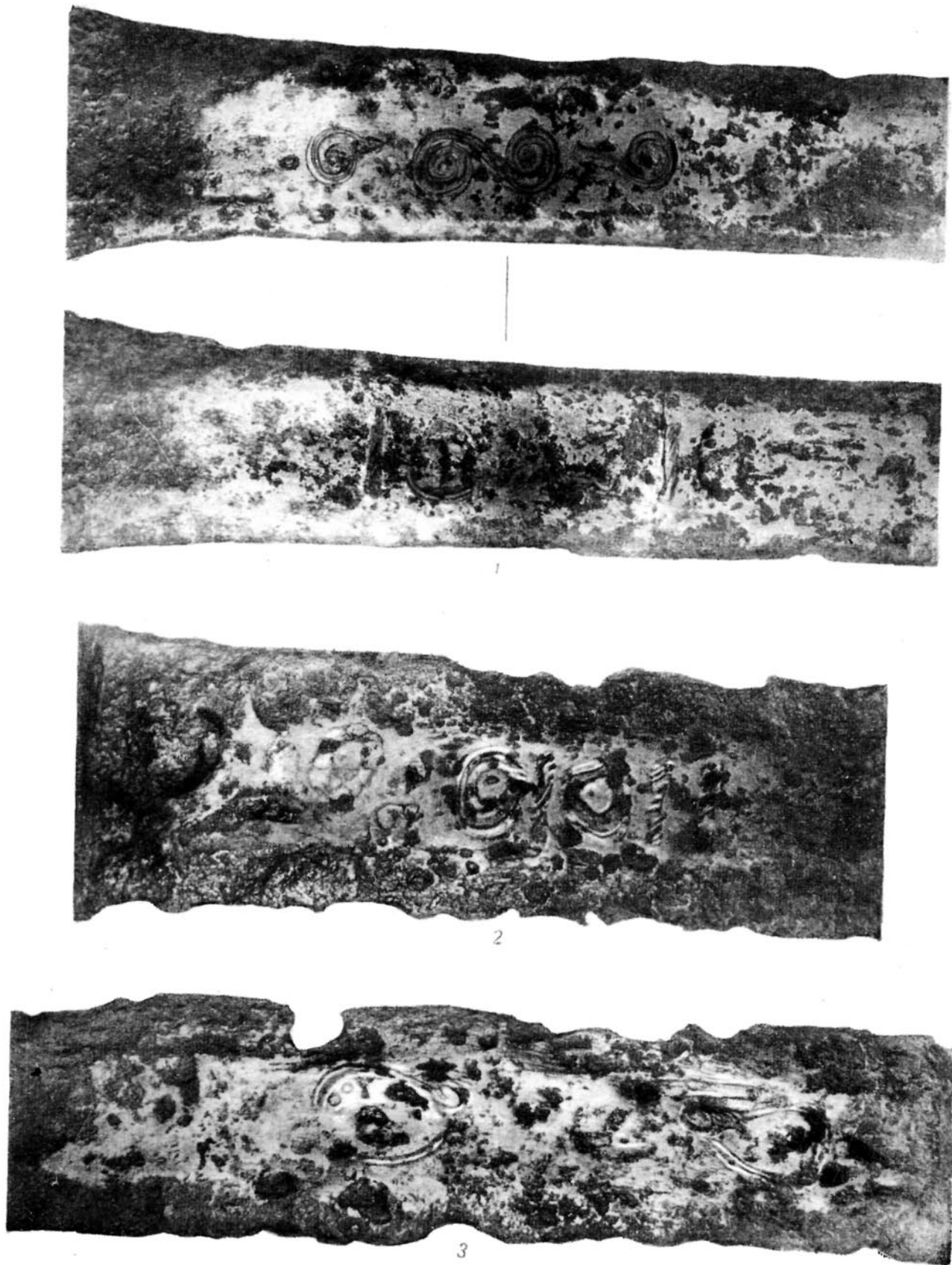
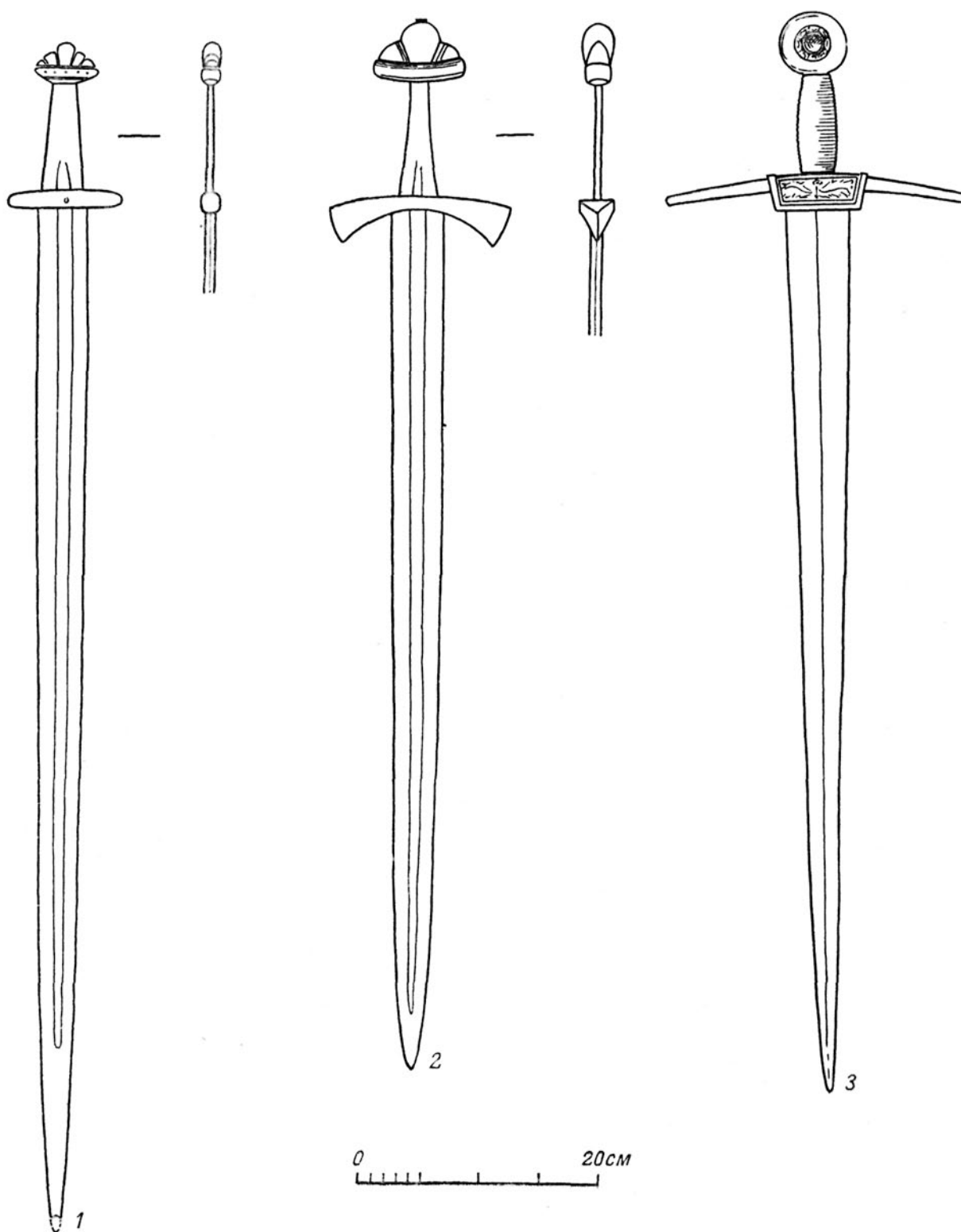

Таблица XXI.

1 — Альметьево (тип. Е, X в., ГИМ, хр. 14/1); 2 — Михайловское (4); 3 — Усть-Рыбежна (43).

Т а б л и ц а XXII.

1 — Полтавщина (4); 2 — Воздвиженское? (8); 3 — Псков, приписывается князю Довмонту (31).

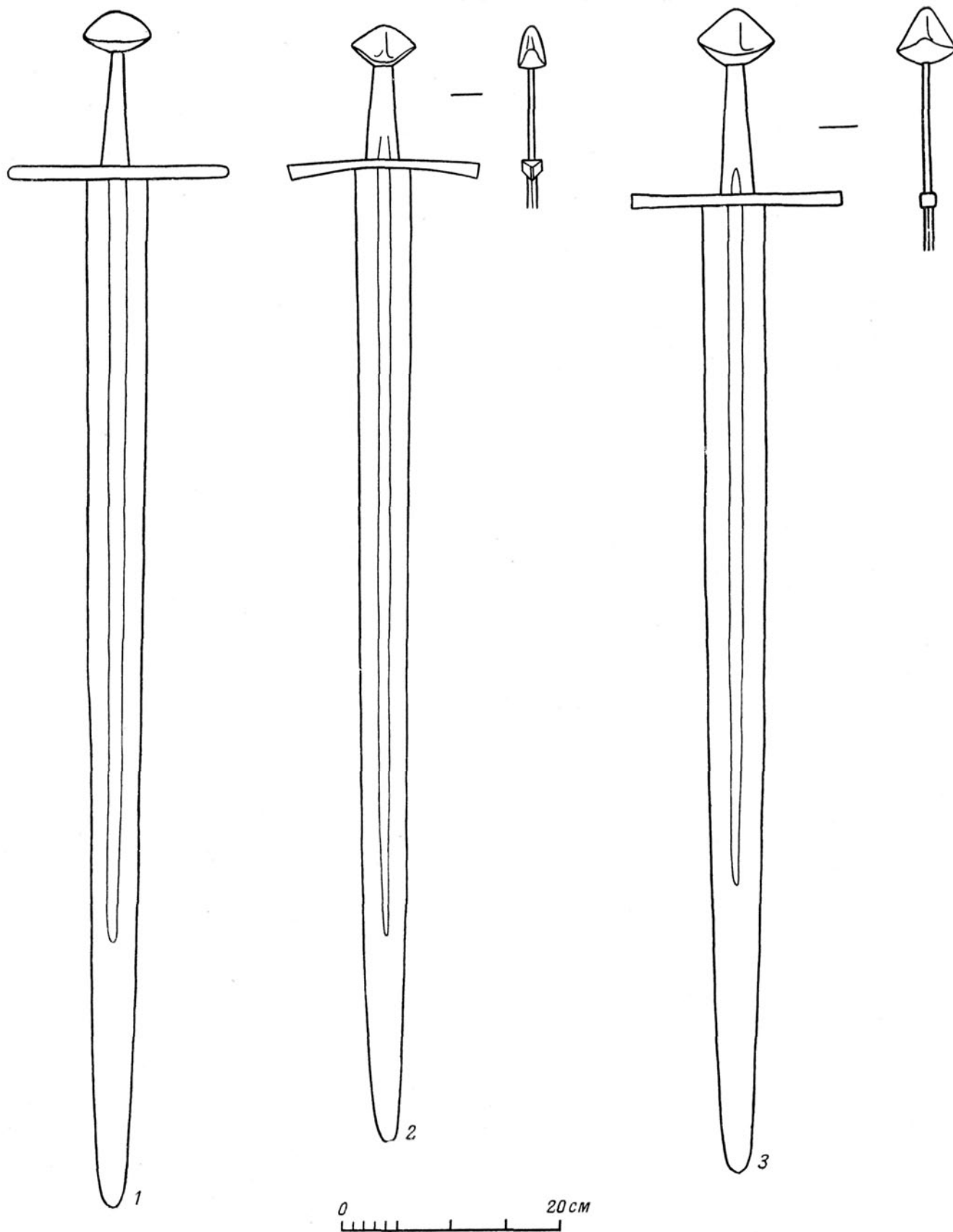

Таблица XXIII.

1 — Украина (19); 2 — Киев (23); 3 — Украина (27).

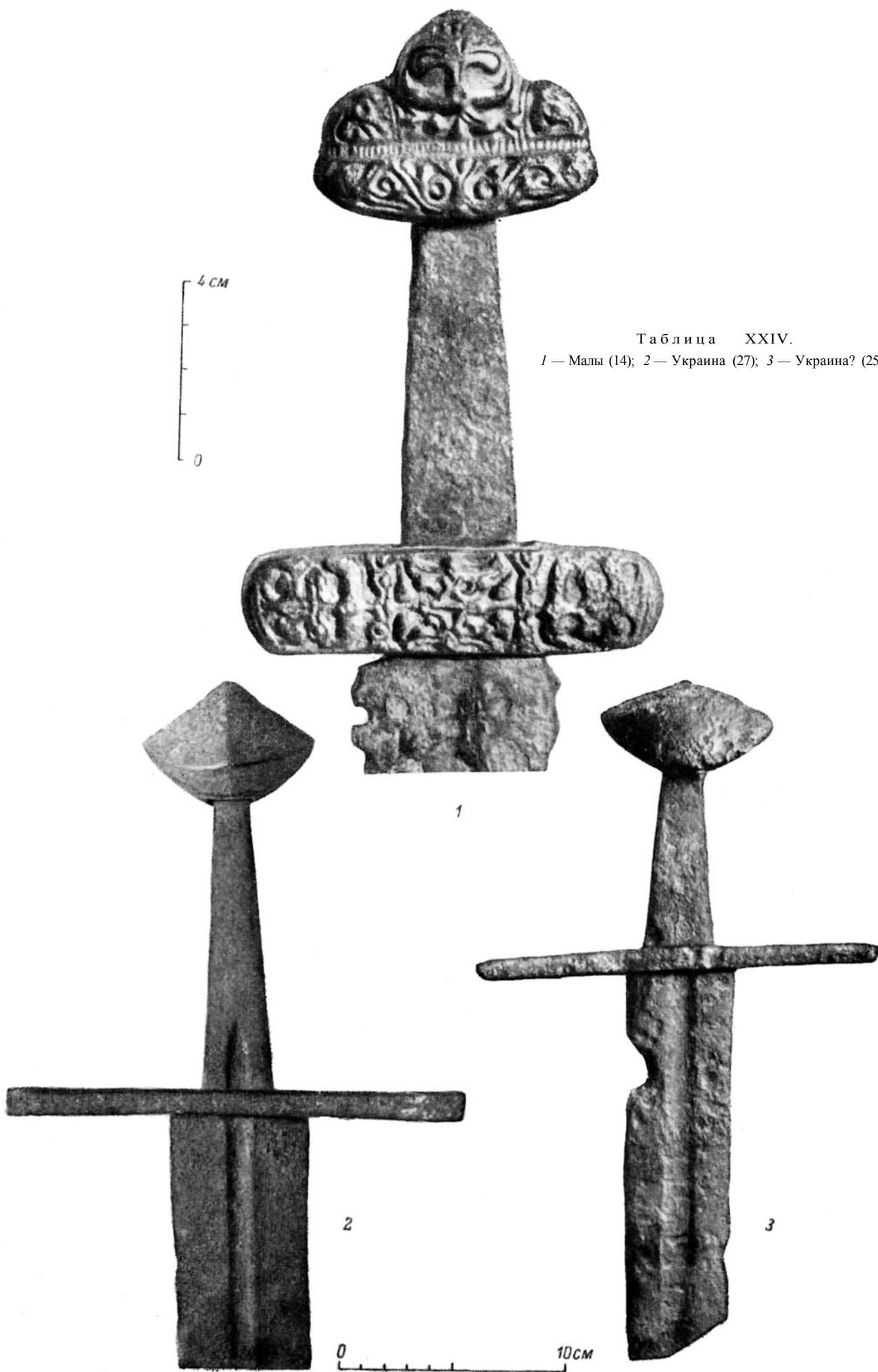
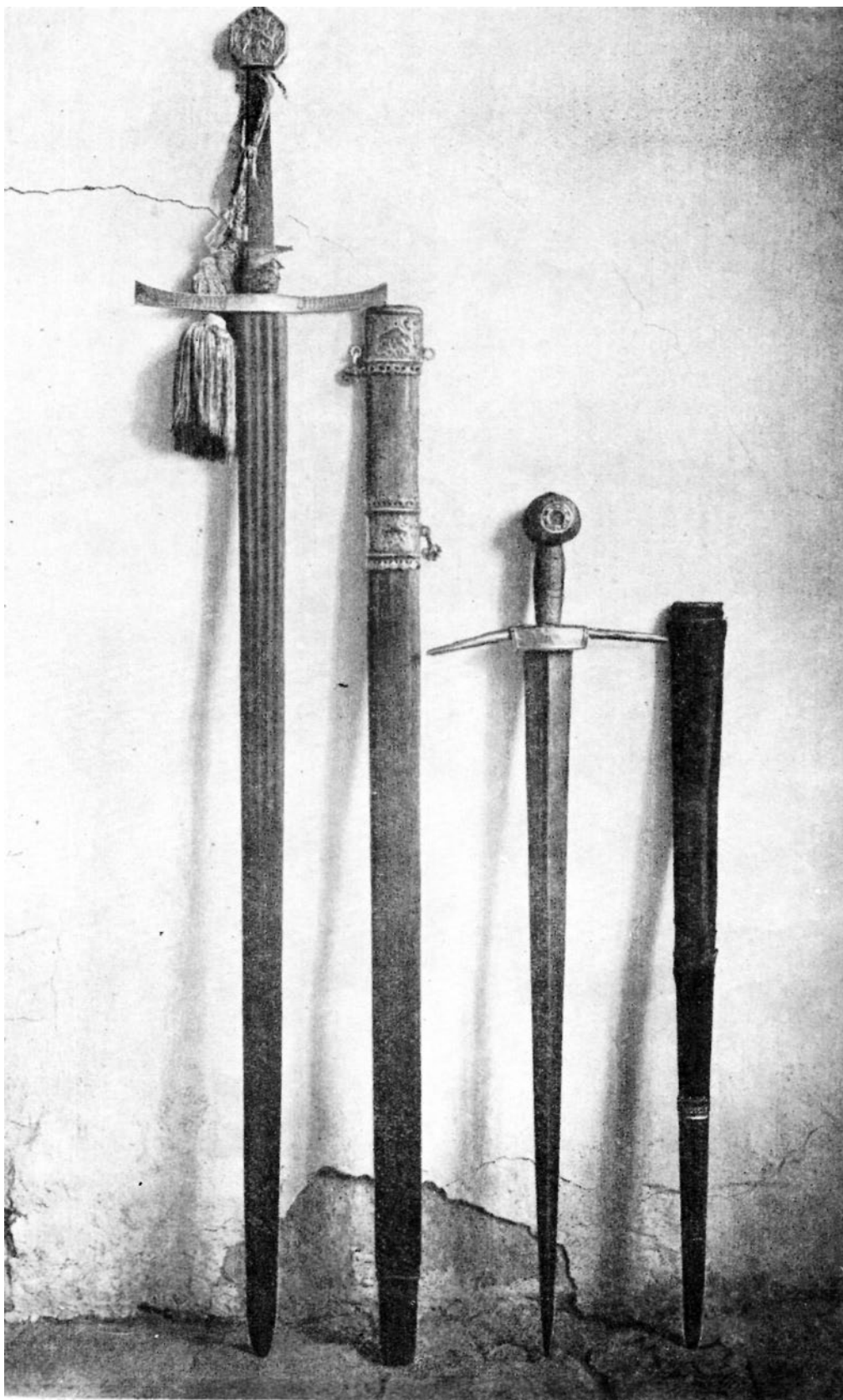

Таблица XXIV.
1 — Малы (14); 2 — Украина (27); 3 — Украина? (25).

Таблица IX.
1 — Подгорцы (29), 2 — Глуховцы (83).

1

2

0 25 см

Таблица XXVI.

1 — Псков (42); 2 — Псков (31).

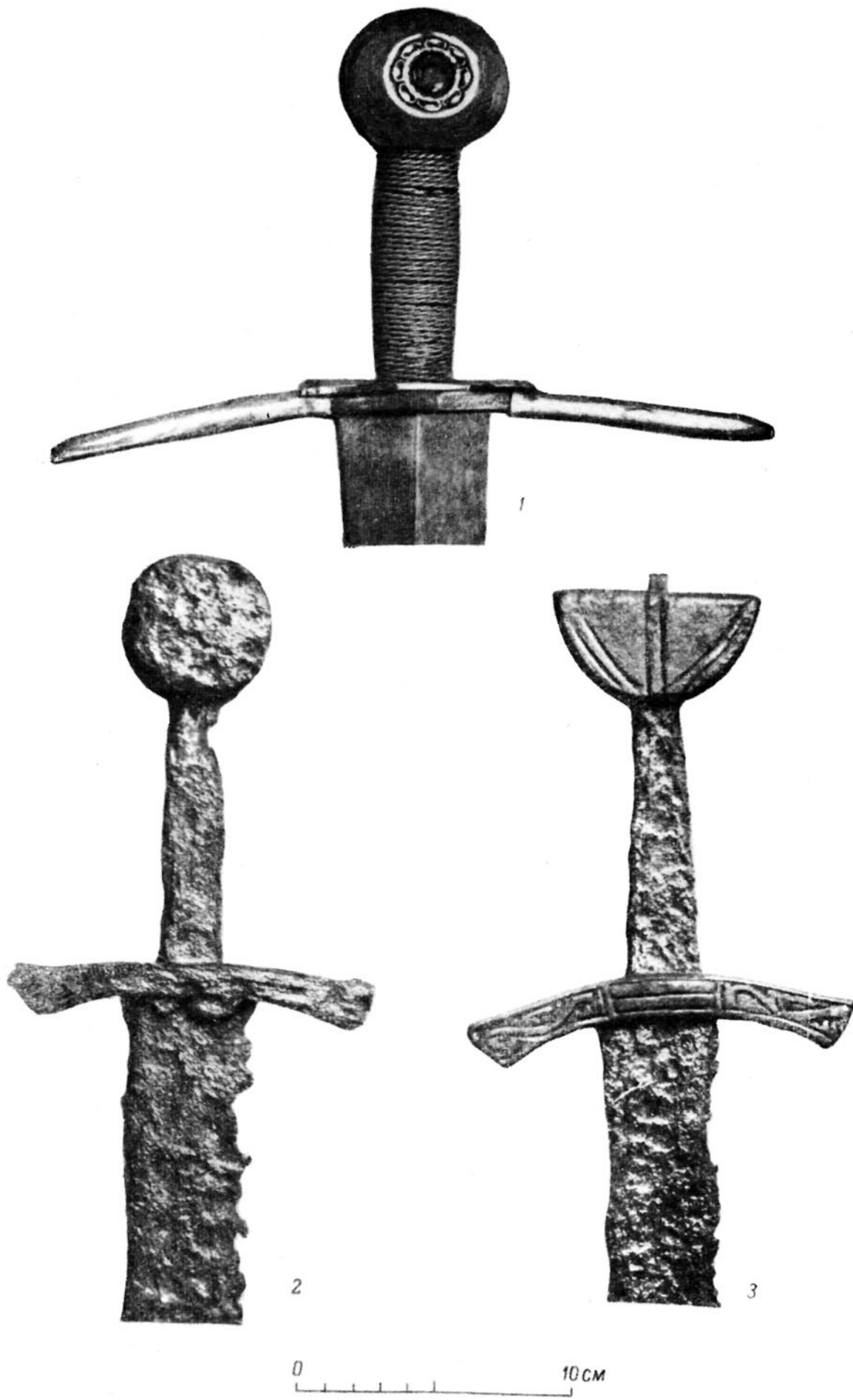

Таблица XXVII.

1 — Псков (31); 2 - бывш. С.-Петербургская губ. (28); 3 — Хотынцы (15).

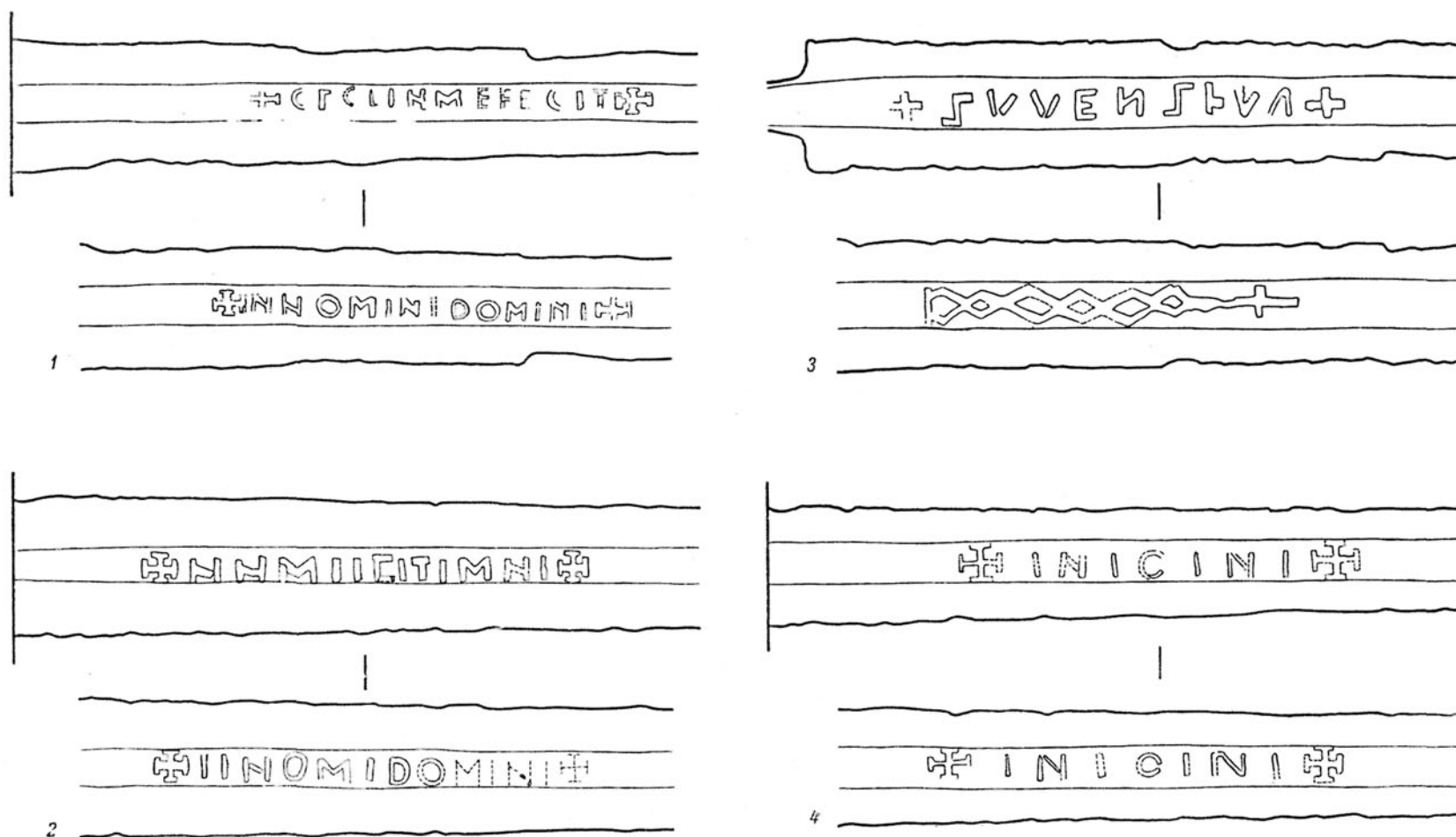
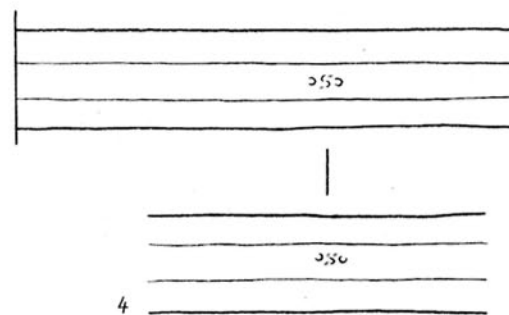
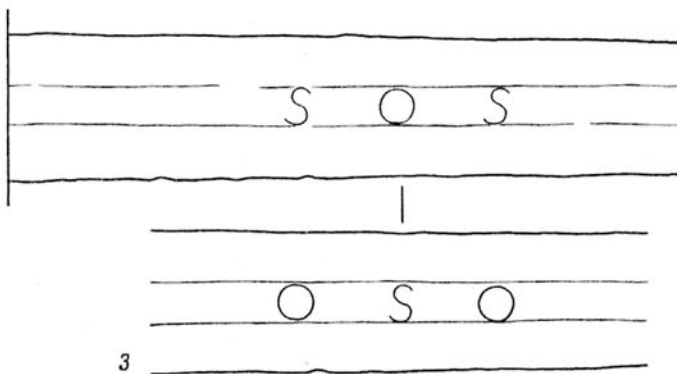
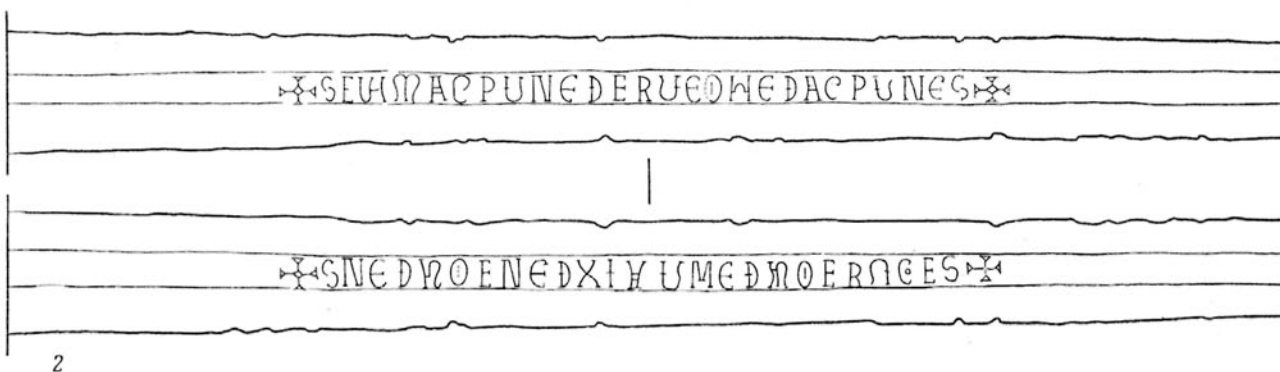
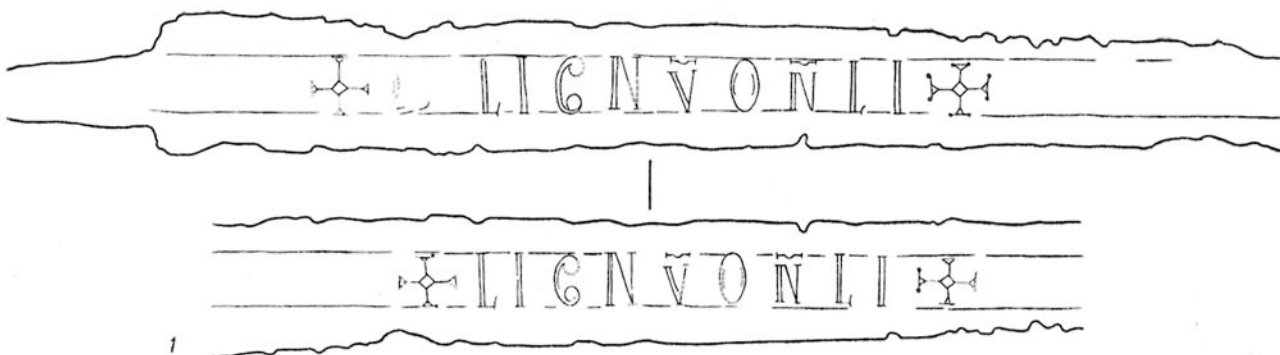

Таблица XXVIII.

1 — Стайки (11); 2 — Киев (18); 3 — Киев? (XV); 4 — бывш. Полтавская губ. (4).

0 10 CM

Таблица XXIX.

1 — бывш. Новолодожский у., С.-Петербургская губ., низовья реки Паши (II, XI в. ?); 2 — Макарецкая дача (34); 3 — место находки неизвестно (4Г); 4 — Пассельн (тип?, XIV в. ?, Гос. Эрмитаж, ОИПК, 890/937).

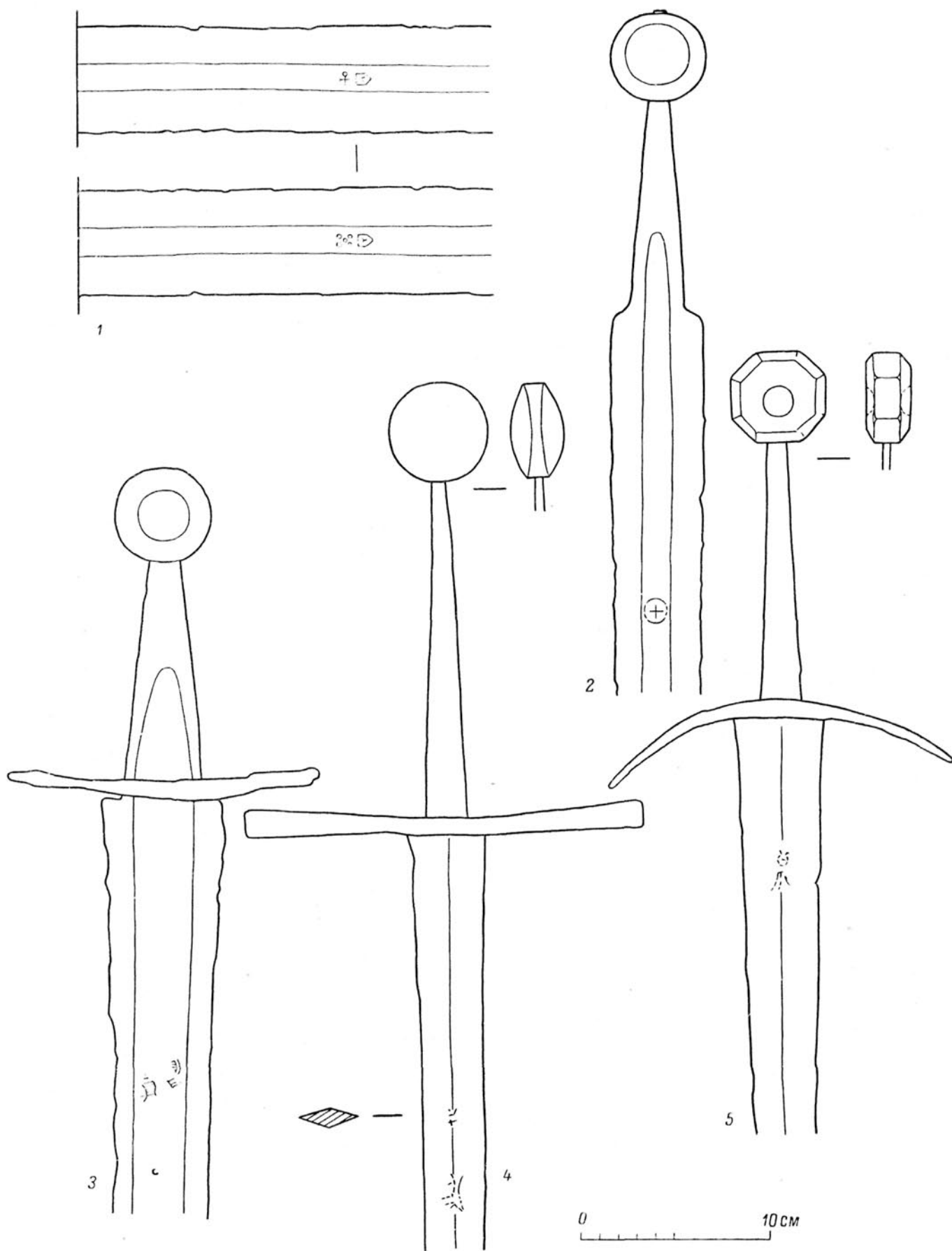

Таблица XXX.

1 — Украина (27); 2 — Украина (35); 3 — место находки неизвестно (40); 4 — Старая Дорога (33); 5 — место находки неизвестно (тип VI, XIV в.?, ГИМ, хр. 22/2).

0 3CM

0 5CM

0 5CM

Таблица XXXI.
Рукояти и клейма мечей.

1 — Старая Рязань (84, начало XI в.); 2, 3 — Киев, со дна Днепра (18).

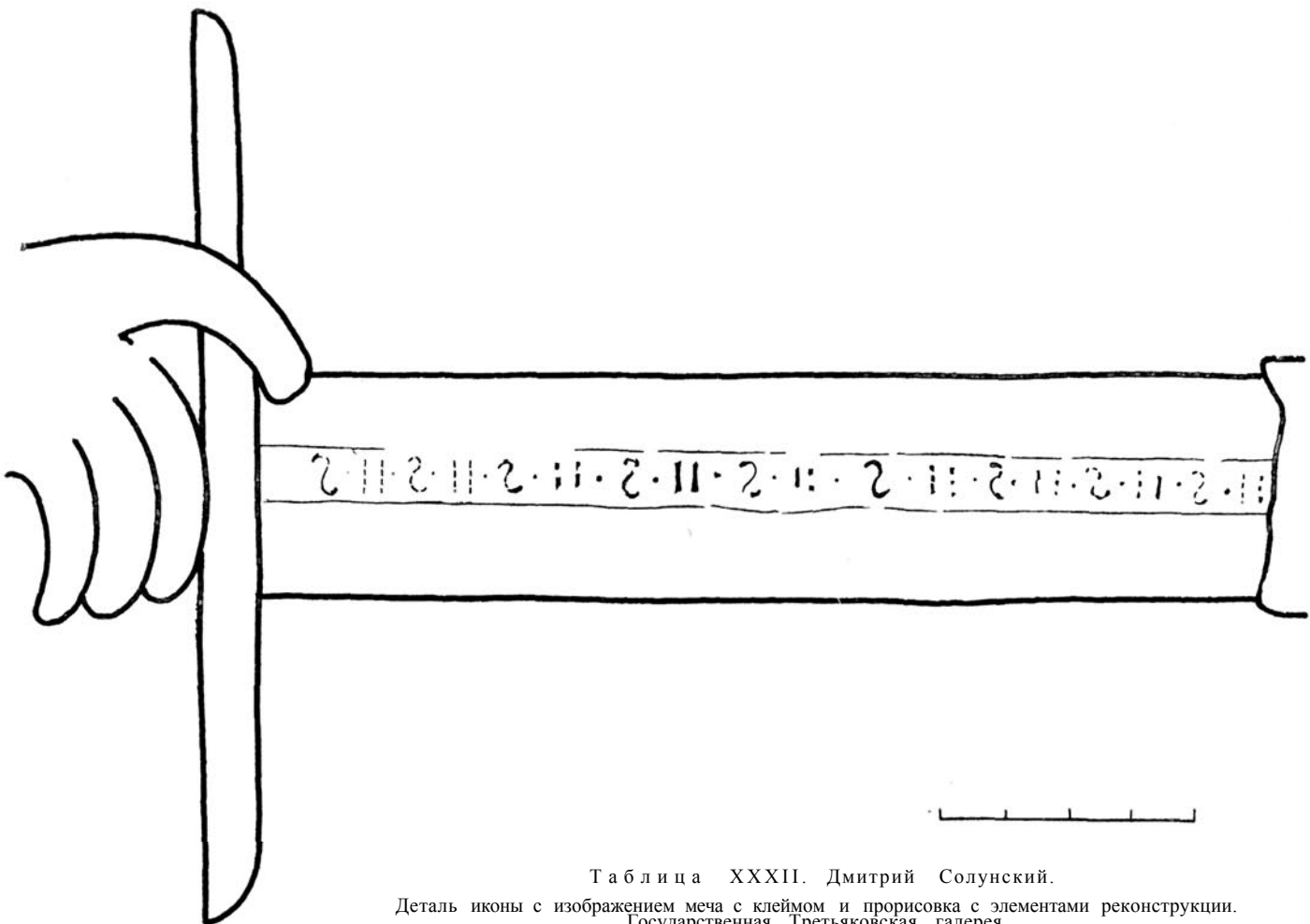
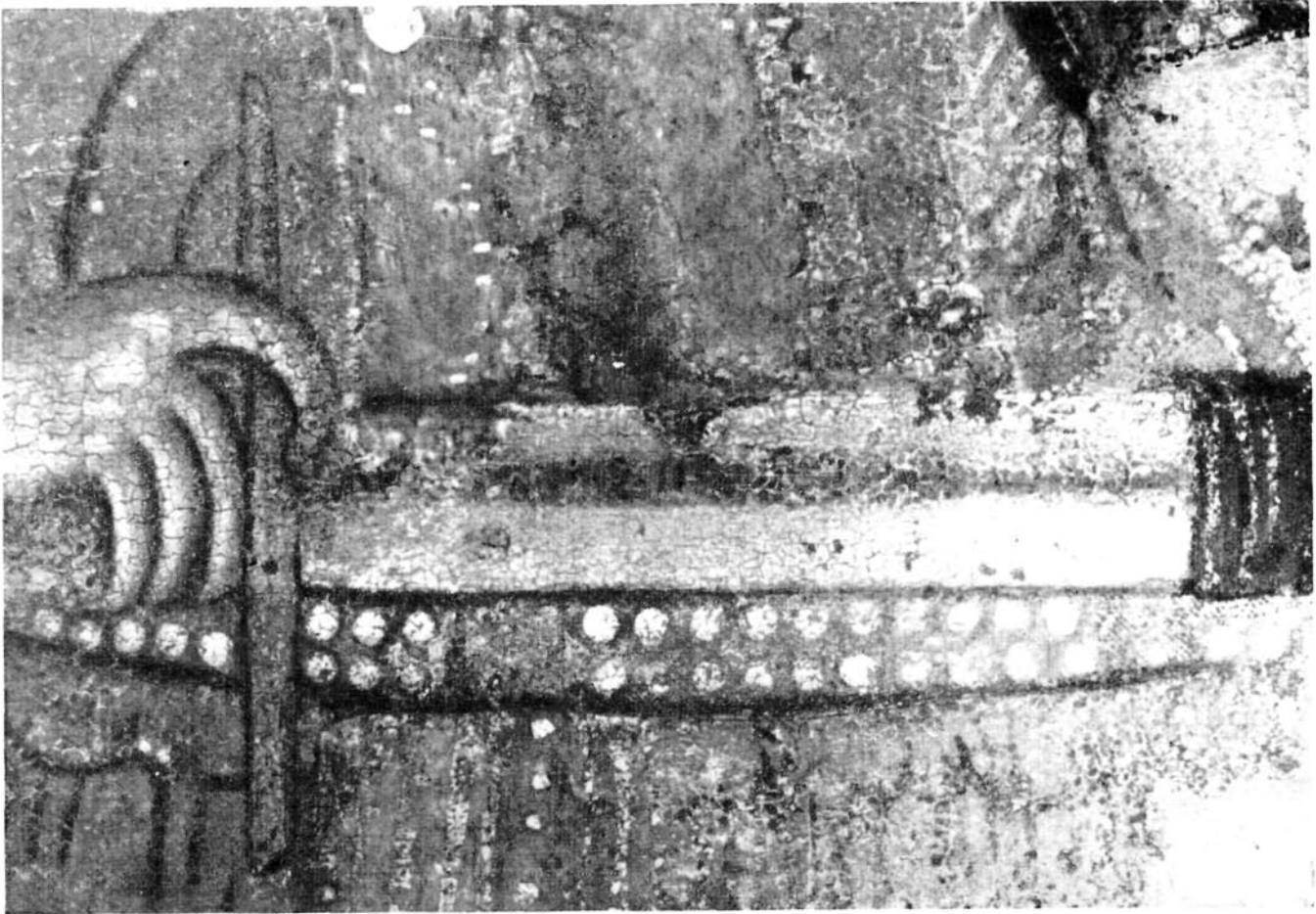
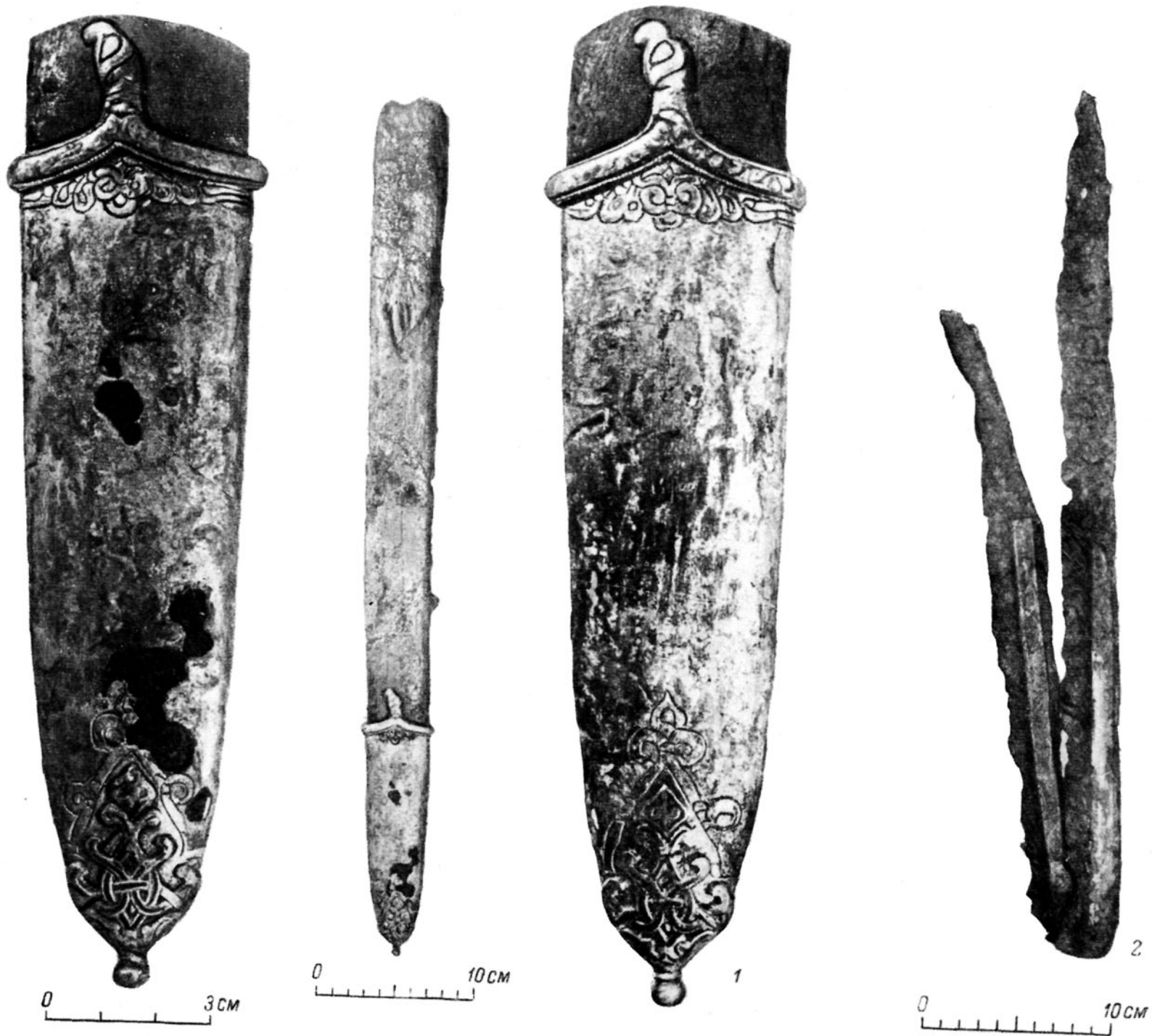
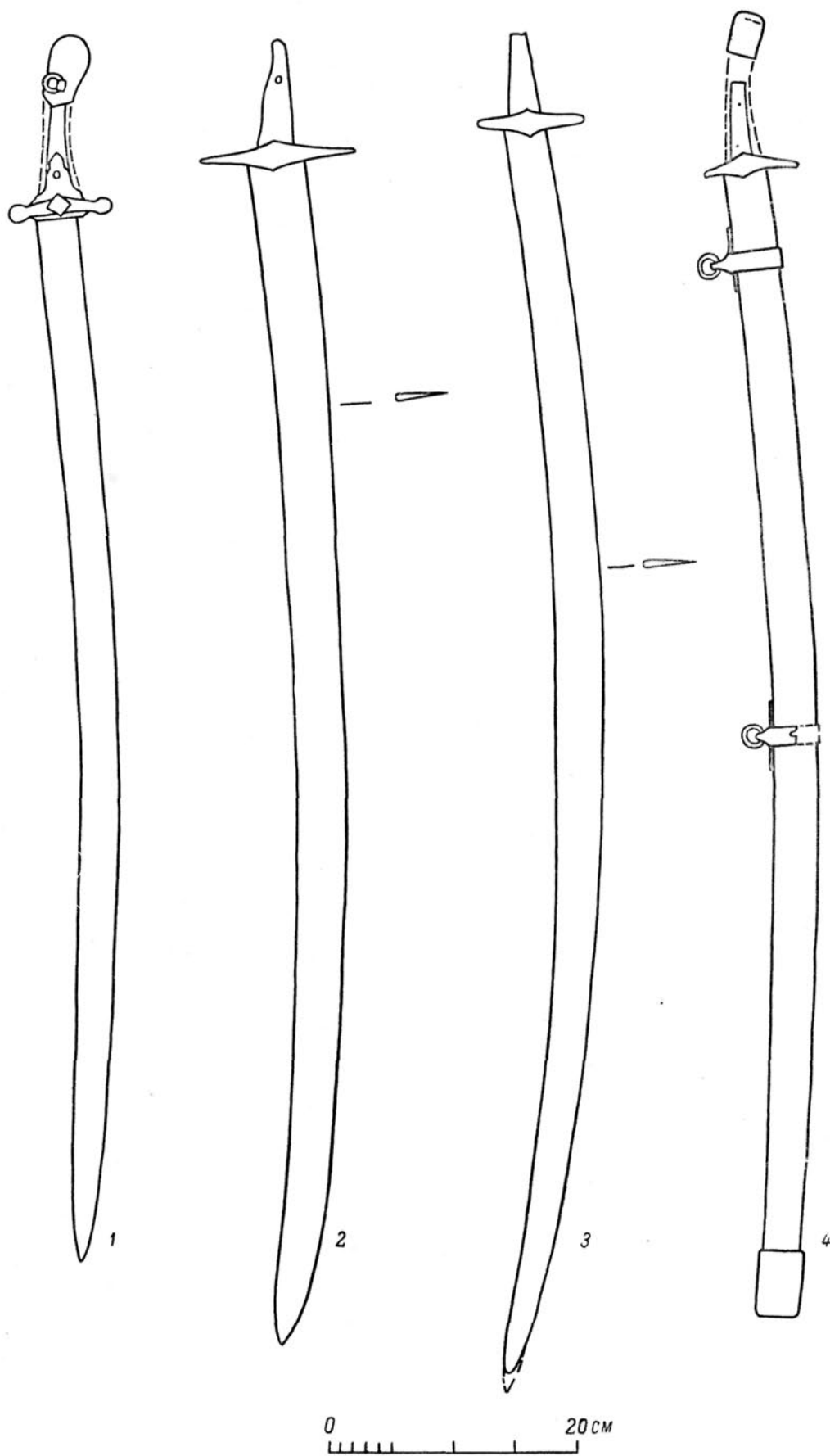

Таблица XXXII. Дмитрий Солунский.
Деталь иконы с изображением меча с клеймом и прорисовка с элементами реконструкции.
Государственная Третьяковская галерея.

Т а б л и ц а - XXXIII.

1 — Киев (8), нижняя часть сабли с наконечником ножен; 2 — Киев (7), сабля.

Т а б л и ц а XXXIV.

1 — Гочево (2); 2 — Степанцы (58); 3 — Липовец (51); 4 — Бурты (53).

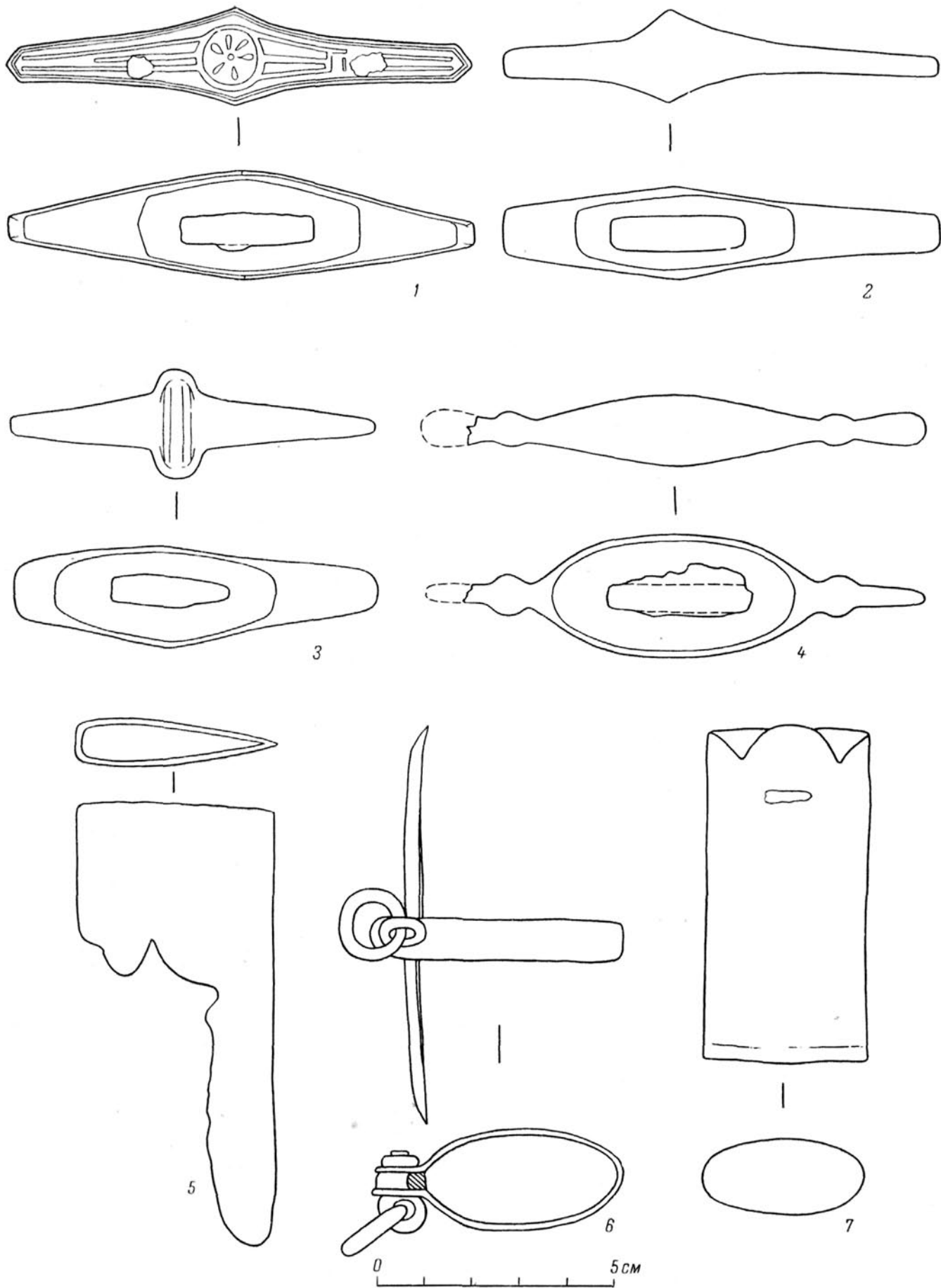

Таблица XXXV. Сабельные перекрестья (1—4), детали клинка (5) и ножен (6, 7).

1 — Киев (29); 2 — Княжа Гора (36); 3 — Сахновка (34); 4 — Грубское (92); 5 — Княжа Гора (XII — первая половина XIII в., КИМ, № 6691); 6 — Княжа Гора (XII — первая половина XIII в., КИМ, № 32203); 7 — Сахновка (XII — первая половина XIII в., КИМ, № 7876).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Глава 1. Источники, приемы и методы обработки и исследования ма- териала	9
Глава 2. Мечи	18
Мечи IX — первой половины XI в.	18
Мечи второй половины XI—XIII в.	49
Глава 3. Сабли (с добавлением о скрамасаксах, боевых ножах и кин- жалах)	61
Каталог находок	74
Алфавитный список населенных пунктов, перечисленных в каталоге находок	103
Список сокращений	105
Рисунки 20—54	109

Анатолий Николаевич Кирпичников

ДРЕВНЕРУССКОЕ ОРУЖИЕ

Вып. 1. Мечи и сабли

*

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *В. Т. Бочвер*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Н. В. Лихарева, Г. А. Ми-*
рошниченко и Т. Г. Эдельман

Сдано в набор 11/1 1966 г. Подписано к печати 25/IV 1966 г. РИСО АН СССР № 132—116 В. Формат бумаги 60 x 90¹/₈. Бум. л. 11¹/₄. Печ. л. 22¹/₂ = 22¹/₂ усл. печ. л. Уч. -изд. л. 17. 36. Изд. №2889. Тип. зак. № 695. М-27682. Тираж 1900. Бумага типографская № 1. Цена 1 р. 09 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука». Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Ученье - свет, а неученье - тьма
народная мудрость.

Да будет Свет! - сказал Господь
божественная мудрость

NataHaus - Знание без границ:
Скромное воплощение народной и божественной мудрости.:~)

[библиотека](#)

[форум](#)

[каталог](#)
